V 214/410

1 52927. У 214
410

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

П. Н. АРДАШЕВЪ.

У 214
410

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХІЯ

НА ЗАПАДѢ.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

Цѣна 1 руб. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1902.

Акціонернымъ Обществомъ „Издательское дѣло" Брокгаузъ-Ефронъ предпринято подъ общей редакціей **проф. Н. И. Карѣева** и **И. В. Лучицкаго** новое изданіе подъ заглавіемъ:

„Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время".

Изданіе распадается на двѣ серіи—эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ (напр., крестовымъ походамъ или гуманизму) посвящено, какъ и второстепеннымъ странамъ, по одной книжкѣ, болѣе важнымъ странамъ—по двѣ и по три. Въ составленіи книжекъ принимаютъ участіе профессора и привать-доценты русскихъ университетовъ и другіе ученые: *П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, А. К. Дживелеговъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Г. Межуевъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. Ѳ. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, Ѳ. И. Успенскій, А. И. Ясинскій* и др.

Предполагаемыя заглавія книжекъ первой серіи:

1. Римская имперія.—2. Культурный кризисъ въ римской имперіи.—3. Варварскія государства и феодализмъ.—4. Города и городскіе союзы въ средніе вѣка.—5. Западно-европейская сословная монархія.—6. Экономическая исторія среднихъ вѣковъ.—7. Средневѣковая культура.—8. Папство и монашество въ средніе вѣка.- 9. Крестовые походы.—10. Гуманизмъ.—11. Реформація и католическая реакція.—12. Абсолютная монархія.—13. Просвѣщеніе XVIII в.—14. Просвѣщенный абсолютизмъ.—15. Экономическая исторія новаго времени.—16. Эпоха французской революціи и Наполеона I.—17. Крестьянскія реформы на западѣ Европы въ новое время.—18—20. Политическая, культурная и экономическая исторія XIX в.

Въ составъ второй серіи войдутъ исторіи слѣдующихъ странъ: Австрія.—Англія.—Балк. полуостровъ.—Бельгія.—Венгрія.—Византія.—Германія.—Италія.—Испанія и Португалія.—Польша.—Пруссія.—Скандинавскія государства.—Турція.—Франція—Чехія.—Швейцарія.—Шотландія и Ирландія.

Ежегодно предполагается выпускать въ свѣтъ по 8 книжекъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ будутъ доставляться въ редакцію. Изложеніе, оставаясь вполнѣ научнымъ, будетъ расчитано на такъ называемую большую публику, т. е. будетъ отличаться общедоступностью.

Въ настоящее время уже имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Цѣна 75 коп.

Ѳ. И. Успенскій. Исторія крестовыхъ походовъ. Цѣна 75 коп.

Е. В. Тарле. Исторія Италіи въ средніе вѣка. Цѣна 1 р.

М. С. Корелинъ. Главнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Цѣна 75 коп.

Е. В. Тарле. Исторія Италіи въ новое время. Цѣна 1 р.

Н. И. Карѣевъ. Политическая исторія Франціи въ XIX в. Цѣна 1 р.

V 214/410

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

П. Н. АРДАШЕВЪ.

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХІЯ НА ЗАПАДѢ.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ".

XLII-1041/6
Румянцевскаго Музея Библіотека

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1902.

2007056121

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Русская литература по всеобщей исторіи особенно бѣдна общими пособіями, приноровленными къ цѣлямъ самообразованія и къ потребности большой публики въ научныхъ, но въ то же время небольшихъ по объему и общедоступныхъ по изложенію историческихъ книгъ. Особенно мало у насъ общихъ трудовъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, равно какъ по исторіи отдѣльныхъ эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и т. п.). Для устраненія этого важнаго недостатка многіе русскіе спеціалисты всеобщей исторіи, большею частью университетскіе профессора и приватъ-доценты, предприняли составленіе цѣлой коллекціи небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ — „Исторія Европы въ средніе вѣка и новое время по эпохамъ и странамъ“. Такихъ книжекъ предположено около сорока, причемъ все изданіе будетъ дѣлиться на двѣ серіи—эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ или странѣ предполагается посвятить по одной книжкѣ, за исключеніемъ главнѣйшихъ странъ (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи), которыя потребуютъ по двѣ и даже по три книжки. Отдѣльные выпуски этой коллекціи будутъ составлены учеными, болѣе спеціально занимавшимися тѣмъ или другимъ отдѣломъ всеобщей исторіи, и всѣми ими будетъ принято во вниманіе, что ихъ читателями явятся вообще лица, получившія образованіе не ниже средняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающія пополнить и расширить свои знанія. Поэтому въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и соціально-политическая исторія, и изъ изложенія будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для спеціалистовъ. Общее веденіе изданія приняли на себя ниже-

подписавшіеся, участвовать же въ составленіи отдѣльныхъ книжекъ будутъ: П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, А. К. Дживелеговъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. Ѳ. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, Ф. И. Успенскій и др.

Въ настоящее время уже изданы „Исторія крестовыхъ походовъ“ Ѳ. И. Успенскаго, „Паденіе античнаго міросозерцанія“ и „Главнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства“ М. С. Корелина, „Исторія Италіи въ средніе вѣка“ и „Исторія Италіи въ новое время“ Е. В. Тарле и „Политическая исторія Франціи въ XIX в.“ Н. И. Карѣева.

Н. Карѣевъ.

И. Лучицкій.

II.

Авторъ настоящей книжки счелъ удобнымъ ограничить характеристику „абсолютной монархіи“ тремя романскими странами — Италіей, Испаніей и Франціей, какъ въ силу тѣхъ соображеній, которыя читатель найдетъ въ введеніи ко второй главѣ (стр. 49—50), такъ и потому, что объ абсолютной монархіи въ германскихъ странахъ удобнѣе говорить въ связи съ „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ XVII в., изученіе котораго не входитъ въ нашу задачу. Въ той же связи удобнѣе трактовать и испанскую монархію въ XVIII в., а французскую монархію послѣ Людовика XIV — въ связи съ исторіей французской революціи, какъ „введеніе“ въ послѣднюю: вотъ почему авторъ остановился, какъ на заключительныхъ хронологическихъ датахъ для этихъ странъ, на концѣ царствованія послѣдняго Габсбурга въ Испаніи и Людовика XIV во Франціи.

П. А.

оглавленіе.

стр.

ВВЕДЕНІЕ.—Происхожденіе абсолютизма.—I. Возрожденіе римской государственной идеи. Феодальный строй, сословная монархія и государство новаго времени. Возрожденіе римскаго права въ Сѣверной Италіи въ XI - XII в.—Ломбардскіе города-республики XII XIV в. Императоры Гогенштауфены и ученіе болонскихъ легистовъ. «Конституція Сицилійскаго королевства» и Фридрихъ II Гогенштауфенъ.—Сѣверо-итальянскій принципатъ XIV XV в., какъ историческій прототипъ абсолютной монархіи новаго времени. Распространеніе возродившейся римской государственной идеи за предѣлами Италіи. II. Разложеніе феодальнаго строя. Разложеніе экономическихъ и соціальныхъ устоевъ феодализма. - Ростъ городовъ. - Развитіе денежнаго хозяйства и ростущее вліяніе денежнаго капитала. Развитіе государственнаго хозяйства. - Феодальное ополченіе и наемныя арміи. Растущая политическая сила денегъ. Образованіе компактныхъ государственныхъ территорій. III. Разложеніе сословно-представительныхъ учрежденій и его причины. Сословный антагонизмъ. Генеральные штаты Франціи; право вотированія субсидій и Орлеанскіе штаты 1439 г.—Неполнота сословнаго представительства. Созывъ сословій, какъ привилегія короны. Какимъ образомъ въ Англіи сословное представительство не только не исчезло, но и развилось въ представительство національное? 1

Гл. I. Ранній абсолютизмъ (итальянскій принципатъ.—Общій характеръ итальянскаго принципата, какъ абсолютной монархіи. Вліяніе итальянскаго абсолютизма на внѣ-италійскія монархіи. Три типа итальянскихъ «князей». I. Ранній итальянскій принципатъ. Висконти въ Миланѣ. II. Князья-кондотьеры въ XV в. «Новые люди» на исторической сценѣ. «Доблесть» эпохи возрожденія. Франческо Сфорца. III. Денежный капиталъ, какъ политическая сила и Медичи во Флоренціи. Козимо и Лоренцо Великолѣпный.—Государь въ скрытомъ состояніи. Династія Медичи, какъ банкирскій домъ.—IV. Цезарь Борджіа. Цѣли и средства его политики. «Италія, склеенная въ одинъ кусокъ». «Великій тираннъ возрожденія».—Историчестое значеніе личности Цезаря Борджіа. - V. Принципатъ Цезаря Борджіа и политическая философія Макіавелли. Первый опытъ теоріи новаго государства.—Апоѳеозъ государства и государственной власти.—Идея монархическаго абсолютизма въ ученіи Макіавелли. 25

Гл. II. Испанско-габсбургскій абсолютизмъ.—Абсолютная монархія, какъ явленіе романскихъ странъ par excellence. - I. Кастилія, какъ колыбель испанскаго абсолютизма.—Постепенный упадокъ сословнаго представительства и ростъ королевской власти въ Кастиліи.—Фердинандъ и Изабелла; заложеніе основъ абсолютной монархіи въ Испаніи. Ограниченіе политическаго вліянія всѣхъ трехъ сословій. Организація королевскаго абсолютизма Инквизиція, какъ орудіе королевской власти. II. Карлъ V.—Дальнѣйшій прогрессъ королевской власти въ Испаніи.—Столкновеніе съ кортесами и «возстаніе коммунеровъ».—Побѣда космополитическаго абсолютизма надъ національными вольностями Кастиліи. Союзъ между королевскою властью и католическимъ правовѣріемъ.—Политика вѣро-

исповѣдной исключительности и предсмертныя отеческія наставленія сыну. Притязанія на міровую гегемонію и космополитическая политика. Во что она обошлась Испаніи? Ростъ фискальности. Результаты царствованія Карла V для Испаніи.—III. Филиппъ II, какъ прямой продолжатель Карла V.—Личный абсолютизмъ, доведенный до геркулесовыхъ столбовъ.—Торжество королевскаго абсолютизма въ Арагонѣ.—Обостреніе вѣроисповѣдной нетерпимости, осложненной національною исключительностью.—Изгнаніе мавровъ. Итоги «католической» политики Филиппа II.—Міровая политика Филиппа II.—Филиппъ II въ роли предводителя всѣхъ силъ воинствующаго католицизма. Прогрессъ фискальности и его причины.—Войны и ростущая расточительность двора. Итоги царствованія Филиппа II.—Преемники Филиппа II. «Великое лѣто» царствованія Филиппа III. Теоретическій и практическій культъ королевской власти.—Ростъ двора, чиновничества и бюрократіи Ростъ привилегированныхъ сословій.—Экономическій, культурный и политическій упадокъ Испаніи при послѣднихъ Габсбургахъ 49

Гл. III. Абсолютная монархія во Франціи.—I. Постепенный ростъ королевской власти во Франціи. Территоріальное «собираніе» Франціи и государственно-правовой процессъ дефеодализаціи королевской власти. Идейная реставрація неограниченной власти государя; легисты, Боденъ.—Постепенное фактическое отрѣшеніе королевской власти отъ ея феодально-правовыхъ основъ. Францискъ I, какъ первый абсолютный монархъ во Франціи. Чего не доставало абсолютной монархіи во Франціи? Религіозныя войны и попытки новой феодализаціи.—Реставрація королевскаго абсолютизма при Генрихѣ IV и ея новый характеръ. Идея о божественности королевской власти.—Опекающій характеръ монархіи. Слабость монархической организаціи. II. Малолѣтство Людовика XIII и пробужденіе враждебныхъ королевскому абсолютизму силъ.—Ришелье. Его мѣры противъ дворянства и его дворянскія тенденціи. Конецъ протестантскаго государства въ государствѣ. Парламенты, генеральные и провинціальные штаты.—Положительная сторона внутренней политики Ришелье.—Организація абсолютной монархіи во Франціи. Органы королевской власти въ центрѣ и въ области.—Статсъ-секретари, главнокомандующіе въ провинціяхъ и интенданты. III. Людовикъ XIV и апогей абсолютной монархіи во Франціи. Закрѣпленіе политическаго абсолютизма посредствомъ административной централизаціи.—Зародышъ позднѣйшихъ министерствъ Генералъ-контролеръ и ростъ его правительственнаго значенія. Превращеніе интендантства въ общегосударственное учрежденіе и завершеніе административной централизаціи.—Учрежденія растущія и умирающія.—Роль генералъ-губернаторовъ, финансовыхъ присутствій и провинціальныхъ штатовъ. Правительственная опека надъ городскимъ и сельскимъ самоуправленіемъ.—Фискальная эксплуатація городовъ. Ростъ фискальности, ея причины и слѣдствія. Внѣшняя политика мегаломаніи.—Дворъ; культъ королевской власти и королевской особы. Людовикъ XIV, какъ теоретикъ монархическаго абсолютизма.—Богословско-политическая философія Боссюэта. Теорія и ея практическія слѣдствія. Итоги царствованія Людовика XIV для внутренней исторіи Франціи.—«Старый порядокъ» и революція 100

ВВЕДЕНІЕ.

Происхожденіе абсолютизма.—I. Возрожденіе римской государственной идеи.—Феодальный строй, сословная монархія и государство новаго времени.—Возрожденіе римскаго права въ Сѣверной Италіи въ XI—XII в.—Ломбардскіе города-республики XII—XIV в.—Императоры Гогенштауфены и ученіе болонскихъ легистовъ.—«Конституція Сицилійскаго королевства» и Фридрихъ II Гогенштауфенъ.—Сѣверо-итальянскій принципатъ XIV—XV в., какъ историческій прототипъ абсолютной монархіи новаго времени.—Распространеніе возродившейся римской государственной идеи за предѣлами Италіи.—II. Разложеніе феодальнаго строя.—Разложеніе экономическихъ и соціальныхъ устоевъ феодализма.—Ростъ городовъ.—Развитіе денежнаго хозяйства и ростущее вліяніе денежнаго капитала.—Развитіе государственнаго хозяйства.—Феодальное ополченіе и наемныя арміи.—Ростущая политическая сила денегъ.—Образованіе компактныхъ государственныхъ территорій.—III. Разложеніе сословно-представительныхъ учрежденій и его причины.—Сословный антагонизмъ.—Генеральные штаты Франціи; право вотированія субсидій и Орлеанскіе штаты 1439 г.—Неполнота сословнаго представительства.—Созывъ сословій, какъ привилегія короны.—Какимъ образомъ въ Англіи сословное представительство не только не исчезло, но и развилось въ представительство національное.

Первыя три столѣтія исторіи Западной Европы въ новое время отмѣчены, въ политической сферѣ, господствомъ той формы государственнаго строя, который принято называть *абсолютной монархіей* или коротко—*абсолютизмомъ*. Абсолютизмъ составляетъ такую же господствующую характерную черту политической физіономіи XVI — XVIII в., какою служатъ феодализмъ для IX — XIII в. и сословная монархія для XIV — XV в. Это не значитъ, конечно, чтобы абсолютная монархія господствовала одинаково на всемъ пространствѣ Западной Европы и на всемъ хронологическомъ протяженіи указаннаго періода; въ этомъ господствѣ абсолютизма наблюдаются болѣе или менѣе значительные пробѣлы и въ хронологическомъ и въ географическомъ смыслѣ: не *всюду* въ извѣстный данный моментъ и не во *все время* въ извѣстной

данной странѣ господствуетъ абсолютная монархія. Но эти частичные пробѣлы не нарушаютъ общаго господствующаго тона картины, а этотъ тонъ дается, именно, абсолютизмомъ. Тамъ гдѣ мы не находимъ абсолютизма въ *фактѣ*, мы встрѣчаемся съ нимъ въ *притязаніяхъ*, въ *стремленіяхъ*, въ *идеяхъ* наконецъ. Абсолютизмъ не только даетъ господствующій тонъ всей политической жизни эпохи, но налагаетъ свой отпечатокъ и на умственную, нравственную и экономическую физіономію послѣдней.

Откуда, спрашивается, взялся на порогѣ новаго времени этотъ политическій абсолютизмъ, столь чуждый всему предшествовавшему средневѣковому развитію, и какимъ образомъ эта новая форма государственнаго строя успѣла вытѣснить выработанныя предыдущимъ развитіемъ формы государственности, для того чтобы завоевать себѣ преобладающую роль въ Западной Европѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій?

Общность — можно сказать даже всеобщность — факта заставляетъ предполагать и нѣкоторыя общія причины явленія. Каковы были эти общія причины?

Однѣ изъ нихъ лежатъ въ области *идей*, другія — въ области *фактическихъ отношеній*. Причины первой изъ этихъ двухъ категорій сводятся къ тому общему факту, который можно назвать *возрожденіемъ римской государственной идеи*; причины второй категоріи — къ другому, не менѣе общему факту — *разложенію феодализма и вышедшей изъ него сословной монархіи*. Къ этимъ двумъ общимъ причинамъ присоединялись, для отдѣльныхъ странъ, различныя болѣе или менѣе спеціальныя причины, изъ которыхъ иныя не лишены также извѣстной степени общности: таковъ, напримѣръ, фактъ образованія крупныхъ государственныхъ территорій (Франція, Испанія).

I.

Римская государственная идея умерла для европейскаго Запада вмѣстѣ съ римскою имперіею, которая ее воплощала въ политической дѣйствительности. Основавшіяся на развалинахъ имперіи гер-

манскія племена принесли съ собою и совершенно другую общественную организацію, и совершенно иныя понятія, чѣмъ римская государственность и римская государственная идея. *Германскимъ племенамъ было совершенно чуждо представленіе о государственной организаціи, основанной на единствѣ неограниченной верховной власти, не зависимой при томъ отъ какихъ бы то ни было частно-правовыхъ отношеній. Выросшій на занятой германцами римской почвѣ феодальный порядокъ представлялъ собою совершенную антитезу римской государственности.* Въ самомъ дѣлѣ, основныя характерныя черты феодальнаго строя заключались, во-первыхъ, въ *раздробленіи верховной государственной власти*, и во-вторыхъ въ *пріуроченіи послѣдней къ землевладѣнію*. Стало быть, въ феодализмѣ сливались воедино двѣ строго разграничивавшіяся въ римскомъ общественномъ строѣ области: область *частнаго права* и область *права государственнаго*. Раздѣленія между этими двумя областями права не существовало въ феодализмѣ — ни въ фактѣ, ни въ идеѣ. Понятіе о *государственной власти, какъ власти особаго рода*, не имѣющей ничего общаго съ владѣніемъ землей, и вообще независимой отъ какихъ бы то ни было частно-правовыхъ отношеній, было совершенно чуждо феодальной эпохѣ. Въ феодальномъ строѣ, собственно говоря, даже и *государства*-то нѣтъ, а есть лишь нѣкоторая *система сеньерій*; въ немъ нѣтъ *государей* въ собственномъ смыслѣ, а есть лишь *сеньеры*, то-есть землевладѣльцы-помѣщики, въ рукахъ которыхъ съ владѣніемъ землей соединена извѣстная власть надъ живущимъ на ней населеніемъ. Феодальный сеньеръ, это — наполовину государь и на половину — подданный; но онъ не *государь* въ строгомъ смыслѣ, во-первыхъ потому, что основа его власти — *владѣніе землей*, стало быть — фактъ частно-правового порядка, во-вторыхъ, еще потому, что въ большинствѣ случаевъ сеньеръ состоитъ въ *вассальной зависимости* отъ другого сеньера, который является его *сюзереномъ*. Но если сеньеръ не *государь* въ полномъ смыслѣ, то онъ и не *подданный* по отношенію къ своему сюзерену: онъ только его *вассалъ*, то-есть человѣкъ, связанный съ своимъ *сю-*

зереномъ извѣстною зависимостью, основанною на обоюдныхъ обязательствахъ, — обязательствахъ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть и расторгнуты. Король феодальной эпохи, это — прежде всего крупный сеньеръ. Но онъ не государь въ строгомъ смыслѣ, а его королевство не государство, а лишь нѣкоторая система сеньерій. У короля есть собственная сеньерія, то-есть земля, которою онъ владѣетъ на такихъ же основаніяхъ, на какихъ владѣетъ своею сеньеріей каждый изъ его вассаловъ или подъ-вассаловъ. Въ своей собственной сеньеріи король, дѣйствительно, является какъ бы государемъ, но это лишь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ каждый изъ его вассаловъ является государемъ въ своей собственной сеньеріи. Подданными короля можно назвать лишь обывателей (и то не всѣхъ) его собственной сеньеріи, но опять-таки на такомъ же точно основаніи, на какомъ обыватели каждой изъ вассальныхъ сеньерій являются подданными своего сеньера. Но подданные королевскихъ вассаловъ не суть подданные короля. За предѣлами королевскаго „домена“, то-есть собственной сеньеріи короля, у него нѣтъ *подданныхъ* въ королевствѣ, а есть лишь *вассалы*.

Единственнымъ связующимъ элементомъ феодальнаго государства являются, стало быть, узы феодальной зависимости вассала по отношенію къ своему сюзерену: нити эти сходятся въ концѣ концовъ въ одной точкѣ, въ одномъ центрѣ, въ лицѣ короля, какъ общаго сюзерена надъ всѣми сеньерами королевства. Единство феодальнаго государства зиждется исключительно на единствѣ верховнаго сюзерена.

Таково, въ общихъ чертахъ, *феодальное государство*, если только вообще можно его назвать государствомъ. Легко видѣть, насколько это quasi-государство далеко отъ государства въ римскомъ смыслѣ, съ его основною идеею единой всеобъемлющей верховной власти, совершенно свободной отъ какихъ бы то ни было частноправовыхъ отношеній.

Начиная съ конца XII в. и начала XIII в., феодальное королевство преобразуется мало-по-малу въ большинствѣ западноевропейскихъ странъ въ ту форму государственной организаціи, которую принято называть *сословною монархіей*. Сословная мо-

нархія, господство которой относится главнымъ образомъ къ XIV—XV в., отличается отъ *монархіи феодальной* наличностью новаго учрежденія, которое, нося въ различныхъ странахъ различныя наименованія (*генеральные штаты* во Франціи, *ландтаги* въ Германіи, *кортесы* въ Испаніи, *парламентъ* въ Англіи), представляетъ по существу дѣла нѣчто однородное. По своему составу, учрежденія эти могутъ быть названы *сословно-представительными собраніями*, такъ какъ въ составъ ихъ входили представители сословій (обыкновенно трехъ), созывавшихся королемъ для вотированія субсидій и для участія въ законодательной дѣятельности короны.

Сословная монархія представляетъ собою шагъ впередъ въ процессѣ постепеннаго превращенія феодальнаго государства въ государство въ строгомъ, то-есть въ римскомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чисто феодальной связи, основанной на *сюзеренитетѣ*, здѣсь присоединяется новый элементъ государственнаго единства: это—такъ сказать, *земское единство*, въ лицѣ общаго сословнаго представительства всей „земли", независимо отъ ея феодальныхъ ячеекъ, сеньерій. Присутствіе этого новаго элемента государственности, хотя и вышедшаго изъ феодальныхъ отношеній, но отмѣченнаго уже инымъ, не-феодальнымъ, а чисто государственнымъ характеромъ, вноситъ существенно новую черту и въ физіономію короля: наличность окружающаго королевскій тронъ обще-земскаго представительства проводитъ впервые наглядную и рѣзкую черту между королемъ, какъ главою всей „земли", и прочими сеньерами, его вассалами. *Къ чисто феодальнымъ основамъ королевской власти присоединяется, такимъ, образомъ, новый элементъ, отмѣченный иною печатью, печатью государственности.* Это былъ первый крупный шагъ къ превращенію феодальнаго сюзеренитета въ государственный суверенитетъ, и слѣдовательно—къ превращенію короля изъ феодальнаго сюзерена въ государя въ строгомъ смыслѣ.

Тѣмъ не менѣе, сословная монархія, выросшая на феодальной почвѣ и изъ феодальныхъ элементовъ, была еще слишкомъ глубоко пропитана началами феодализма, чтобы изъ нея могло выйти, ну-

темъ естественнаго развитія, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, государство въ собственномъ смыслѣ,—то государство, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ новое время. Сословная монархія была также далека отъ государства въ римскомъ смыслѣ, какъ и отъ абсолютной монархіи XVI—XVIII в. Нельзя, конечно, было ожидать и того, чтобы на почвѣ сословной монархіи, пропитанной феодально-федералистическими началами, могла сама собой взрости идея абсолютной монархіи. Идеѣ этой не изъ чего было *родиться*: она могла лишь *возродиться*. И оно совершилось, это возрожденіе—*возрожденіе римской государственной идеи*.

Возрожденіе это, какъ и слѣдовало ожидать, началось тамъ же, откуда вышло такъ называемое „возрожденіе классической древности“ или „ренессансъ“,—въ Италіи, гдѣ римскія традиціи, которыми, можно сказать, была пропитана почва страны и насыщена атмосфера, не могли совершенно заглохнуть, не смотря на пережитыя Италіей безчисленныя передряги въ смутное для нее время средневѣковья.

Возрожденіе римской государственной идеи связано, однако, не съ „ренессансомъ“, потому что оно предшествовало послѣднему на доброе столѣтіе, а съ *возрожденіемъ римскаго права*. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ болонской школѣ правовѣдѣнія (въ Болоньѣ, въ Сѣверной Италіи), изъ которой возникъ въ XII в. первый университетъ. И это не простая случайность, что интересъ къ римскому праву возникаетъ впервые въ Сѣверной Италіи, въ Ломбардіи, а не въ Римѣ или гдѣ-нибудь на югѣ Италіи. *Здѣсь болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой части Италіи—не говоря уже объ остальной Европѣ—умы были подготовлены самымъ положеніемъ вещей къ воспріятію римскихъ государственно-правовыхъ идей*. Дѣло въ томъ, что въ Ломбардіи болѣе значительные города начинаютъ, съ XI в., высвобождаться изъ-подъ феодальнаго ига своихъ епископовъ-сеньеровъ и превращаться въ маленькія республики подъ номинальною властью императора, но фактически независимыя, мы бы сказали—суверенныя. Въ этихъ ломбардскихъ *городахъ-республикахъ* верховная власть покоилась уже не на землевладѣніи, какъ власть

феодальнаго сеньера, а на народномъ избраніи, или, говоря отвлеченно, на волѣ народа, то есть на фактѣ чисто государственнаго, а не частно-правового порядка. Въ ломбардскихъ городахъ-республикахъ мы впервые въ средніе вѣка находимъ государственную власть безъ всякой землевладѣльческой или вообще какой бы то ни было частно-правовой примѣси, которою, какъ мы видѣли, именно, и характеризуется феодальный строй. Другими словами, *ломбардскіе города-республики впервые въ средневѣковомъ западно-европейскомъ мірѣ осуществили идею государства въ римскомъ смыслѣ.*

Римская государственная идея, такимъ образомъ, какъ бы носилась въ воздухѣ. Не мудрено, что вышедшіе изъ болонской школы юристы нашли благопріятную почву для приложенія и распространенія римскихъ правовыхъ идей въ умахъ своихъ современниковъ. Сами они были проникнуты, можно сказать, благовѣніемъ къ римскому праву, въ которомъ они видѣли идеальное выраженіе вѣчныхъ, незыблемыхъ, абсолютныхъ правовыхъ истинъ, вытекающихъ изъ разума. Римское право было для нихъ идеальное право, *писанный разумъ*, *ratio scripta*, какъ они любили выражаться. Апостолы новой вѣры, вѣры въ римское право, какъ единственное истинное право, находили благопріятную почву не только для идейной пропаганды послѣдняго, но также и для практическаго проведенія его началъ въ современную имъ политическую дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, съ университетской каѳедры болонскіе правовѣды спускаются вскорѣ на арену политической дѣятельности. Съ начала XIII в. они начинаютъ проникать въ правительственные слои городскихъ республикъ и принимаютъ дѣятельное участіе въ переработкѣ городскихъ статутовъ въ духѣ римскаго права. Такимъ образомъ, римская государственная идея, находившая себѣ благопріятную почву въ конкретной политической дѣйствительности, съ своей стороны оказывала дѣятельное воздѣйствіе на послѣднюю въ смыслѣ все большаго и большаго ея проникновенія началами римскаго права.

Римскія государственно-правовыя идеи не замедлили распространиться вскорѣ и за предѣлами Ломбардіи. Наглядный примѣръ

тому—императоры Гогенштауфены. Римская идея объ императорской власти какъ нельзя болѣе отвѣчала ихъ собственнымъ представленіямъ о своей власти. Фикція „Священной римской имперіи" была для нихъ реальною дѣйствительностью. Гогенштауфены смотрятъ на себя, какъ на дѣйствительныхъ преемниковъ римскихъ императоровъ и на дѣйствительныхъ обладателей всей полноты ихъ власти. Этимъ своимъ воззрѣніямъ и притязаніямъ Гогенштауфены находятъ теоретическое обоснованіе въ ученіи вышедшихъ изъ покровительствуемой ими болонской школы юристовъ („легистовъ"). *По представленію легистовъ, фикція римской имперіи, носителями которой были „римскіе императоры германской націи", имѣла значеніе реальнаго государственно правового факта.* Императорскія прерогативы Фридриха Барбароссы, по ихъ воззрѣнію, тѣ же самыя, что и прерогативы любого изъ древнихъ римскихъ императоровъ. Это означало, другими словами, что власть императора неограниченна; она—источникъ закона. *Изволеніе государя имѣетъ силу закона—quod principi placuit, legis habet vigorem:* это изреченіе становится любимою формулою, излюбленнымъ девизомъ глашатаевъ воскресшаго римскаго права. Нѣкоторые изъ нихъ еще подчеркивали ее комментаріемъ: *государь не связанъ законами—онъ выше закона: princeps legibus solutus est, supra leges constitutus.* Самому Фридриху Барбароссѣ приписывается слѣдующее характерное изреченіе: *дѣлать безнаказанно все, что угодно—вотъ что означаетъ быть государемъ—omnia impune facere, hoc est regem esse.* Слова эти—первый крикъ новорожденнаго абсолютизма.

Но императорскій абсолютизмъ этотъ, какъ основанный на простой фикціи и не имѣвшій подъ собой никакой почвы въ конкретной политической дѣйствительности эпохи, не могъ, конечно, имѣть большаго значенія, чѣмъ какъ простое притязаніе. Онъ любопытенъ, тѣмъ не менѣе, какъ знаменіе времени, какъ показатель жизнеспособности воскресшей вмѣстѣ съ римскимъ правомъ идеи неограниченной власти, власти государя, стоящаго выше законовъ и источника самихъ законовъ — другими словами — *идеи абсолютизма.*

Правда, предпослѣднему изъ Гогенштауфеновъ, Фридриху II (1212—1250), удалось осуществить завѣтную идею династіи, идею абсолютной монархіи, но полемъ этой попытки была все-таки не имперія, а лишь одинъ незначительный въ территоріальномъ смыслѣ уголокъ послѣдней. Не какъ императоръ „Священной римской имперіи", а какъ король своего наслѣдственнаго „Сицилійскаго королевства" (оно состояло изъ южной половины Италіи и о. Сициліи) осуществилъ Фридрихъ II—впервые въ средневѣковомъ мірѣ—воскресшую римскую идею абсолютной монархіи. Изданная имъ въ 1231 г. *Конституція Сицилійскаго королевства* представляетъ собою первую со времени паденія римской имперіи серьезную попытку перестроить феодальное государство, какимъ тогда было Сицилійское королевство, по тому государственному типу, который нашелъ себѣ впослѣдствіи выраженіе въ великихъ монархіяхъ XVI—XVIII в. Легкость, съ какою Фридриху удалось однимъ взмахомъ смести феодальный строй, для того чтобы на его мѣстѣ возвести зданіе по образцу и по подобію римскаго государства, съ абсолютнымъ единствомъ ничѣмъ не ограниченной власти государя, объясняется сравнительною недавностью и непрочностью мѣстнаго феодализма: насажденный здѣсь пришельцами - завоевателями, норманнами, при томъ въ сравнительно позднюю пору (въ XII в.), феодализмъ не былъ здѣсь, такъ сказать, туземнымъ растеніемъ и не успѣлъ пустить глубокихъ корней въ чуждой для него почвѣ. Это государство Фридриха II было одинаково далеко какъ отъ феодализма, такъ и отъ позднѣйшаго типа сословной монархіи. Въ немъ рядомъ съ неограниченною властью государя нѣтъ мѣста для какой бы то ни было иной самостоятельной власти. Любопытно, что въ государствѣ Фридриха II мы встрѣчаемся въ зародышѣ со всѣми наиболѣе характерными чертами позднѣйшей абсолютной монархіи: съ *чиновничьей бюрократіей* и *административною централизаціей*, съ системою *постоянныхъ податей*, съ ревнивою *правительственною опекой* надъ народнымъ хозяйствомъ, съ зачатками *таможенной системы*, съ *роскошью* и *расточительностью двора*, съ *финансовыми затрудненіями* и ихъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ—*фискальностью*. Од-

нимъ словомъ, въ преобразованномъ Сицилійскомъ королевствѣ Фридриха II мы имѣемъ передъ собой первый въ средневѣковомъ мірѣ примѣръ практическаго осуществленія, въ конкретной политической дѣйствительности, государства-монархіи въ римскомъ смыслѣ; созданное Фридрихомъ государство представляетъ собою наиболѣе ранній прототипъ абсолютныхъ монархій новаго времени.

Но попытка Фридриха, хотя и удавшаяся, имѣла лишь очень эфемерный характеръ: она слишкомъ опережала свое время и слишкомъ тѣсно связана была съ личностью своего творца, для того чтобы пережить его. „Конституція“ Фридриха пронеслась, какъ метеоръ, по политическому горизонту средневѣковой Европы и исчезла безслѣдно въ наступившихъ вскорѣ для Сицилійскаго королевства продолжительныхъ и кровавыхъ передрягахъ. Фридрихъ II, это — скорѣе *предвѣстникъ* абсолютныхъ монарховъ XVI—XVIII в., чѣмъ ихъ *предшественникъ*. Если мы хотимъ найти настоящихъ историческихъ предшественниковъ послѣднихъ, то мы должны ихъ искать въ другомъ мѣстѣ и нѣсколько позднѣе, а именно — въ сѣверно-итальянскихъ *князьяхъ* (*principi*) XIV—XV в.

Мы уже видѣли, что въ Сѣверной Италіи впервые началось и теоретическое и практическое возрожденіе римской государственной идеи: теоретическое — въ болонской юридической школѣ, практическое — въ городскихъ республикахъ. Но въ XIV—XV в. республики эти начинаютъ, одна за другою, превращаться въ монархіи, вслѣдствіе захвата верховной власти предпріимчивыми и ловкими людьми, по большей части изъ мѣстныхъ же вліятельныхъ фамилій. Это было какъ бы повтореніемъ, только въ другой исторической и географической обстановкѣ, исторіи древне-греческихъ тираній: греческіе тираны, дѣйствительно, представляютъ собою настоящій прототипъ итальянскихъ *principi* XIV—XV в. Можно сказать, что, если ломбардскія городскія республики XII—XIII в. представляютъ собою наиболѣе ранній миніатюрный образчикъ государства, свободнаго отъ феодальныхъ основъ, государства въ римскомъ и въ новѣйшемъ смыслѣ, то въ сѣверно-итальянскомъ *принципатѣ* XIV—XV в. мы впервые въ средневѣковомъ мірѣ встрѣчаемъ, опять-таки въ миніатюрѣ, монархическую власть, сво-

бодную какъ отъ феодальныхъ основъ, такъ и отъ ограниченій сословной монархіи, которая въ эту пору является господствующею политическою формою въ Западной Европѣ. Если оставить въ сторонѣ стоящій одиноко примѣръ Фридриха II Гогенштауфена съ его эфемернымъ Сицилійскимъ королевствомъ, то можно сказать, что *въ итальянскомъ принципатѣ мы впервые въ средневѣковомъ мірѣ встрѣчаемся съ абсолютной монархіей: въ лицѣ итальянскаго principe мы впервые имѣемъ дѣло съ государемъ въ собственномъ смыслѣ.* Власть „князя“ покоится не на феодальномъ землевладѣніи, а либо на избраніи „народа“, либо на узурпаціи. Но избраніе или узурпація, все равно — князь является носителемъ и обладателемъ верховной власти, принадлежавшей до тѣхъ поръ народу. Власть эта безраздѣльно находится въ его рукахъ: она *едина.* Власть эта не имѣетъ никакихъ правовыхъ границъ: она *неограниченна.* „Князь“ есть государь, и *государь абсолютный* — миньятюрный прототипъ абсолютныхъ монарховъ XVI—XVIII в.

Фактическая неограниченность этой единой верховной власти не замедлила найти себѣ и теоретическое обоснованіе въ воскресшемъ римскомъ правѣ мѣстныхъ „легистовъ“, которые съ не меньшею предупредительностью преподносили теперь пресловутый девизъ — *quod principi placuit, legis habet vigorem* — итальянскимъ „князьямъ“, — съ какою та же формула предлагалась ими къ услугамъ „римскаго императора германской націи“. Но между абсолютизмомъ императоровъ XII—XIII в. и абсолютизмомъ итальянскихъ „князей“ была существенная разница: тогда какъ первый былъ не болѣе, какъ притязаніемъ, основаннымъ на нѣкоторой правовой фикціи, послѣдній имѣлъ подъ собою вполнѣ реальную почву въ конкретной политической дѣйствительности эпохи. Какъ абсолютный монархъ, „римскій императоръ германской націи“ не болѣе, какъ грандіозный фантомъ; итальянскій *principe*, напротивъ, хотя и миньятюрный, но дѣйствительный абсолютный монархъ. Вотъ почему не въ имперіи Гогенштауфеновъ слѣдуетъ искать историческаго предка абсолютной монархіи XVI—XVIII в., а въ итальянскомъ принципатѣ XIV—XV в. *Итальянскій „князь“, это* —

миньятюрный прототипъ абсолютнаго монарха XVI—XVIII в.

Сѣмена римской государственной идеи, разнесенныя во всѣ стороны питомцами болонской школы, нашли себѣ почти всюду благопріятную почву, въ особенности же въ родственныхъ Италіи по крови и по духу *романскихъ странахъ*, гдѣ римскія традиціи никогда не были вполнѣ вытравлены пришлымъ германскимъ элементомъ. Во Франціи уже въ XIII в. нарождается цѣлое поколѣніе мѣстныхъ, національныхъ „*легистовъ*“ (*légistes*), которые точно также дѣйствуютъ не только съ каѳедры, въ качествѣ профессоровъ но и изъ королевскихъ канцелярій, въ качествѣ ближайшихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ короля—въ центрѣ, въ качествѣ административныхъ и судебныхъ органовъ—въ областяхъ. Они не только вносятъ *новыя идеи* въ людскіе умы, но и вводятъ *новые порядки* въ королевское управленіе, перестраивая камень за камнемъ самую „конституцію королевства“ въ духѣ новыхъ государственныхъ идей.

То, чѣмъ были для французской монархіи *легисты*, въ другой романской странѣ, въ Испаніи, были *летрады (letrados)*, подобно своимъ запиринейскимъ коллегамъ, они точно также работали, и съ каѳедры и изъ королевскихъ канцелярій, надъ осуществленіемъ въ своей странѣ римскаго идеала абсолютной монархіи.

Шедшее изъ Италіи идейное вліяніе на сосѣднія европейскія страны было тѣмъ дѣйствительнѣе, что, съ одной стороны, оно опиралось не на одни лишь теоретическіе принципы и идеальныя правовыя нормы, но также и на живой, практическій опытъ современной Италіи, дававшей наглядный и поучительный примѣръ осуществленія этихъ идеаловъ въ конкретной политической дѣйствительности; съ другой стороны, это идейное вліяніе находило благопріятную почву для своего практическаго проявленія—въ историческихъ условіяхъ эпохи. Въ чемъ заключалась сущность этихъ условій? На этотъ вопросъ можно отвѣтить коротко: *въ разложеніи феодальнаго строя и сословной монархіи.*

II.

Говоря о разложеніи феодальнаго строя, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ его политическую сторону, а не соціально-экономическую. Подъ *политическою стороною* феодализма мы разумѣемъ связанное съ нимъ дробленіе государственнаго верховенства; подъ *соціально-экономической стороной*—характеризующее феодальный строй соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ, осложненное юридическою зависимостью массы населенія—въ различныхъ видахъ и степеняхъ, до крѣпостной зависимости включительно. Тѣмъ не менѣе, когда дѣло идетъ о разложеніи феодальнаго строя, совершенно невозможно игнорировать его соціально-экономическую сторону, съ которою политическая сторона была связана живыми, органическими нитями. Въ нашу задачу не можетъ входить подробное разсмотрѣніе причинъ разложенія феодализма; для послѣдней вполнѣ достаточно будетъ отмѣтить вкороткѣ главнѣйшія изъ этихъ причинъ.

Разложеніе феодализма начинается какъ разъ именно съ его соціально-экономическихъ устоевъ. Факторы, подтачивающіе эти основы, начинаютъ особенно сильно давать себя знать начиная со второй половины крестоносной эпохи. Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ происходитъ быстро *высвобожденіе крестьянства изъ крѣпостной зависимости*, главнымъ образомъ путемъ выкупа. Отправляясь въ крестовый походъ, феодальный сеньеръ охотно продавалъ свободу своимъ крѣпостнымъ за наличныя деньги, которыя ему были экстренно нужны для снаряженія въ этотъ дальній походъ. Это—разъ. Другимъ факторомъ является *ростъ города*, вслѣдствіе развитія торговаго и промышленнаго движенія, толчокъ которому былъ данъ опять-таки крестовыми походами. Ростъ же города имѣлъ двоякое значеніе въ качествѣ фактора разложенія феодализма. Во-первыхъ, значеніе *экономическое*. Всякій вновь народившійся или развившійся изъ укрѣпленнаго мѣсточка городской центръ получалъ значеніе *рынка* для болѣе или менѣе об-

ширнаго района. Ближайшимъ слѣдствiемъ появленiя городского рынка былъ для окружающей территорiи—*поворотъ въ развитiи помѣстнаго хозяйства*, этого экономическаго фундамента феодализма. До появленiя рынка помѣстное хозяйство жило, такъ сказать, только для себя: удовлетвореніе собственныхъ потребностей было конечною цѣлью всего его работооборота, такъ какъ сбывать излишекъ продуктовъ на сторону было, за неимѣнiемъ рынка, некуда. Разъ, съ появленiемъ рынка, оказалось возможнымъ сбывать выгодно продукты сельско-хозяйственнаго производства, цѣнность послѣднихъ, естественно, возросла, а съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ значенiе и мало интересный до тѣхъ поръ вопросъ о производительности сельско-хозяйственнаго труда. Забота же объ увеличенiи этой производительности неизбѣжно наталкивала помѣщика на мысль объ освобожденiи этого труда, т. е. крѣпостного крестьянина, въ силу той простой опытной истины, что свободный трудъ всегда производительнѣе труда подневольнаго, рабскаго. Это былъ другой источникъ раскрѣпощенiя средневѣкового крестьянства. Раскрѣпощенiе это служило къ обоюдной выгодѣ и помѣщика и крестьянина; послѣдній получалъ если не полную, то по крайней мѣрѣ, условную свободу, вмѣстѣ съ извѣстнымъ правомъ на обрабатываемый имъ участокъ; первый получалъ эквивалентъ натуральныхъ повинностей—барщины и оброка—либо въ видѣ единовременной выкупной суммы, либо въ видѣ ежегодной выплаты („ценза“). Въ концѣ концовъ, однако, помѣщикъ оказывался въ проигрышѣ, такъ какъ цѣнность труда (рабочихъ рукъ) постепенно возрастала, деньги же, наоборотъ, со временемъ все болѣе и болѣе падали въ цѣнѣ. Такимъ образомъ, *время, помимо всякихъ другихъ обстоятельствъ, работало надъ разрушенiемъ экономическихъ основъ феодализма.*

Параллельно съ развитiемъ денежнаго хозяйства на счетъ натуральнаго, въ связи съ ростомъ городовъ и ростомъ торговаго обмѣна, подъ вліянiемъ—съ одной стороны—этого роста, съ другой—подъ вліянiемъ международной торговли, развивается и *промышленность*, которая къ концу среднихъ вѣковъ начинаетъ пріобрѣтать характеръ *крупнаго, капиталистическаго про-*

изводства, сосредоточивающагося опять-таки въ городахъ и все болѣе и болѣе притягивающаго къ послѣднимъ деревенское населеніе: одна изъ главныхъ причинъ быстраго роста городовъ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ.

Развитіе денежнаго хозяйства на счетъ натуральнаго, развитіе города на счетъ деревни, ростъ торговли и промышленности,—все это вмѣстѣ взятое создастъ новый, исключительно городской классъ, *буржуазію*,—классъ, живущій торговлею и промышленностью и сосредоточивающій въ своихъ рукахъ новую силу: *денежный капиталъ. Въ противоположность капиталу земельному, обладателями котораго были феодальные землевладѣльцы, денежный капиталъ ростетъ, а вмѣстѣ съ нимъ ростетъ и соціально-экономическое значеніе буржуазіи.* Послѣднее ростетъ даже въ болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ самъ денежный капиталъ, и это потому, что *денежный капиталъ, помимо своего значенія, какъ экономической силы, пріобрѣтаетъ еще и значеніе силы политической.* Это послѣднее явленіе обусловливается развитіемъ государственнаго хозяйства въ послѣднія два столѣтія среднихъ вѣковъ.

Государственное хозяйство, это - понятіе совершенно чуждое феодализму. Феодальное государство не знаетъ иного хозяйства, кромѣ хозяйства „государя“, а это послѣднее было такимъ же личнымъ его хозяйствомъ, какъ и хозяйство любого феодальнаго сеньера. Его доходы, какъ и расходы, были точно такіе же качественно, если не количественно,—какъ и доходы и расходы любого сеньера-помѣщика. Всѣ обще-государственныя потребности выполнялись натурой. Главная потребность феодальнаго государства, армія, поставлялась натурою, въ формѣ феодальнаго ополченія; крѣпости строились барщиннымъ трудомъ; внутреннее управленіе, включая сюда и отправленіе правосудія, было пріурочено къ различнымъ феодальнымъ правамъ и обязанностямъ. Но подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, вмѣстѣ съ разложеніемъ помѣстнаго хозяйства и связаннымъ съ нимъ раскрѣпощеніемъ крестьянскаго населенія, организація феодальной армія начинаетъ расшатываться. Съ другой стороны, вслѣдствіе образованія во второй по-

ловинѣ среднихъ вѣковъ крупныхъ государственныхъ соединеній, измѣняется и самый характеръ войнъ: онѣ получаютъ неизвѣстный прежде размахъ—какъ въ отношеніи размѣровъ военнаго театра, такъ и продолжительности войнъ. Феодальное ополченіе, разсчитанное на очень ограниченный театръ войны и на короткій срокъ, самое большое на нѣсколько мѣсяцевъ, оказывалось совершенно непригоднымъ для войны въ новомъ, широкомъ масштабѣ. До мысли объ организаціи національныхъ армій путемъ введенія воинской повинности тогда еще не додумались, да и государство того времени было еще не настолько сильно, и національное чувство не настолько развито, чтобы подобная идея—явись она—могла бы разсчитывать на практическое осуществленіе. Выходомъ были *наемныя арміи*.

Появленіе наемныхъ армій двоякимъ образомъ подрывало политическое значеніе господствующаго феодальнаго класса. Оно, съ одной стороны, окончательно *обезцѣнивало этотъ классъ, какъ оплотъ государства противъ внѣшней опасности*; съ другой стороны, оно *выдвигало на первый планъ финансовый вопросъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ поднимало и значеніе въ государствѣ того класса, въ рукахъ котораго сосредоточивался денежный капиталъ, необходимый для разрѣшенія этого финансоваго вопроса*. Такъ какъ личные доходы короля, какъ феодальнаго сеньера, были совершенно ничтожны въ сравненіи съ тѣми суммами, которыхъ требовала война въ новомъ масштабѣ, то пришлось подумать о *государственныхъ налогахъ*. Ни одинъ государь, однако, не рѣшается ввести самовластно столь неслыханное для средневѣкового общества новшество. Король считаетъ нужнымъ заручиться предварительнымъ согласіемъ на то со стороны „сословій“. Такъ какъ, по одному изъ общепризнанныхъ принциповъ средневѣкового правосознанія, нельзя было никого заставить платить безъ его согласія, то на ряду съ представителями двухъ господствующихъ классовъ средневѣковаго общества, духовенства и дворянства, призываются также и представители городовъ, которымъ, какъ главнымъ обладателямъ денежнаго капитала, предстояло сдѣлаться и главными плательщиками новыхъ налоговъ

Такъ было положено начало сословно-представительнымъ учрежденіямъ. Для насъ, въ интересующемъ насъ вопросѣ этотъ фактъ интересенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что *со времени возникновенія для государствъ финансоваго вопроса, двумъ господствующимъ сословіямъ феодальнаго общества приходится дѣлиться своимъ политическимъ вліяніемъ съ „третьимъ сословіемъ“, съ буржуазіей.* Вскорѣ въ средѣ буржуазіи образуется какъ бы своего рода аристократія, *денежная аристократія,* благодаря скопленію крупныхъ наличныхъ капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе развитія кредитныхъ операцій. Вскорѣ эта денежная аристократія выдвигается въ качествѣ первостепенной политической силы. Происходитъ это вслѣдствіе возникновенія *государственнаго кредита.* Веденіе войны въ новомъ обширномъ масштабѣ требовало быстрой реализаціи такихъ огромныхъ суммъ, которыя много превышали обыкновенные доходы короля, даже и увеличенные государственными налогами. Здѣсь лежитъ начало *государственныхъ займовъ.* И вотъ, въ операціяхъ этихъ займовъ и начинаетъ особенно наглядно обнаруживаться *политическая сила денегъ и денежныхъ людей.* Новая денежная аристократія начинаетъ заслонять и затмѣвать собой аристократію феодальную. И не мудрено. Сила государства измѣрялась, вѣдь, главнымъ образомъ количествомъ солдатъ, а это послѣднее зависѣло въ прямой пропорціи отъ количества ливровъ, дукатовъ, флориновъ, которыми располагала въ данную минуту королевская казна; количество же этихъ послѣднихъ зависѣло въ самой существенной степени отъ доброй воли крупныхъ капиталистовъ, которыхъ въ тѣ времена было еще мало, до устройства же правильныхъ государственныхъ займовъ при посредствѣ биржи тогда еще не додумались.

Политическая сила новыхъ денежныхъ магнатовъ впервые съ особенною силою и наглядностью проявилась въ началѣ XVI в., въ эпоху борьбы за императорскую корону между Карломъ Габсбургомъ и французскимъ королемъ Франциском I. Извѣстно, что закулисная сторона этой борьбы состояла, кромѣ дипломатическихъ интригъ, также—и главнымъ образомъ—въ подкупѣ германскихъ

князей-избирателей („курфюрстовъ"), при чемъ цѣны, благодаря рѣшительной конкурренціи обоихъ соперниковъ, были вздуты до неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ. Подачка курфюрстамъ, которой стоила Карлу V его императорская корона, обошлась ему въ 850.000 флориновъ. Эта колоссальная по тому времени сумма была цѣликомъ реализована посредствомъ займовъ у нѣсколькихъ капиталистовъ-банкировъ и главнымъ образомъ у аугсбургскихъ Фуггеровъ, самыхъ крупныхъ банкировъ своего времени. Глава этого банкирскаго дома, Яковъ Фуггеръ, могъ, нѣсколько лѣтъ спустя (1523), писать императору Карлу V такія строки: „Къ тому же извѣстно и очевидно, что *безъ моей помощи Ваше Императорское Величество не могли бы получить римской короны*". Фуггеръ могъ прибавить впослѣдствіи, что ему же на-ряду съ нѣкоторыми, другими банкирами, обязанъ былъ императоръ не однимъ изъ своихъ военныхъ успѣховъ. Были, наоборотъ, моменты, когда отсутствіе доброй воли у банкировъ ставило въ немалое затрудненіе повелителя „имперіи, въ которой не заходило солнце". Новая сила, сила денежнаго капитала, играетъ въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, съ Фуггерами во главѣ, настолько серьезную—хотя и закулисную—роль въ международной или даже скажемъ — міровой политикѣ эпохи, что нѣкоторые изъ историковъ считаютъ возможнымъ говорить объ этомъ времени, какъ объ „эпохѣ Фуггеровъ" (Ehrenberg).

Сила денегъ давала себя чувствовать, главнымъ образомъ, конечно, во время войнъ или такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, какъ избирательная борьба за корону; но въ менѣе острой формѣ сила эта сказывается постоянно, такъ сказать хронически, и это, во-первыхъ, благодаря *прогрессивному усложненію государственнаго механизма*, связанному съ появленіемъ чиновничества и развитіемъ бюрократіи,—во-вторыхъ, вслѣдствіе *постоянно и быстро ростущихъ издержекъ на содержаніе двора*, такъ какъ, параллельно съ усиленіемъ королевской власти, всюду возрастаетъ и значеніе королевскаго двора и придворной жизни. Вотъ почему, и помимо экстренныхъ случаевъ, государямъ все чаще и чаще приходится обращаться какъ къ регулярнымъ займамъ, такъ

и къ различнымъ экстреннымъ ссудамъ со стороны наиболѣе денежныхъ людей изъ своихъ поддашныхъ – индивидуально ли, или коллективно, т. е. со стороны городовъ и различныхъ торговыхъ и промышленныхъ корпорацій. Естественно, что при этомъ на каждомъ шагу сказывается политическое значеніе новаго денежнаго дворянства, буржуазіи; сказывается это вліяніе, конечно, въ ущербъ дворянству феодальному. Наглядное выраженіе находитъ себѣ это положеніе дѣлъ въ томъ фактѣ, что *дворянская аристократія все болѣе и болѣе вытѣсняется, какъ изъ центральнаго правительства, такъ и изъ областной администраціи, людьми изъ „третьяго сословія“, буржуазіи*, въ лицѣ ли образованныхъ правовѣдовъ, „легистовъ“ и „легрядовъ“, въ лицѣ ли денежной аристократіи.

Мы указали на разлагающее для феодализма вліяніе города и городского класса, какъ *экономическаго фактора*. Но это лишь одна сторона дѣла; другая сторона заключается въ значеніи города, какъ *политической силы*.

На одну сторону значенія города, какъ политической силы, было уже указано по поводу итальянскихъ городовъ-республикъ, которыя впервые въ средневѣковомъ мірѣ осуществили идею государства въ новомъ, не-феодальномъ смыслѣ. Подобное же явленіе видимъ мы, хотя и въ менѣе рѣзкихъ формахъ, и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ въ послѣднія времена средневѣковья. Въ Германіи города, высвободившіеся изъ-подъ феодальной зависимости, образуютъ союзы, нѣчто въ родѣ федеративныхъ государствъ, каковы Ганза—для болѣе ранней эпохи, Шмалькальденскій союзъ – для времени болѣе поздняго. Въ другихъ странахъ, какъ во Франціи, города не образовали ни миніатюрныхъ городскихъ государствъ, по подобію ломбардскихъ городовъ-республикъ, ни федеративныхъ quasi-государствъ, какъ въ Германіи; за-то во Франціи они сыграли роль одного изъ важнѣйшихъ факторовъ созиданія національнаго государства, и именно – въ формѣ абсолютной монархіи: въ городахъ, какъ извѣстно, французскіе короли находили себѣ твердую опору въ своей борьбѣ съ феодалами.

Это – одна сторона политической роли городовъ въ дѣлѣ раз-

ложенія феодализма. Другая сторона заключалась въ той роли, какую сыграли города въ процессѣ перехода феодальнаго королевства въ сословную монархію. На ряду съ представителями феодальнаго строя, на ряду съ духовными и свѣтскими сеньерами, представители городовъ, начиная съ конца XII в. и начала XIII в., являются въ качествѣ особаго „сословія“ или „чина“ на сословно-представительныхъ собраніяхъ, игравшихъ столь важную роль въ разрушеніи политическаго феодализма.

Мы указали на тѣ, чуждыя феодализму силы — экономическія и политическія,—которыя мало-по-малу подкапывали его устои въ послѣднюю пору средневѣковья и въ началѣ новаго времени. Но не нужно упускать изъ вида того факта, что въ значительной степени *феодальное право само въ себѣ заключало задатки разрушенія феодализма.* Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ созиданія новаго государственнаго строя на феодальной почвѣ было образованіе значительныхъ государственныхъ территорій, которыя давали нарождающейся государственной власти королей прочную реальную подкладку, въ особенности когда, единство территоріальное подчеркивалось, какъ во Франціи, и единствомъ національнымъ. Ничто въ такой степени не способствовало усиленію королевской власти во Франціи и отрѣшенію ея отъ первоначальныхъ феодальныхъ основъ, какъ это постепенное „собираніе“ Франціи вокругъ ея первоначальнаго ядра, королевской сеньеріи. Между тѣмъ, „собираніе“ это, въ большей части случаевъ, совершалось въ силу не иного чего, какъ, именно, того же феодальнаго права: либо въ силу феодальнаго права наслѣдованія вымороченыхъ „фьефовъ“, либо въ силу феодальнаго же права конфискаціи владѣній „фелона“, то-есть провинившагося въ чемъ-нибудь противъ феодальной „вѣрности“ вассала, либо въ силу частной полюбовной сдѣлки, опять-таки на основаніи феодально-правовыхъ нормъ. Можно сказать, такимъ образомъ, что *феодальное право само работало надъ разрушеніемъ феодальнаго строя.*

III.

Если феодализмъ заключалъ въ самомъ себѣ начало разложенія, то то же самое, mutatis mutandis, можно сказать и про сословно-представительныя учрежденія, тамъ гдѣ они успѣли возникнуть, какъ переходная ступень отъ политическаго феодализма къ монархическому абсолютизму. *Главною причиною постепеннаго упадка этихъ учрежденій была именно ихъ сословность*, то-есть сословная организація представительства. Сословное представительство состояло обыкновенно изъ депутатовъ трехъ сословій или „чиновъ“: духовенства, дворянства и горожанъ или „третьяго сословія“, при чемъ депутаты каждаго изъ сословій составляли отдѣльную палату. Подобная организація, естественно, не только давала удобное выраженіе существующему антагонизму между сословіями, но и способствовало его обостренію. Въ эпоху, когда горожане, обладатели постоянно ростущей новой силы денежнаго капитала, завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе вліятельную роль какъ въ соціально-экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, и это — на счетъ феодальнаго дворянства, чувства послѣдняго по отношенію къ городскому сословію, естественно, не могли отличаться особенной нѣжностью. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ французскіе *генеральные штаты* (*états généraux*): антагонизмъ между дворянствомъ, къ которому обыкновенно примыкаетъ и другое привилегированное сословіе, духовенство, и третьимъ сословіемъ красною нитью тянется черезъ всю ихъ болѣе, чѣмъ трехсотлѣтнюю, исторію. Въ этомъ междусословномъ антагонизмѣ лежала главная причина и безсилія штатовъ и постепенной утраты ими значенія, какъ политической силы. Пользуясь этимъ антагонизмомъ, коронѣ удалось добиться отъ Орлеанскихъ штатовъ 1439 г. направленнаго противъ феодальныхъ сеньеровъ постановленія, въ силу котораго королю предоставлялось исключительное право содержать войско и взимать налоги на его содержаніе. А такъ какъ для фактическаго осуществленія этого поста-

новленія, которое неизбѣжно должно было вызвать сопротивленіе со стороны феодаловъ, являлась необходимою постоянная вооруженная сила въ рукахъ короля, иначе говоря—*постоянная королевская армія*, то отсюда съ логическою необходимостью вытекала необходимость и *постоянныхъ же налоговъ* для ея содержанія. Такъ, по крайней мѣрѣ, стали толковать это постановленіе штатовъ сами короли, и съ тѣхъ поръ французскіе генеральные штаты утрачиваютъ фактически свое единственное политическое право — право вотировать налоги, а вмѣстѣ съ тѣмъ упускаютъ изъ своихъ рукъ то, что могло служить единственною серьезною сдержкою противъ королевскаго абсолютизма. Въ лицѣ Орлеанскихъ штатовъ 1439 г., генеральные штаты Франціи фактически отказались—и отказались безвозвратно—отъ того права, на которомъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, воздвигъ англійскій парламентъ грандіозное зданіе „вольностей англійскаго народа“.

Другая причина непрочности и постепеннаго упадка сословнаго представительства заключалась въ неполнотѣ послѣдняго, такъ какъ то, что не принадлежало къ духовенству, къ дворянству и къ городскому сословію, стало быть огромное большинство народныхъ массъ, было исключено изъ этого представительства. Да и само городское сословіе было далеко неполно представлено, такъ какъ далеко не всѣ города—въ нѣкоторыхъ странахъ даже меньшинство ихъ пользовались правомъ посылать своихъ депутатовъ. Однимъ словомъ, *сословное представительство было въ сущности лишь привилегіей меньшинства и часто незначительнаго лишь меньшинства. Отсюда—равнодушіе народныхъ массъ къ судьбѣ сословно-представительныхъ учрежденій.*

Не нужно также упускать изъ вида того элемента извращенія, который мало-по-малу былъ внесенъ въ представительство городовъ обычаемъ, превратившимся въ обязательный порядокъ, посылать, въ качествѣ депутатовъ отъ городовъ, только лицъ, стоящихъ во главѣ городского управленія: *меровъ, скабиновъ*, городскихъ *консуловъ, совѣтниковъ* и т. д. Но дѣло въ томъ, что *сами эти городскіе „магистраты“, первоначально выборные, превра-*

тились мало-по-малу въ королевскихъ чиновниковъ, по назначенію короны.

Наконецъ, не послѣднюю роль въ упадкѣ сословно-представительныхъ учрежденій играло *отсутствіе обязательности созыва послѣднихъ въ извѣстные опредѣленные сроки.* Созывъ ихъ былъ предоставленъ усмотрѣнію короны, которая могла ихъ созывать чаще или рѣже и даже вовсе перестать созывать, какъ это, дѣйствительно, и случилось съ французскими генеральными штатами: они исчезли не будучи отмѣнены никакимъ законодательнымъ актомъ—ихъ просто перестали созывать.

Если Англія, единственная изъ всѣхъ великихъ монархій Западной Европы, не только сохранила свое сословное представительство въ лицѣ парламента, но и развила его въ настоящее *національное представительство*, то этимъ она обязана была прежде всего отсутствію рѣзкаго сословнаго антагонизма, вслѣдствіе чего сословія дѣйствовали солидарно всякій разъ, какъ имъ приходилось отстаивать права парламента противъ абсолютистскихъ стремленій королевской власти. Между прочимъ, парламентъ всегда ревниво оберегалъ свое право вотировать налоги (всегда на опредѣленный срокъ или въ извѣстномъ размѣрѣ), совершенно справедливо видя въ немъ краеугольный камень своего политическаго значенія. *Имѣя при помощи этого своего права парламентъ постоянно держалъ корону въ зависимости, ставя ее въ матеріальную необходимость созывать парламентъ всякій разъ, какъ королю нужны были деньги.* Держа въ своихъ рукахъ ключъ отъ національнаго сундука, парламенту, при солидарномъ дѣйствіи сословій, не трудно было расширить мало-по-малу свои политическія права. Важнымъ преимуществомъ англійскаго парламента, сравнительно съ сословно-представительными учрежденіями континента, было еще то обстоятельство, что, начиная съ второй половины XIII в., въ немъ на ряду съ чисто сословными элементами, является и *элементъ представительства земскаго*, безсословнаго, или лучше сказать *общесословнаго*, въ лицѣ депутатовъ отъ графствъ или „*рыцарей графствъ*", какъ ихъ называли. Присутствіе этого земскаго элемента въ парламентѣ было

однимъ изъ обстоятельствъ, воспрепятствовавшихъ развитію междусословнаго антагонизма внутри парламента; съ другой стороны, этотъ же земскій элементъ облегчилъ парламенту постепенное превращеніе его изъ *сословнаго представительства* въ *представительство общеземское, національное. Вотъ почему Англія была единственною изъ всѣхъ великихъ державъ Западной Европы, гдѣ сословно-представительная монархія перешла непосредственно, хотя и постепенно въ монархію конституціонную, а не въ абсолютную, какъ это имѣло мѣста на континентѣ.* Нельзя сказать, чтобы Англія осталась совершенно не затронутою абсолютистскимъ теченіемъ, которое широкою волною пронеслось по Западной Европѣ. Дѣйствительно, и здѣсь мы встрѣчаемся съ абсолютистскими тенденціями—и въ идеѣ (въ теоріяхъ Фильмера и Гоббза), и въ практикѣ (въ абсолютитскихъ стремленіяхъ и деспотическихъ замашкахъ Тюдоровъ и Стюартовъ); но ни то, ни другое—ни теорія, ни практика абсолютизма—не нашли себѣ благопріятной почвы въ Англіи; абсолютизмъ не успѣлъ здѣсь организоваться, отлиться въ сколько-нибудь прочныя государственно-правовыя формы. Если политика Тюдоровъ успѣла временно низвести парламентъ на степень послушнаго орудія королевскаго произвола, то это не помѣшало ему, съ перемѣною обстоятельствъ, снова возродиться, воспрянуть и окрѣпнуть настолько, чтобы объ его твердыню разбились послѣдніе натиски абсолютизма, въ лицѣ Стюартовъ.

ГЛАВА I.

Ранній абсолютизмъ (итальянскій принципатъ).

Общій характеръ итальянскаго принципата какъ абсолютной монархіи.—Вліяніе итальянскаго абсолютизма на внѣ-итальянскія монархіи.—Три типа итальянскихъ «князей».—I. Ранній итальянскій принципатъ.—Висконти въ Миланѣ.—II. Князья-кондотьеры въ XV в.—«Новые люди» на исторической сценѣ.—«Доблесть» эпохи возрожденія.—Франческо Сфорца. III. Денежный капиталъ, какъ политическая сила, и Медичи во Флоренціи.—Козимо и Лоренцо Великолѣпный.—Государь въ скрытомъ состояніи. Династія Медичи какъ банкирскій домъ. IV. Цезарь Борджіа.—Цѣли и средства его политики.—«Италія, склеенная въ одинъ кусокъ».—Великій тиранъ возрожденія». Историческое значеніе личности Цезаря Борджіа. V. Принципатъ Цезаря Борджіа и политическая философія Макіавелли. Первый опытъ теоріи новаго государства. Апоѳеозъ государства и государственной власти.—Идея монархическаго абсолютизма въ ученіи Макіавелли.

Не смотря на почти двухвѣковое существованіе абсолютизма въ Италіи, послѣдній отмѣченъ здѣсь характеромъ эфемерности и непрочности. Онъ выставилъ много небольшихъ, часто крошечныхъ деспотій и множество отдѣльныхъ князей-тирановъ, изъ которыхъ иные успѣли упрочить на болѣе или менѣе продолжительное время своимъ потомкамъ случайно доставшійся престолъ. Но это были, такъ сказать, псевдо-династіи, которымъ не доставало ни прочности, ни вѣры въ свою прочность, и понятно, почему: у нихъ не было ни одного изъ главныхъ условій прочности всякой династіи: ни правовыхъ устоевъ, ни сколько-нибудь глубокихъ корней въ традиціи, ни популярности среди ихъ собственныхъ „народовъ“. Еще важнѣе то обстоятельство, что у итальянскаго абсолютизма не доставало двухъ главныхъ условій прочности государства: національнаго и территоріальнаго единства. Итальянскій абсолютизмъ былъ

мелокъ и *мелочень*. Государственное начало нашло себѣ здѣсь выраженіе во множествѣ территоріальныхъ и національныхъ лоскутковъ, на которые была разодрана средневѣковая Италія; абсолютизмъ нашелъ себѣ здѣсь конкретное воплощеніе во множествѣ мелкихъ „князей". Въ Италіи мы видимъ множество каррикатуръ на монархію и ни одной настоящей монархіи,—множество мелкихъ князей-тирановъ и ни одной крупной фигуры, на которую бы можно было указать, какъ на политическое воплощеніе эпохи.

При всемъ томъ, итальянскій абсолютизмъ XIV—XVI в. представляетъ серьезный историческій интересъ не только потому, что въ итальянскихъ деспотіяхъ мы имѣемъ дѣло съ истинными предшественниками великихъ абсолютныхъ монархій слѣдующихъ вѣковъ, но еще и потому, что послѣднія сложились не безъ вліянія—прямого или косвеннаго—первыхъ. Не нужно забывать, что Италія въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени была передовою, наиболѣе развитою въ культурномъ отношеніи страною Западной Европы. Она была, можно сказать, главнымъ очагомъ культурныхъ вліяній для всей тогдашней Западной Европы. И вліяніе это не ограничивалось лишь сферою науки, литературы и изящныхъ искусствъ. Послѣднее представляетъ лишь одну сторону вліянія Италіи, итальянскаго „возрожденія" на остальную Европу; другая сторона, это—область права и политики.

Мы уже отмѣтили выше вліяніе „воскресшаго" въ Италіи римскаго права на остальную Европу. Было указано, какимъ образомъ сѣмена римскихъ государственно-правовыхъ идей, разнесенныя вышедшими изъ болонской школы правовѣдами разныхъ національностей, нашли себѣ благопріятную почву и далеко за предѣлами Италіи. Было, далѣе, вскользь отмѣчено, какимъ образомъ это шедшее изъ Италіи вліяніе римскихъ правовыхъ идей служило не только къ перевоспитанію умовъ, но также и къ постепенной перестройкѣ политическихъ учрежденій. *Вліяніе Италіи въ этомъ послѣднемъ направленіи усугубилось съ тѣхъ поръ, какъ римская государственная идея нашла себѣ конкретное выраженіе въ итальянскомъ принципатѣ.* Съ этихъ поръ Италія начинаетъ вліять не только идеями, но и нагляднымъ

примѣромъ,—не только теоріею, но и живою практикою,—не только силою правового принципа, но и мощью конкретнаго факта. Политическое положеніе итальянскаго „князя", не связаннаго никакими феодальными путами или ограниченіями сословнаго представительства,—фактически воплощающаго въ своемъ лицѣ римскій правовой девизъ объ „изволеніи государя", какъ источникѣ закона („quod principi placuit, legis habet vigorem"),—положеніе это становится и получаетъ значеніе живого идеала, къ которому стремятся приблизиться прочіе государи, въ особенности тѣ изъ нихъ, которымъ, въ силу ли семейныхъ связей, въ силу ли политическихъ обстоятельствъ, приходилось ближе соприкасаться съ представителями итальянскаго абсолютизма. Абсолютистскія замашки Людовика XI объясняются вліяніемъ, шедшимъ изъ Италіи въ неменьшей, быть можетъ, степени, чѣмъ и личнымъ характеромъ короля,—характеромъ, который опять-таки сложился въ значительной степени подъ итальянскимъ вліяніемъ. Не даромъ будущій французскій деспотъ выросъ въ тѣни Альпъ, въ сосѣдней съ Италіей области Дофинэ, и былъ женатъ на савоярдкѣ, итальянкѣ по крови и воспитанію, научившей его не только зачитываться Боккачіо, но и твердить вывезенную ею съ родины Макіавелли поговорку: „qui nescit dissimulare, nescit regnare"—„кто не умѣетъ притворяться, не умѣетъ царствовать". И не даромъ Людовикъ XI дружилъ со многими изъ итальянскихъ „князей", а для борьбы съ „лигой общественнаго блага" искалъ помощи у итальянскихъ *кондотьеровъ* (командировъ наемныхъ дружинъ). Не даромъ Францискъ I, котораго одинъ изъ новѣйшихъ историковъ (Hanotaux) называетъ „первымъ абсолютнымъ монархомъ во Франціи", былъ рѣшительнымъ поклонникомъ всего итальянскаго, начиная съ абсолютизма итальянскихъ „князей", продолжая пышностью ихъ дворовъ и кончая итальянскимъ искусствомъ и даже итальянскими модами. Онъ и всю свою жизнь рвался въ Италію, ратоборствуя за обладаніе этой „прелестной страной", которая еще Карлу VIII показалась „такой восхитительной, что недоставало только Адама и Евы, чтобы ей стать раемъ". Не даромъ въ XVI и слѣдующихъ столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ во многихъ странахъ, въ качествѣ вліятельныхъ государственныхъ

людей, либо итальянцевъ, либо людей, воспитанныхъ на итальянскихъ идеяхъ. Гранвелла при Карлѣ V, Альберони при Филиппѣ V, Мазарини и Партичелли д'Эмери въ малолѣтство Людовика XIV, это — все итальянцы. Въ разныя времена и въ разныхъ странахъ они проводятъ одни и тѣ же политическіе принципы: принципы абсолютизма. Сюда же можно причислить и Томаса Кромвеля, англичанина по крови, но итальянца по духу. Воспитанный на идеяхъ абсолютизма и на живыхъ примѣрахъ послѣдняго, видѣнныхъ имъ въ Италіи, гдѣ онъ провелъ значительную часть своей юности, Томасъ Кромвель съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ настоящіе итальянцы, Гранвеллы, Мазарини, пытается пересадить на почву Англіи XVI в. абсолютизмъ, выросшій на родинѣ Макіавелли и Цезаря Боржіа. „Итальянское государственное искусство, со всей его стремительностью и безпощадностью въ достиженіи цѣлей, съ его размашистыми взглядами на жизнь и людей, съ его изумительною дальновидностью въ стремленіяхъ и способностью къ политическимъ комбинаціямъ, сдѣлалось при Кромвелѣ настоящею стихіей англійской политики. Дѣйствительно, это былъ первый изъ англійскихъ министровъ, у котораго во все время его управленія дѣлами мы можемъ прослѣдить настоящую идею, руководившую его дѣятельностью: идею — создать абсолютную власть короля на развалинахъ всѣхъ государственныхъ силъ. Сочиненіе Макіавелли о „Государѣ“ было его настольною книгою. Еще въ то время, какъ онъ былъ слугою Вольсея, онъ смутилъ будущаго кардинала Реджинальда Поля, посовѣтовавъ ему взять, въ качествѣ руководства политики, „Государя“ Макіавелли“ (Green).

Помимо указанныхъ и подобныхъ имъ фактовъ болѣе непосредственнаго и, такъ сказать, конкретнаго вліянія итальянскаго абсолютизма на остальную Европу, мы находимъ въ немъ, отчасти въ зачаточномъ, отчасти уже въ болѣе или менѣе развитомъ состояніи, многія изъ такихъ чертъ, которыя потомъ становятся характерными аттрибутами абсолютной монархіи въ эпоху наивысшаго развитія послѣдней, какого она достигла во Франціи при Людовикѣ XIV.

Вотъ почему, для историческаго пониманія абсолютной монархіи

въ пору ея расцвѣта, далеко не лишне познакомиться нѣсколько поближе съ ея раннимъ историческимъ прототипомъ въ итальянскомъ принципатѣ XIV—XVI в.

Итальянскія деспотіи XIV—XVI в. напоминаютъ, по своему происхожденію, отчасти греческія тираннін, отчасти римскій принципатъ: въ основѣ ихъ лежитъ захватъ верховной власти, либо такъ сказать, моментальный, путемъ вооруженнаго переворота, либо, медленная, постепенная узурпація фактической власти, съ сохраненіемъ прежнихъ республиканскихъ формъ. Основателями „княжескихъ“ династій являются либо главы наиболѣе вліятельныхъ фамилій въ средѣ мѣстнаго гражданства, либо счастливые предводители наемныхъ дружинъ, кондотьеры, — либо, наконецъ, папскіе „племянники“, „непоты“, т. е. протежируемые папами ихъ ближайшіе родственники и прежде всего ихъ же собственныя незаконныя дѣти. Первымъ изъ этихъ трехъ видовъ тираннія характеризуется преимущественно болѣе ранняя эпоха принципата, XIV в.; въ слѣдующемъ столѣтіи къ нему присоединяются два другихъ. Наиболѣе видными представителями перваго типа являются миланскіе Висконти въ XIV в. и флорентійскіе Медичи въ XV в.; представителями второго типа—фамилія Сфорца въ Миланѣ; наконецъ, блестящаго представителя третьяго типа мы находимъ въ лицѣ знаменитаго въ своемъ родѣ Цезаря Боржіа, въ Церковной или Папской области.

I.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ итальянской тираннін болѣе ранняго періода является Бернабо Висконти въ Миланѣ (во второй половинѣ XIV в.). Въ его лицѣ мы встрѣчаемъ одно изъ наиболѣе грубыхъ воспроизведеній античной тираннін въ ту, внѣшнимъ образомъ блестящую, но въ сущности глубоко грубую эпоху. „Главною заботою этого государя была охота на кабановъ. Кто осмѣливался превзойти его въ этомъ искусствѣ, былъ безчеловѣчно казненъ. Народъ долженъ былъ прокармливать „князю“ пять ты-

сячъ собакъ, подъ строгою отвѣтственностью за доброе здоровье каждой. Подати выжимались изъ народа путемъ репрессивныхъ мѣръ. Семь дочерей Бернабо получили по сто тысячъ золотыхъ приданаго; сверхъ того, имъ скоплены были на черный день огромныя сокровища. По случаю смерти его жены, подданнымъ было предписано, въ знакъ выраженія печали, носить трауръ въ теченіе года" (Burckhardt). На примѣрѣ Бернабо Висконти мы можемъ наблюлать, въ грубой правда формѣ, ту зарожлающуюся фискальность и ту эксплуатацію страны дворомъ, которыми, въ большей или меньшей степени, характеризуется режимъ всѣхъ великихъ абсолютныхъ монархій западной Европы въ XVI—XVIII в. Эта сторона дѣла еще болѣе подчеркивается при преемникахъ Бернабо. При племянникѣ Бернабо, Джіангалеаццо (1395—1402), достигшемъ власти путемъ заговора, приведеннаго въ исполненіе съ характерною для эпохи кровавою жестокостью, фискальный гнетъ увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ расточительности и роскоши двора, которая начинаетъ развиваться въ особенности съ того момента, какъ Джіангалеаццо удалось добиться отъ короля Венцеслава герцогской короны. При немъ была окончена начатая до него постройка роскошнаго дворца, который въ то время былъ лучшею изъ всѣхъ королевскихъ резиденцій западной Европы.

Сынъ и преемникъ Джіангалеаццо, Джіованни-Маріа (1402—1412), „извѣстенъ былъ не охотничьими собаками, а другими животными, назначеніе которыхъ было истреблять не звѣрей, а людей. Клички ихъ переданы намъ исторіей, какъ клички медвѣдей императора Валентина. Когда въ маѣ 1409 г., во время разорительной войны, голодный народъ кричалъ на улицахъ, при проѣздѣ государя: *pace! pace! миръ! миръ!*,— герцогъ выслалъ противъ толпы своихъ наемниковъ, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей перебили до двухсотъ человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ было запрещено, подъ страхомъ висѣлицы, произносить слова *pace* и *guerra*, т. е. *миръ* и *война*, такъ что священникамъ, вмѣсто извѣстныхъ словъ молитвы *дай намъ миръ*, *dona nobis pacem*, приходилось читать: *дай намъ тишину*, *dona nobis tranquillitatem*" (Burckhardt).

Филиппо-Марія (1412—1447), послѣдній представитель дома Висконти, интересенъ, какъ миньятюрный прототипъ получившаго впослѣдствіи грандіозное воплощеніе, въ лицѣ Людовика XIV, отождествленія государства съ личностью государя. „Всѣ силы и средства государства соединены были имъ для охраны своей собственной особы. Въ сильно вооруженномъ миланскомъ замкѣ, окруженномъ великолѣпными садами, крытыми аллеями и площадками для гимнастическихъ упражненій, жилъ онъ, не выѣзжая по нѣскольку лѣтъ въ городъ. Если онъ предпринималъ поѣздки, то лишь для посѣщенія своихъ замковъ. Для этой цѣли на проведенныхъ къ нимъ каналахъ содержалась цѣлая флотилія судовъ, которая была необходима для того, чтобы переѣздъ могъ совершаться съ соблюденіемъ всѣхъ требованій придворнаго этикета. Всякій, кто переступалъ порогъ герцогскаго замка, подвергался самому мелочному надзору. Цѣлая искусная система предварительныхъ испытаній была установлена для людей, которые имѣли вступить въ ближайшія служебныя отношенія къ герцогу, шло ли дѣло о высшихъ дипломатическихъ должностяхъ, или же о лакейской службѣ: и то и другое считалось одинаково почетнымъ“ (Burckhardt). Любопытно отмѣтить эту послѣднюю черту, предвосхищающую, за два съ половиною столѣтія, придворное міросозерцаніе эпохи Людовика XIV.

II.

Въ XIV в. *кондотьеръ*—слуга, хотя и вольный, „князя“, или вѣрнѣе—князей, такъ какъ кондотьеръ служитъ кому угодно, сегодня одной изъ воюющихъ сторонъ, завтра—другой: все дѣло рѣшалось большею или меньшею выгодностью „дѣла“. Князья привыкаютъ смотрѣть на кондотьеровъ исключительно, какъ на орудія для достиженія своихъ цѣлей, и по достиженіи цѣли раздѣлываются съ ними съ полнѣйшею безцеремонностью. Если кондотьеръ оказался неудачливымъ полководцемъ, ему мстятъ; если онъ увѣнчалъ себя лаврами побѣдителя, отъ него спѣшатъ поскорѣе отдѣ-

латься, какъ отъ человѣка опаснаго. Такъ, извѣстный кондотьеръ Малатеста, былъ убитъ тотчасъ послѣ побѣды, одержанной имъ для папы.

Въ слѣдующемъ столѣтіи дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ. Кондотьеръ настолько оперяется, что уже самъ начинаетъ мѣтить въ „князья“, что ему нерѣдко и удается, съ помощью ли вооруженной силы, съ помощью ли хитрости и изворотливости, или же всего чаще—при помощи того и другого вмѣстѣ. Франческо Сфорца представляетъ собою, быть можетъ, наиболѣе яркую фигуру среди удачливыхъ кондотьеровъ послѣдней категоріи. Въ его лицѣ кондотьерство отомстило принципату за долгія обиды былыхъ временъ.

Сынъ зажиточнаго крестьянина изъ области Романьи, превратившійся въ неограниченнаго государя одного изъ наиболѣе значительныхъ „княжествъ“ Италіи и положившій начало, хотя и недолговременной, династіи,—Франческо Сфорца представляетъ собою блестящую иллюстрацію сдѣланнаго однимъ современникомъ, папою Піемъ замѣчанія, что „въ странѣ, влюбленной въ новизну и перемѣны, конюху не трудно сдѣлаться государемъ“. Личность Сфорцы является иллюстраціей еще и другого общаго факта, которымъ отмѣчена эпоха перехода отъ средневѣковья къ новому времени; этотъ общій фактъ можно коротко характеризировать въ двухъ словахъ: *пробужденіе личности.* Личность начинаетъ стряхивать съ себя тѣ путы, подъ игомъ которыхъ она долго дремала: путы феодальныхъ оковъ и корпоративныхъ привилегій, путы религіознаго и умственнаго гнета, гнета традицій и предразсудковъ. Личность выступаетъ, выпрямляется во весь свой ростъ и начинаетъ сама, своими собственными усиліями, своимъ индивидуальнымъ геніемъ, прокладывать себѣ дорогу въ жизни черезъ чащу воздвигнутыхъ вокругъ нее средневѣковымъ развитіемъ преградъ, нещадно ломая ихъ на своемъ пути и съ ожесточеніемъ попирая всякія традиціи и условности исторически сложившагося общежитія. Сила побуждающагося индивидуализма сказывается особенно ярко въ *новыхъ людяхъ*, которые шумно врываются на историческую сцену, безцеремонно сталкивая съ насиженныхъ позицій ихъ тра-

диціонныхъ обладателей. Время индивидуализма par excellence, эпоха возрожденія есть главнымъ образомъ время *новыхъ людей*, людей, которые не *получаютъ* свою роль, какъ благопріобрѣтенное наслѣдство отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, а *создаютъ* ее себѣ своими руками. *Новый человѣкъ*, это—болѣе, чѣмъ кто-либо, въ полномъ смыслѣ—*fortunae suae ipse faber*, „самъ кузнецъ своего собственнаго счастья, своей судьбы". Сила и значеніе новаго человѣка коренятся не въ историческомъ правѣ, не въ незапамятной традиціи, не въ вѣковой привилегіи, не въ пожелтѣвшемъ отъ времени пергаментѣ, а въ личныхъ усиліяхъ, въ личной энергіи, въ личномъ талантѣ, и—надо также прибавить—въ личномъ пронырствѣ, изворотливости и хитрости, при случаѣ—даже жестокости: однимъ словомъ—въ томъ, что на языкѣ эпохи называлось *доблестью*, *virtu*. Извѣстно, что слова также имѣютъ свою исторію; слово *доблесть* на языкѣ людей эпохи возрожденія имѣетъ очень мало общаго съ тою совокупностью понятій, которыя мы привыкли съ нимъ соединять. *Доблесть* эта въ гораздо меньшей степени *синонимъ* чести и честности, чѣмъ ихъ *антитеза*. *Доблестный человѣкъ*, „совершенный *virtuoso*,—деспотъ до жестокости, коварецъ до самой подлой плутни. Доблесть требуетъ лишь дѣяній блестящихъ, трудныхъ терпѣливо подготовленныхъ и хладнокровно выполненныхъ, съ спокойной душой и яснымъ лицомъ, съ какимъ бы тяжкимъ преступленіемъ ни было сопряжено это выполненіе. Побѣжденный, безъ всякой надежды на спасеніе въ перспективѣ, *доблестный человѣкъ* не склонитъ своей выи. Съ него довольно быть хотя на одинъ день *единственнымъ въ своемъ родѣ*, *unico singolare*, и вызвать изумленіе эпохи. Подъ топоромъ палача юный Ольджіато, убійца Галеаса Сфорцы, восклицаетъ: *смерть жестокая, слава вѣчная!* И въ ожиданіи славы въ потомствѣ, *virtuoso* находитъ себѣ поддержку въ настроеніи своихъ современниковъ. Папа Павелъ II говорилъ про скульптора Бенвенуто Челлини, которому иногда случалось производить убійства на улицахъ Рима: „Такіе геніальные художники, какъ Бенвенуто, стоятъ выше общепризнанныхъ законовъ" (Gebhardt).

Появленіе на политической аренѣ „новыхъ людей" опять-таки предвосхищаетъ одну изъ характерныхъ чертъ позднѣйшаго абсолютизма. Если, съ одной стороны, абсолютизмъ подавлялъ личность, то—съ другой стороны—онъ выдвигалъ „новыхъ людей" въ ущербъ представителямъ правовыхъ традицій и историческихъ привилегій. И понятно, почему: для окончательнаго своего торжества, абсолютизму необходимо было сломить многочисленныя преграды, которыя центральная власть встрѣчала въ исторически сложившихся традиціяхъ и исконныхъ привилегіяхъ, а носителями этихъ послѣднихъ были главнымъ образомъ, именно, представители наслѣдственно-привилегированныхъ сословій, преимущественно—феодальной аристократіи. Вотъ почему центральной власти приходилось волей-неволей искать себѣ орудія среди „новыхъ людей", людей безъ роду безъ племени, людей не связанныхъ никакими традиціями и привилегіями. Вотъ почему, начиная съ Ришелье, французская корона систематически окружаетъ себя совѣтниками изъ „подлой буржуазіи" („de la vile bourgeoisie"—выраженіе герцога Сенъ-Симона); по той же причинѣ, стремившійся къ абсолютизму Генрихъ VIII Англійскій любилъ окружать себя „проходимцами безъ роду, безъ племени", какъ ворчали оттѣсненные ими въ тѣнь старые магнаты. И дѣйствительно, всѣ наиболѣе выдающіеся государственные люди эпохи абсолютизма—какъ Вольсей и Оливеръ Кромвель въ Англіи, какъ Ришелье и Мазарини во Франціи, какъ Альберони въ Испаніи, не говоря уже о массѣ второстепенныхъ дѣятелей,—принадлежатъ всѣ къ числу „новыхъ людей".

Въ Италіи, въ эпоху возрожденія, люди „безъ роду безъ племени" не только окружаютъ государей, но и сами при случаѣ становятся государями. Какъ и какимъ образомъ, это можно видѣть на примѣрѣ уже упомянутаго выше Франческо Сфорцы.

По смерти послѣдняго Висконти (1447) Милану пришлось отбиваться отъ многочисленныхъ претендентовъ на миланскій престолъ: отъ короля Неаполитанскаго, отъ герцога Орлеанскаго, брата французскаго короля, отъ герцога Савойскаго. Застигнутый врасплохъ, городъ Миланъ нанялъ, въ качествѣ своего защитника, Франческо Сфорцу, который уже успѣлъ къ тому времени создать

себѣ настолько прочную карьеру кондотьера, что его удостоила породниться фамилія Висконти: онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго представителя этой фамиліи. Въ качествѣ вознагражденія, Миланъ обѣщалъ Сфорцѣ города Брешію и Верону. „Кондотьеръ принялъ условія—разсказываетъ Макіавелли – и ничто съ этой минуты не удерживало его: ни страхъ, ни стыдъ клятвопреступленія, *потому что онъ зналъ, какъ всѣ великіе люди, что обманомъ стыдно лишь потерять, а не выиграть*". Сфорца выполнилъ добросовѣстно и успѣшно взятое на себя дѣло, прогналъ съ миланской территоріи французскія и венеціанскія войска, заключилъ миръ съ Венеціей и поворотилъ съ своимъ войскомъ къ Милану для того, чтобы занять герцогскій престолъ. Подданные Милана, города Пьяченца, Тортона, Александрія встрѣтили побѣдителя съ распростертыми объятіями. Миланцы напрасно искали спасенія у другого кондотьера, Карла Гонзаги,—имъ пришлось въ концѣ концовъ отворить ворота счастливому побѣдителю.

Какъ государь, Франческо Сфорца (1450—1466) выдѣляется выгоднымъ образомъ среди большинства даже болѣе „законныхъ" князей тогдашней Италіи, такъ же, какъ и—своихъ преемниковъ, которымъ удалось продлить „династію", съ нѣкоторыми перерывами, до 1535 г. Уже его сынъ Галеаццо (1466—1476) блещетъ болѣе отрицательными, чѣмъ положительными сторонами итальянскаго принципата. „Блескъ двора онъ замѣнилъ расточительностью, воинскій духъ—парадомъ, правительственный авторитетъ—тиранніей, благоразуміе въ политикѣ — мелкимъ задоромъ, сдержанность въ частной жизни—распущенностью. Онъ дѣлалъ не мало смотровъ и ни разу не командовалъ въ битвѣ. Любя удовлетворять свои страсти, онъ еще болѣе любилъ предавать публичному позору семейную честь своихъ подданныхъ. Для своихъ жертвъ онъ изобрѣталъ истязанія гнусныя и отталкивающія и при ихъ исполненіи присутствовалъ лично, какъ художникъ, желающій судить о достоинствѣ своего произведенія" (Zeller).

III.

Принципатъ Медичи во Флоренціи представляетъ интересъ, главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, здѣсь мы имѣемъ передъ собой живую и яркую иллюстрацію уже выше отмѣченнаго общаго факта, которымъ характеризуется послѣдняя пора средневѣковья, а затѣмъ и все послѣдующее время: этотъ общій фактъ—*политическая сила денежнаго капитала.* Если Сфорца достигъ политической власти, какъ кондотьеръ, при помощи вооруженной силы, то Медичи достигъ того же, какъ банкиръ, при помощи силы денегъ. Первый былъ „счастливый кондотьеръ", послѣдній — „счастливый банкиръ". Козимо Медичи (1429—1464) сдѣлался самымъ могущественнымъ человѣкомъ во Флоренціи потому, что онъ былъ самымъ богатымъ и потому самымъ полезнымъ, самымъ необходимымъ изъ всѣхъ гражданъ; къ этому надо прибавить еще ловкость и щедрость Козимо. Онъ, не жалѣя, раздавалъ деньги направо и налѣво, создавая вокругъ себя плотную толпу людей, изъ которыхъ одни были его должниками, другіе просто людьми ему обязанными, третьи желали попасть въ одну изъ этихъ категорій. Такъ или иначе, большая часть Флоренціи состояла вскорѣ изъ его кліентовъ. Въ то же время Козимо сдѣлался самымъ необходимымъ гражданиномъ для государства. Открывая или закрывая свой кредитъ, онъ могъ вліять на исходъ войнъ между самыми могущественными государями Европы. Когда король Неаполитанскій заключилъ съ Венеціей союзъ противъ Флоренціи, банкъ Медичи отказалъ союзникамъ въ кредитѣ, и имъ пришлось просить мира, несмотря на свой перевѣсъ въ военномъ отношеніи. Банкирскій домъ Медичи, съ его безчисленными развѣтвленіями, охватывавшими всю Европу, представлялъ собою превосходную дипломатическую организацію. „Эта финансовая дипломатія дѣлала и затишье и бурю, миръ и войну, смотря по тому, облегчалъ или тѣснилъ Козимо банки въ Неаполѣ, въ Венеціи, въ Миланѣ и въ другихъ мѣстахъ" (Zeller).

Благодаря банку Медичи, Флоренція получила такой вѣсъ въ международной политикѣ эпохи, на который отнюдь не могло, само по себѣ, претендовать государство столь незначительныхъ размѣровъ. Одинъ изъ могущественнѣйшихъ государей эпохи, Людовикъ XI Французскій выходитъ встрѣчать пословъ флорентійской республики, съ блестящей свитой, за двѣ версты отъ города и снимаетъ свою шляпу, лишь только снялъ свою посолъ.

Правленіе Медичи было фактическимъ принципатомъ съ сохраненіемъ внѣшности республики, на подобіе принципата Августа въ Римѣ. Государь въ скрытомъ состояніи, Козимо продолжалъ сохранять внѣшность и манеры простого гражданина. „Онъ былъ все такъ же учтивъ и предупредителенъ; самъ человѣкъ уже пожилой, онъ на улицѣ всегда уступалъ дорогу людямъ старше себя. Живя больше на виллѣ, онъ по утрамъ работалъ въ своемъ виноградникѣ или фруктовомъ саду, самъ прививалъ и подрѣзывалъ деревья и толковалъ съ мѣстными крестьянами о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ“ (Покровскій). Но это отнюдь не мѣшало Козимо быть на дѣлѣ почти неограниченнымъ монархомъ. Правительственная коммиссія, состоявшая изъ его креатуръ и протеже, собиралась на засѣданія въ его домѣ; никакое государственное дѣло не рѣшалось иначе, какъ согласно съ его желаніями, а иностранную политику Флоренціи онъ велъ совершенно единолично и самовластно, и въ глазахъ иностранной дипломатіи имя Медичи значило болѣе, чѣмъ имя Флоренціи.

Принципатъ Медичи, правда, попрежнему не оформленный юридически и продолжавшій уживаться съ республиканскими формами, достигъ своего полнаго расцвѣта при второмъ преемникѣ и внукѣ Козимо, знаменитомъ Лоренцо Великолѣпномъ (1469—1494). Неудавшійся заговоръ на жизнь Лоренцо послужилъ только къ окончательному упроченію его властнаго положенія. Съ этого момента (1478) онъ заводитъ гвардію для охраны своей безопасности и начинаетъ усвоивать замашки настоящаго государя. Онъ лично ведетъ переговоры съ королемъ Неаполитанскимъ и заключаетъ съ нимъ союзъ, въ силу котораго обѣ стороны гарантировали „неприкосновенность своихъ государствъ“. Лоренцо вводитъ въ пра-

вительственную организацію такія измѣненія, которыя окончательно превращаютъ послѣднюю въ орудіе единовластія Медичи. Послѣ покушенія Лоренцо усилилъ свой надзоръ за наиболѣе вліятельными гражданами. „Бдительный надзоръ не ограничивался одною политическою сферою, но захватывалъ и частныя, даже семейныя дѣла: ни одна крупная сдѣлка, ни одинъ бракъ не совершался безъ разрѣшенія Медичи. Ихъ сторонники, даже занимая высшія государственныя должности, не смѣли забывать, что они только орудія въ рукахъ Лоренцо“ (Покровскій). Однимъ словомъ, *въ лицѣ Лоренцо Великолѣпнаго Флоренція превращается въ прикрытую республиканскими формами абсолютную монархію.* „Изъ всѣхъ итальянскихъ князей, наиболѣе трудолюбивый, наиболѣе благоразумный, пользующійся наилучшею репутаціей, онъ обладаетъ наибольшею ловкостью въ современной дипломатической игрѣ. Этимъ путемъ онъ пріобрѣтаетъ почетъ со стороны всей Италіи, со стороны Людовика XI и самыхъ отдаленныхъ государей. Спаситель герцога Феррарскаго, короля Фердинанда Неаполитанскаго, союзникъ Милана, располагающій папой Иннокентіемъ VIII, повелитель народа безпокойнаго и свободолюбиваго, хотя и непзмѣнно покорнаго, онъ выдаетъ свою дочь за сына папы, одного изъ своихъ сыновей женитъ на дочери одного изъ римскихъ Орсини, другого на одной изъ принцессъ королевскаго дома Франціи, наконецъ, для младшаго своего сына добываетъ кардинальскую шапку съ бенефиціями во Франціи и въ Неаполитанскомъ королевствѣ въ придачу. Европа за нимъ ухаживаетъ, его осаждаютъ своею предупредительностью послы императора Фридриха III и короля Испанскаго; онъ состоитъ въ дружеской перепискѣ съ Корвиномъ Венгерскимъ и съ Иваномъ II Португальскимъ, ведетъ дружбу съ Людовикомъ XI Французскимъ, который величаетъ его въ своихъ письмахъ „своимъ дорогимъ и великимъ другомъ“ („mon cher et grand ami“), и обмѣнивается подарками съ султанами Египта и Константинополя“ (Zeller).

Принципатъ Лоренцо Великолѣпнаго представляетъ интересъ еще въ томъ отношеніи, что въ его лицѣ нашла себѣ наиболѣе блестящее воплощеніе одна болѣе или менѣе общая черта итальянской

янскаго принципата,—черта, которая съ извѣстными видоизмѣненіями повторяется впослѣдствіи въ качествѣ почти неизмѣннаго аттрибута абсолютной монархіи: черта эта—*меценатство*, „покровительство наукамъ и искусствамъ“. Въ вѣкъ меценатства, какимъ была эпоха возрожденія, Лоренцо является меценатомъ par excelence. Меценатство было настолько же фамильною традиціей Медичи, насколько и традиціей мѣстной, городской. Флоренція не даромъ слыла колыбелью возрожденія и была родиной его предтечи—Данте, а основанный городомъ, въ половинѣ XIV в., университетъ сдѣлался однимъ изъ очаговъ гуманизма. Гуманистовъ здѣсь холило и государство, вербовавшее въ ихъ средѣ своихъ „канцлеровъ“ и „ораторовъ“ для заграничныхъ посольствъ; ихъ ласкала и флорентійская знать, въ домахъ которой они поддерживали литературные и художественные вкусы. Поджіо, Марсуппини, Никколи были своими людьми въ домѣ Медичи. Нѣкоторыя изъ крупныхъ литературныхъ работъ обязаны своимъ происхожденіемъ почину Медичи. Въ самой семьѣ Медичи оказались поэты и литераторы. Невѣстка Козимо и мать Лоренцо Лукреція была авторомъ многихъ стихотвореній религіознаго содержанія. Самъ Лоренцо не прочь былъ поавторствовать и въ поэзіи и въ искусствѣ. Когда городъ объявилъ конкурсъ на проектъ фасада одной церкви, въ числѣ конкурррентовъ оказался и Лоренцо. Литературные и художественные интересы пріобрѣтаютъ при Медичи во Флоренціи господствующее значеніе. „Изданіе или переводъ древняго автора, выходъ въ свѣтъ латинской или итальянской поэмы, находка древней статуи—вотъ главныя событія во Флоренціи. Наука и поэзія, сдѣлавшіяся теперь государственнымъ дѣломъ, ведутъ ко всему. Бенедетто Аккольти и Бартоломео Скала получаютъ должность канцлеровъ республики; наиболѣе краснорѣчивые среди литераторовъ служатъ послами. Если бы по собственной волѣ Флоренція рѣшилась угрожать политическому равновѣсію Италіи, то развѣ только изъ-за литературнаго самолюбія. Миланскій ученый Мерула раскритиковалъ *Miscellanea* флорентійскаго гуманиста Полиціано. Возгорѣлась ожесточенная полемика между обоими городами, и обоимъ государямъ пришлось вмѣшаться въ дѣло“ (Zeller).

Принципатъ Медичи, какъ мы видѣли, былъ созданъ силою денегъ; династія Медичи была банкирскимъ домомъ. И династія продолжалась до тѣхъ поръ, пока продолжалась финансовая устойчивость фирмы. Подъ внѣшнимъ блескомъ „великолѣпнаго“ принципата скрывались уже серьезныя финансовыя прорѣхи, которыя все труднѣе и труднѣе становилось зачинивать. Отъ окончательнаго краха, подъ конецъ жизни Лоренцо, банкъ Медичи былъ спасенъ лишь поддержкой со стороны городскихъ финансовъ. Смерть Лоренцо была концомъ династіи Медичи. Сынъ его Пьеро принужденъ былъ, послѣ сдачи французамъ, бѣжать изъ Флоренціи. Не разъ потомъ возвращались Медичи во Флоренцію, но не въ силахъ уже были снова утвердить здѣсь свое господство, которое капиталомъ создалось, съ капиталомъ же и рушилось.

IV.

Принципатъ Цезаря Боржіа, представляющій собою тотъ типъ послѣдняго, который связанъ съ папскимъ *непотизмомъ*, интересенъ, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, Цезарь Боржіа представляетъ собою наиболѣе полное и яркое воплощеніе той политики и тѣхъ политическихъ нравовъ, которые нашли себѣ теоретическое выраженіе въ ученіи Макіавелли, и подъ именемъ „макіавеллизма“ были унаслѣдованы позднѣйшею политикой и дипломатіей. Съ другой стороны, Цезарь Боржіа является представителемъ — и до извѣстной степени создателемъ — той территоріальной политики „округленія“ и „исправленія границъ“, которая опять-таки находитъ себѣ дальнѣйшее развитіе и примѣненіе, только въ гораздо большемъ масштабѣ, въ политикѣ великихъ монархій XVI—XVIII в.

Цезарь Боржіа былъ третьимъ изъ многочисленныхъ незаконныхъ дѣтей папы Александра VI (1492—1503). Итальянскіе нравы эпохи были таковы, что папа могъ, не скандализируя общественнаго мнѣнія, воспитывать публично своихъ незаконныхъ дѣтей и устраивать торжественную встрѣчу возвращавшейся изъ французскаго плѣна своей любовницѣ.

Среди хаоса мелкихъ „княжествъ“, на которыя распадалась въ то время сѣверная и средняя Италія, Александръ хотѣлъ создать новое государство, которое было бы удѣломъ фамиліи Боржіа, и опираясь на церковь, могло бы завоевать себѣ гегемонію надъ всей Италіей. Основателя предполагаемой династіи Александръ намѣтилъ въ своемъ второмъ (послѣ смерти старшаго) сынѣ, Джіованни, которому для начала онъ отдалъ „вотчину св. Петра“ (patrimonium Sancti Petri) и объявленные конфискованными лены папскихъ вассаловъ Орсини (въ наказаніе за ихъ измѣну папѣ во время нашествія Карла VIII Французскаго). Начало было не особенно удачно, такъ какъ Орсини отстояли съ оружіемъ въ рукахъ свои владѣнія. Глядя на неудачу своего старшаго брата, Цезарь не могъ удержать своей досады. „Ахъ, воскликнулъ онъ съ сердцемъ въ разговорѣ съ своимъ пріятелемъ испанцемъ Михелотто, отчего я не родился первымъ,—я бы успѣлъ уже оборудовать себѣ хорошенькое княжество въ Италіи“. Цезарь настолько обладалъ начитанностью въ древнихъ авторахъ, чтобы припомнить по этому случаю исторію Ромула создавшаго свое единовластіе братоубійствомъ. Вскорѣ послѣ этого (14 іюня 1497 г.) Цезарь провелъ вечеръ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ у своей матери въ подгородной виллѣ. Около полуночи братья возвращались верхомъ домой. Цезаря сопровождалъ его обычный замаскированный спутникъ. На другой день напрасно ожидали Джіованни, въ Ватиканѣ, гдѣ была его квартира. Еще день спустя лодочники нашли въ Тибрѣ трупъ Джіованни съ израненными шеей и руками и нетронутымъ кошелькомъ съ деньгами. Общій голосъ сейчасъ же назвалъ имя убійцы. „Это Цезарь велѣлъ бросить брата въ Тибръ съ перерѣзаннымъ горломъ“,—писалъ венеціанскій посолъ Капелло. „Это великій маэстро“, писалъ о немъ же флорентійскій посолъ. Многообѣщающему „маэстро“ было въ это время двадцать пять лѣтъ.

Папа, видимо, былъ пораженъ, заперся у себя въ комнатѣ, три дня не выходилъ и не принималъ пищи, потомъ утѣшился и отослалъ Цезаря въ Неаполь, въ качествѣ своего представителя, на торжество коронованія короля Фердинанда (послѣдняго Неаполитанскаго короля изъ Арагонскаго дома). По возвращеніи сына,

Александръ принялъ его въ засѣданіи консисторіи, молча обнялъ и молча же удалился. Вечеромъ того же дня Цезарь пошелъ отпраздновать свое благополучное возвращеніе къ своей матери.

„Съ этихъ поръ начинается скрытное царство Цезаря. Отнынѣ роль Александра сводится къ роли орудія колоссальнаго честолюбія своего сына, на котораго онъ смотрѣлъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и страха“. Александръ VI, „эта буйная душа, всецѣло отдающаяся порыву минутной страсти, въ одномъ лишь проявлялъ неизмѣнное постоянство,—это въ нѣжномъ чувствѣ, смѣшанномъ съ чувствомъ страха, къ Цезарю, да еще къ честолюбивой мечтѣ — отдать въ добычу своему сыну Аппенинскій полуостровъ, „склеить Италію въ одинъ кусокъ“, по живописному выраженію своего современника“ (Gebhardt). Дѣло шло, дѣйствительно, уже не о гегемоніи надъ Италіей, а о соединеніи „въ одинъ кусокъ“ подъ властью Цезаря, если не всей Италіи, то наивозможно большаго количества территорій вокругъ центральнаго ядра, „вотчины св. Петра“.

Средства для достиженія этой цѣли были, кромѣ ловкости, коварства и дипломатіи—что означало одно и то же въ тѣ времена,—вооруженное нападеніе, индивидуальныя и коллективныя убійства, отравленія и т. д. Всего лучше это видно будетъ изъ нѣсколькихъ конкретныхъ примѣровъ.

Цезарь уже трижды заставлялъ свою юную сестру Лукрецію развестись и трижды выйти замужъ, сообразно съ политическими надобностями минуты. Третій мужъ ея, Альфонсъ Неаполитанскій, оказался вскорѣ также помѣхой для дальнѣйшихъ политическихъ плановъ Цезаря. Нужно было сблизиться съ д'Эстэ Феррарскими, и хорошо было бы съ ними породниться, выдавъ Лукрецію за сына герцога Феррарскаго. На бѣду, мужъ Лукреціи былъ въ добромъ здоровьѣ, и, что всего хуже, пользовался привязанностью жены, какъ и самого папы. Разводъ при такихъ условіяхъ оказывался малопригоднымъ средствомъ,—слѣдовало принять иныя мѣры. Въ одинъ прекрасный день, въ то время, какъ Альфонсъ поднимался по ступенькамъ собора св. Петра, на него напали нѣсколько вооруженныхъ замаскированныхъ людей; Альфонсъ упалъ обливаясь кровью.

Въ такомъ видѣ онъ былъ найденъ и перенесенъ въ Ватиканъ. Папа и Лукреція лично ухаживали за раненымъ, который скоро началъ поправляться. Чего добраго, онъ могъ выздоровѣть, что совсѣмъ не соотвѣтствовало планамъ Цезаря. Въ одинъ прекрасный день послѣдній является съ своимъ неизмѣннымъ приспѣшникомъ Михелотто въ комнату выздоравливающаго и выпроваживаетъ оттуда сидѣвшую тамъ Лукрецію. Когда Цезарь удалился, Альфонсъ лежалъ бездыханнымъ: онъ былъ задушенъ Михелотто.

Народный ропотъ Цезарь старался заглушить терроромъ. Злоязычные люди, свѣтскіе, ли или духовные, подвергались тюрьмѣ, отравѣ, потопленію въ Тибрѣ. „Почти дня не проходитъ, чтобы не находили труповъ въ Тибрѣ“,—передаетъ венеціанскій посолъ.

Отдѣлавшись отъ помѣхи въ лицѣ третьяго мужа Лукреціи, которая вслѣдъ за тѣмъ была отправлена въ одинъ уединенный замокъ, „для успокоенія послѣ пережитыхъ волненій“, Цезарь принялся за завоеваніе Романьи. Это оказалось дѣломъ не изъ особенно трудныхъ, въ виду того, что мелкіе тиранны, которыми кишѣла область, были между собою на ножахъ и сами помогали Цезарю уничтожать другъ друга; къ тому же большинство этихъ мелкихъ деспотовъ было предметомъ ненависти со стороны своихъ подданныхъ, которые сплошь да рядомъ встрѣчали завоевателя, какъ желаннаго освободителя. Только Фаэнца оказала упорное сопротивленіе. Владѣтель Фаэнцы, восемнадцатилѣтній Манфреди, любимый своими подданными, продержался цѣлую зиму (1500—1501) противъ бомбардировокъ, противъ аттакъ кондотьеровъ, противъ дипломатическихъ уловокъ Цезаря; однако, подъ конецъ сдался, выговоривъ себѣ условіемъ сохраненіе жизни своей и всѣхъ осажденныхъ. Едва была подписана капитуляція, Манфреди былъ схваченъ, отведенъ въ Римъ, гдѣ брошенъ въ тюрьму, а оттуда—съ камнемъ на шеѣ—въ Тибръ.

Нѣсколько иначе поступилъ Цезарь съ городомъ Урбино, съ владѣтелемъ котораго Убальдо Цезарь былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Кромѣ всѣмъ извѣстной дружбы Цезаря къ владѣтелю Урбино, безопасность послѣдняго, казалось, была обезпечена еще и великолѣпной артиллеріей, грозно смотрѣвшей со стѣнъ и башенъ

урбинскаго замка. Въ Римѣ поэтому были не мало поражены неожиданною вѣстью о томъ, что Урбино взятъ Цезаремъ. Какимъ образомъ могло это случиться? Очень просто. Цезарь по-пріятельски обратился къ Убальдо одолжить ему на нѣсколько дней свою прекрасную артиллерію, для приведенія въ покорность городка Камерино. Убальдо по-пріятельски же одолжилъ то, чего у него просили, и даже велѣлъ нѣсколько сравнять откосы крѣпостного вала, для того чтобы удобнѣе было свезти орудія. Взявъ артиллерію Урбино, Цезарь быстро привелъ въ покорность Камерино, послѣ чего подошелъ къ Урбино на разстояніе пушечнаго выстрѣла и навелъ орудія своего пріятеля на его замокъ. Убальдо ничего не оставалось, какъ спасать свою жизнь бѣгствомъ, а Урбино со всей артиллеріей, съ замкомъ и съ массою фамильныхъ драгоцѣнностей оказался въ рукахъ Цезаря.

Лѣтомъ 1502 г. Орсини вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ обездоленныхъ Цезаремъ феодальныхъ сеньеровъ, при участіи нѣсколькихъ офицеровъ самого Цезаря, составили заговоръ, съ цѣлью свергнуть тиранію герцога Романьи (это былъ оффиціальный титулъ Цезаря). Провѣдавъ о томъ, Цезарь приглашаетъ Орсини въ Сенигалію, подъ предлогомъ секретныхъ переговоровъ. Какъ только приглашенные вошли въ залу городской ратуши, гдѣ было назначено свиданіе, ихъ схватили и немедленно задушили. Это было въ ночь на новый годъ (1503), а 3 января имѣло мѣсто слѣдующее дѣйствіе драмы. Наканунѣ папа получилъ извѣстіе о событіи 31 декабря и провелъ ночь въ приготовленіяхъ къ тому, что имѣло произойти на утро. Съ утра кардиналъ Орсини и другіе церковники этой фамиліи были приглашены въ Ватиканъ. Здѣсь они были всѣ схвачены и умерщвлены. Въ изданномъ по этому случаю папою бревѣ предписывалось Цезарю дѣйствовать безъ всякой пощады по отношенію къ остаткамъ фамиліи Орсини, „не щадя ни женщинъ, ни дѣтей“. Въ одномъ частномъ разговорѣ папа высказалъ: „мы такъ далеко зашли въ дѣлѣ преслѣдованія Орсини, что намъ необходимо теперь покончить со всѣми, чтобы самимъ не потерпѣть отъ нихъ“. Александръ въ данномъ случаѣ лишь примѣнялъ на практикѣ то правило, которое нѣсколько лѣтъ спустя было форму-

лировано Макіавелли: „сильныхъ людей лучше не трогать, а если иначе нельзя, то непремѣнно убивать“. Про Орсини тотъ же Макіавелли напишетъ потомъ: „Они имѣли глупость отдать себя такимъ образомъ въ руки Цезаря“, а про самого Цезаря одобрительно замѣтитъ, что „истребивши главарей заговора, герцогъ положилъ прочное основаніе своему могуществу“.

Въ 1503 г. умеръ папа Александръ VI. Четыре года спустя послѣдовалъ за нимъ въ могилу и Цезарь, этотъ „великій тиранъ возрожденія“ и одна изъ наиболѣе яркихъ фигуръ эпохи. Никто, быть можетъ, не воплотилъ въ большей полнотѣ идеалъ „доблести“, какъ ее понимала тогдашняя Италія. „Сопоставляя вмѣстѣ,—говоритъ Макіавелли, всѣ дѣянія герцога (Цезаря), *я не знаю, въ чемъ бы можно было его упрекнуть*; мнѣ кажется, напротивъ, что онъ долженъ служить примѣромъ и образцомъ для всякаго, кто достигъ верховной власти съ помощью чужого оружія. При его возвышенной душѣ и тѣхъ великихъ цѣляхъ, которыя онъ преслѣдовалъ, его поведеніе и не могло быть инымъ“.

Дѣятельность Цезаря Борджіа не оставила сколько-нибудь прочныхъ слѣдовъ въ исторіи: „склеить Италію въ одинъ кусокъ“ ему не удалось, и даже тотъ не особенно большой кусокъ, который ему удалось слѣпить при помощи желѣза и крови, разсыпался съ его смертью. Но „великій тиранъ возрожденія“ оставилъ другой, болѣе прочный слѣдъ, это—въ *политической философіи Макіавелли*, которая въ значительной мѣрѣ представляетъ собою лишь теоретическое обобщеніе той „политики“, которая нашла себѣ конкретное выраженіе въ дѣятельности Цезаря Борджіа. Своимъ историческимъ значеніемъ Цезарь обязанъ не столько своей конкретной исторической роли, сколько политической философіи Макіавелли, сочиненіе котораго „о Государѣ“ надолго сдѣлалось настольною книгой государственныхъ людей. Другими словами, *Цезарь имѣетъ значеніе въ исторіи болѣе какъ образецъ и идеалъ, чѣмъ какъ конкретная историческая личность.* Значеніе это прямо пропорціонально той роли, которая выпала на долю политической философіи Макіавелли. Цезарь Борджіа продолжалъ жить исторически, пока жилъ макіавеллизмъ.

V.

Политическая философія Макіавелли представляетъ собою такое же яркое отраженіе эпохи въ области идей, какимъ личность Цезаря Борджіа является въ области фактическихъ отношеній. Ученіе Макіавелли, это — въ значительной степени лишь теоретическое обобщеніе современной автору политической дѣйствительности, „простое экспериментальное описаніе политики итальянскаго принципата", по выраженію одного изъ новѣйшихъ историковъ итальянскаго возрожденія (Жебара). Съ этой точки зрѣнія, „Государь" и „Бесѣды о Титѣ Ливіи" Макіавелли имѣютъ значеніе цѣннаго историческаго источника для характеристики политическихъ отношеній и нравовъ эпохи. Но для нашей задачи ученіе Макіавелли интересно, главнымъ образомъ, другою своею стороной, а именно, какъ *первый опытъ теоріи государства въ современномъ смыслѣ, — теоріи, одинаково свободной какъ отъ феодально-правовыхъ традицій, такъ и отъ какихъ бы то ни было богословскихъ мотивовъ.* Элементы, изъ которыхъ слагается политическая теорія Макіавелли, одинаково чужды обѣимъ этимъ категоріямъ идей: это, съ одной стороны, наблюденія надъ политическою дѣйствительностью современной автору Италіи, съ другой — примѣръ античныхъ государствъ, въ особенности Рима, исторію котораго Макіавелли основательно изучилъ по Титу Ливію. Макіавелли полонъ античныхъ представленій о государствѣ. Государству, совершенно въ духѣ античныхъ идей, онъ приноситъ въ жертву все: и личность, и свободу, и всѣ прочіе интересы. *Центръ тяжести всей философіи Макіавелли лежитъ въ апоѳеозѣ государства и государственной власти. Государственный интересъ для него — высшій критерій въ политикѣ.* Государственный интересъ выше всякихъ моральныхъ требованій и этическихъ соображеній; въ угоду государственному интересу позволительно все: обманъ, клятвопреступленіе, измѣна, убійство, однимъ словомъ — всякое преступленіе, потому что *то*,

что представляется преступленіемъ съ точки зрѣнія частныхъ отношеній между людьми, есть лишь государственная мудрость съ точки зрѣнія государственнаго интереса. „Хорошій результатъ всегда оправдываетъ дѣло: таковъ случай Ромула и Рема". „Насиліе заслуживаетъ порицанія лишь тогда, когда къ нему прибѣгаютъ для дурного дѣла, а не для хорошаго". „Кто хочетъ достигнуть великаго, долженъ изучить искусство обманывать". „Вѣроломство необходимо для всякаго, кто хочетъ усилить свою власть". Однимъ словомъ, *цѣль оправдываетъ средства.* Въ этомъ сущность того, что получило впослѣдствіи дальнѣйшую разработку, и теоретическую и практическую, подъ именемъ *макіавеллизма,* и что, съ другой стороны, нашло себѣ практическое примѣненіе въ морали іезуитскаго ордена: іезуитизмъ представляетъ собою лишь обращенный въ католичество макіавеллизмъ. Но не въ этомъ „макіавеллизмѣ", какъ уже было замѣчено, лежитъ центръ тяжести политической философіи Макіавелли, а именно—*въ культѣ новаго свѣтскаго государства.* И въ этомъ отношеніи „Государь" Макіавелли, сдѣлавшійся настольною книгой государственныхъ людей въ XVI—XVIII в., оказалъ огромное вліяніе на позднѣйшую политику. Культъ *государственнаго интереса* (*raison d'Etat, Staatsraison*), составляющій одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ этой политики, ведетъ свое начало отъ философіи Макіавелли. Съ другой стороны, Макіавелли, быть можетъ, отчасти противъ своего желанія, сыгралъ роль одного изъ наиболѣе вліятельныхъ поборниковъ монархическаго абсолютизма Дѣло въ томъ, что хотя Макіавелли имѣетъ въ виду не одну лишь монархическую форму государства и даже не скрываетъ своей симпатіи къ республиканской свободѣ, но тамъ, гдѣ ему приходится говорить о монархіи, государственный интересъ у него сплошь да рядомъ отождествляется съ интересомъ государя, государственная власть—съ властью государя. Если ученіе Макіавелли не исчерпывается философіей монархическаго абсолютизма, то во всякомъ случаѣ такая философія въ немъ заключается, какъ часть въ цѣломъ, и эта-то часть и пришлась особенно по вкусу позднѣйшимъ поборникамъ абсолютизма. *Сочиненіе Макіавелли сдѣлалось въ*

XVI—XVII в., можно сказать, руководствомъ политическаго деспотизма въ его наиболѣе рѣзкой формѣ—въ формѣ отождествленія государственнаго интереса съ интересомъ государя и государства—съ личностью государя. Приписываемое Людовику XIV изреченіе *l'Etat, c'est moi—государство, это я* уже заключается въ скрытомъ состояніи въ политической философіи Макіавелли.

ГЛАВА II.

Испанско-габсбургскій абсолютизмъ.

Абсолютная монархія, какъ явленіе романскихъ странъ par excellence.—I. Кастилія, какъ колыбель испанскаго абсолютизма.—Постепенный упадокъ сословнаго представительства и ростъ королевской власти въ Кастиліи.—Фердинандъ и Изабелла; заложеніе основъ абсолютной монархіи въ Испаніи.—Ограниченіе политическаго вліянія всѣхъ трехъ сословій.—Организація королевскаго абсолютизма. — Инквизиція, какъ орудіе королевской власти. II. Карлъ V. - Дальнѣйшій прогрессъ королевской власти въ Испаніи.—Столкновеніе съ кортесами и «возстаніе коммуперовъ». Побѣда космополитическаго абсолютизма надъ національными вольностями Кастиліи.—Союзъ между королевскою властью и католическимъ правовѣріемъ. — Политика вѣроисповѣдной исключительности и предсмертныя отеческія наставленія сыну.—Притязанія на міровую гегемонію и космополитическая политика. — Во что она обошлась Испаніи?—Ростъ фискальности.—Результаты царствованія Карла V для Испаніи.— III. Филиппъ II, какъ прямой продолжатель Карла V.—Личный абсолютизмъ, доведенный до геркулесовыхъ столбовъ. Торжество королевскаго абсолютизма въ Арагонѣ. — Обостреніе вѣроисповѣдной нетерпимости, осложненной національною исключительностью. — Изгнаніе мавровъ. — Итоги «католической» политики Филиппа II.—Міровая политика Филиппа II. - Филиппъ II въ роли предводителя всѣхъ силъ воинствующаго католицизма. Прогрессъ фискальности и его причины.—Войны и ростущая расточительность двора. — Итоги царствованія Филиппа II. — Преемники Филиппа II.—«Великое дѣло» царствованія Филиппа III. — Теоретическій и практическій культъ королевской власти. — Ростъ двора, чиновничества и бюрократіи.—Ростъ привилегированныхъ сословій.—Экономическій, культурный и политическій упадокъ Испаніи при послѣднихъ Габсбургахъ.

Идейная основа абсолютной монархіи новаго времени восходитъ исторически къ римскимъ государственно-правовымъ традиціямъ. Въ конкретной исторической дѣйствительности принципъ абсолютизма находитъ себѣ практическое осуществленіе прежде всего и полнѣе всего въ тѣхъ странахъ, гдѣ римскія традиціи коренились въ самой почвѣ и гнѣздились въ крови населенія, т. е. въ странахъ роман-

скихъ. За Италіей, гдѣ абсолютизмъ впервые зародился, идетъ Испанія, гдѣ онъ взросъ, затѣмъ Франція, гдѣ онъ окончательно возмужалъ. Вѣкъ итальянскаго абсолютизма, это по преимуществу пятнадцатый и начало шестнадцатаго: шестнадцатый вѣкъ, это по преимуществу вѣкъ испанскаго абсолютизма, какъ семнадцатое и восемнадцатое столѣтія—вѣкъ абсолютизма французскаго. Всѣ оригинальные типы западноевропейскаго абсолютизма нашли себѣ воплощеніе въ романскомъ мірѣ, и только въ романскомъ. Только здѣсь абсолютизмъ былъ туземнымъ растеніемъ, продуктомъ мѣстной почвы и атмосферы. Въ странахъ германскихъ, включая сюда и Англію, абсолютизмъ былъ, напротивъ, продуктомъ привознымъ, искусственно пересаженнымъ иноземнымъ растеніемъ, которое либо вовсе не привилось къ чуждой ему почвѣ, какъ въ Англіи, либо, если и привилось, какъ Германіи, то не успѣло пріобрѣсти здѣсь туземнаго характера, характера оригинальности,—печать заимствованія сохранилась въ немъ до конца. *Романскій абсолютизмъ отмѣченъ печатью оригинальности и творчества абсолютизмъ германскій—печатью заимствованія и подражанія.*

I.

До соединенія королевствъ Кастилія и Арагона въ концѣ XV в., Пиренейскій полуостровъ распадался политически на четыре главныя части. Кромѣ Кастиліи и Арагона, которые вмѣстѣ занимали около трехъ четвертей всего полуострова, самостоятельными политическими тѣлами были—Португалія на западѣ и Гренадскій халифатъ на югѣ.

Зарожденіе абсолютной монархіи въ Испаніи—такъ стали называть соединенное Кастильско-Арагонское королевство, увеличенное вскорѣ (1492) присоединеніемъ Гренадскаго халифата—совпадаетъ хронологически съ отмѣченнымъ выше территоріальнымъ объединеніемъ. Послѣднее двоякимъ образомъ благопріятствовало усиленію королевской власти. Съ одной стороны, благодаря взаимному антагонизму между обѣими частями королевства, которыя продолжали

сохранять свою политическую особность и послѣ ихъ соединенія подъ одною короной, не говоря уже объ особности національно-культурной, которая не вполнѣ исчезла и до нашихъ дней,—корона имѣла возможность опираться на силы Арагона для увеличенія своей власти въ Кастиліи и наоборотъ. Это—разъ. Съ другой стороны, увеличеніе внѣшняго могущества короны, вслѣдствіе увеличенія государственной территоріи, естественно, не могло не способствовать увеличенію королевскаго престижа и внутри страны.

Колыбелью Испанскаго абсолютизма была Кастилія. Не смотря на старинную давность своей сословно-представительной организаціи, *кортесовъ* (они возникли еще въ концѣ XII в.), послѣдняя не отличалась особенной прочностью и устойчивостью. *Исторія Кастильскихъ кортесовъ, начиная съ половины XIV в., есть исторія постепеннаго упадка ихъ политическаго значенія въ пользу растущей королевской власти.* Усиленію послѣдней способствовали главнымъ образомъ два обстоятельства. Это, съ одной стороны, побѣдоносная борьба съ маврами, съ другой — распространеніе римской государственной идеи подъ вліяніемъ вышедшихъ изъ болонской школы туземныхъ легистовъ или *летрадовъ (letrados)*, какъ ихъ здѣсь называли. „Идея о королевской власти, какъ источникѣ законодательства и права, пріобрѣтала все больше сторонниковъ, и въ 1348 г., въ кортесахъ Алькала-де-Энарисъ уже возможно было объявить законодательный сборникъ Альфонса X (1252—1284), составленный подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ юристовъ, кодексомъ дѣйствующаго права“ (Пискорскій). Не мало способствовало постепенному упадку кортесовъ паденіе муниципальной автономіи городовъ, которая служила основой для представительства третьяго сословія въ кортесахъ. Уже въ XIV в. городское самоуправленіе было поставлено подъ опеку королевской власти и подъ контроль особыхъ королевскихъ чиновниковъ, *коррехидоровъ (corregidores)*. Перемѣна династіи въ концѣ XIV в. дала возможность кортесахъ поднять свое упавшее значеніе лишь на короткое время. Въ слѣдующемъ столѣтіи, когда „положеніе новой династіи было упрочено, процессъ разложенія началъ сословной монархіи возобновился съ новой силой. Въ цар-

ствованіе Хуана II (1406—1454), не смотря на безпрестанныя смуты, монархическая идея все болѣе крѣпнетъ, благодаря образованію королевской партіи, стоявшей независимо отъ сословныхъ интересовъ. *Ограниченная монархія постепенно обращается въ абсолютную.* Ничто не могло остановить процесса разложенія средневѣковыхъ учрежденій и нарожденія новаго порядка вещей, и личныя свойства королей, занимавшихъ престолъ Кастиліи въ теченіе большей части XV в., именно ничтожность Хуана II (1406—1454) и полная неспособность къ правленію Генриха IV (1454—1474), нисколько не помѣшали королевской власти достигнуть полнаго торжества надъ оппозиціонными элементами въ царствованіе „католическихъ королей", Изабеллы и Фердинанда. Кромѣ общихъ причинъ, способствовавшихъ упадку парламентскаго строя Кастиліи въ теченіе XV в., были и частныя, заключавшіяся въ недостаткахъ регламентаціи правъ и организаціи народнаго представительства, въ отсутствіи солидарности интересовъ не только между отдѣльными чинами, входившими въ составъ кортесовъ, но даже и въ средѣ средняго сословія, которому принадлежало тамъ преобладающее значеніе, и которое сдѣлало изъ права голоса въ кортесахъ привилегію лишь восемнадцати городовъ. *Этими слабыми сторонами парламентскаго строя Кастиліи носители монархической идеи искусно пользовались для установленія въ странѣ королевскаго абсолютизма*, слѣдуя въ этомъ отношеніи общему теченію эпохи" (Пискорскій).

Время Изабеллы (1474—1504) и Фердинанда (1479—1516), это—время заложенія основъ абсолютной монархіи въ Испаніи, на почвѣ, подготовленной предшествующимъ столѣтіемъ съ четвертью. Но, въ извѣстной степени, это было также и время, такъ сказать, реставраціи королевской власти. Дѣло въ томъ, что начало царствованія Изабеллы въ Кастиліи ознаменовалось спорами за престолонаслѣдіе, грозившими совершеннымъ ослабленіемъ не успѣвшему еще окрѣпнуть авторитету короны. Магнаты, фрондировавшіе при слабомъ Генрихѣ IV, которому теперь наслѣдовала его сестра Изабелла (1474), направили теперь свою фронду противъ этой послѣдней, выставивъ ей конкурентовъ по престолонаслѣдію въ лицѣ

Альфонса V Португальскаго и сомнительной дочери умершаго короля. Провинціи проявляли сепаратистскія стремленія и отказывали въ повиновеніи центральному правительству. Феодальные сеньеры спѣшили воскресить свое былое право частной войны и вооруженною рукой оспаривали другъ у друга земли, укрѣпленные замки и политическое вліяніе. Въ городахъ враждебныя партіи рѣшали свои споры настоящими битвами на улицахъ и площадяхъ. Массовое разбойничество держало города почти въ осадномъ положеніи. Одна шайка завладѣла крѣпкимъ замкомъ Кастронуньо, откуда производила свои кровавые набѣги на окрестную территорію. Многіе изъ мелкихъ дворянъ становились настоящими бандитами; они грабили церкви, отбирали себѣ церковныя земли, при случаѣ предавали пожару и разграбленію цѣлыя селенія.

Но эта вспышка фрондерства и анархіи не могла надолго задержать прогресса королевской власти. Эта мимолетная вспышка сослужила даже службу дѣлу упроченія королевскаго авторитета, такъ какъ вызвала въ массахъ глубокую ненависть къ существующему безначалію и заставила ее ожидать водворенія порядка и общественной безопасности отъ центральной власти. Съ своей стороны, анархія и фронда не могли найти себѣ почвы въ странѣ. При первой же возможности королевская власть приступила къ водворенію общественнаго порядка при помощи мѣръ, суровость которыхъ вполнѣ гармонировала съ нравами эпохи. Всѣ захваченные виновники смуты были преданы смертной казни; до полусотни укрѣпленныхъ замковъ были срыты до основанія. Въ Севильѣ королева лично предсѣдательствовала въ судѣ надъ мятежниками. Вслѣдъ за суровою репрессіей были приняты положительныя мѣры для организаціи общественной безопасности. Королева воспользовалась для этого одною уже ранѣе существовавшею организаціей. Еще начиная съ XI в. кастильскіе города начинаютъ составлять между собою союзы для взаимной защиты — главнымъ образомъ противъ феодаловъ, а при случаѣ и противъ короля. Такіе союзы носили названіе *братствъ* (*hermandad*). По почину Изабеллы всѣ города Кастиліи были объединены въ одно *Священное Братство,* подъ покровительствомъ, то-есть въ сущности подъ контролемъ короны. Для поддер-

жанія безопасности путей сообщенія, для подавленія разбойничества, для обузданія своеволія феодаловъ, Священное Братство должно было содержать полицейскій корпусъ въ 2000 человѣкъ. Священное Братство имѣло свой судъ, похожій на военно-полевой. Между арестомъ и казнью промежутокъ былъ не болѣе трехъ дней. Наказанія были жестокія. „Рубили руки, ноги, плеча, головы безъ всякой пощады, ничѣмъ не маскируя суровости правосудія“, говоритъ одинъ современникъ.

Безпощадная расправа Изабеллы съ своевольными феодалами нанесла рѣшительный ударъ феодальной знати,—ударъ, отъ котораго она уже потомъ никогда не могла оправиться. При содѣйствіи созванныхъ королевою въ 1480 г. кортесовъ ей удалось довершить побѣду королевской власти надъ феодальными привилегіями *грандовъ*. У нихъ было отнято право частной войны, право чеканить свою монету и различныя другія права феодальнаго верховенства Такъ, имъ было запрещено изображать на своихъ гербахъ корону и носить при себѣ обнаженную шпагу; они принуждены были отказаться навсегда отъ употребленія въ своихъ письменныхъ актахъ традиціонныхъ пышныхъ и притязательныхъ формулъ въ родѣ: *Es mi merced, So pena de la mi merced — таково мое изволеніе, подъ страхомъ моей немилости*: подобныя формулы оставались отнынѣ въ качествѣ исключительной привилегіи королевской короны. Расхищенныя знатью при слабомъ предшественникѣ Изабеллы, подъ видомъ различныхъ королевскихъ милостей, королевскія имѣнія было предписано кортесами 1480 г. возвратить коронѣ: мѣра, которая, кромѣ политическаго результата — ослабленія знати — имѣла и немаловажныя финансовыя слѣдствія, такъ какъ, благодаря указанному расхищенію королевскихъ домэновъ, доходы короны упали было до 30.000 дукатовъ въ годъ: доходы многихъ грандовъ во много разъ превосходили эту сумму. Не менѣе рѣшительный ударъ политическому значенію знати былъ нанесенъ тѣмъ, что Изабелла отняла у ней управленіе военно-рыцарскими орденами, сдѣлавъ своего мужа Фердинанда великимъ магистромъ всѣхъ трехъ орденовъ Кастиліи, и добившись отъ папы особой буллы, въ силу которой всѣ три гроссмейстерскія должности навсегда связывались

съ кастильскою короной. Это было новымъ немаловажнымъ придаткомъ къ королевскому авторитету, въ особенности въ виду того, что съ этой поры всѣ доходы орденовъ, болѣе полутораста тысячъ дукатовъ въ годъ, поступали въ распоряженіе короны. Политическая сторона этого факта заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что *связанное съ нимъ улучшеніе королевскихъ финансовъ ставило корону въ болѣе независимое положеніе по отношенію къ кортесамъ*, самый созывъ которыхъ, зависѣвшій отъ королевской воли, обусловливался по большей части нуждами королевской казны (которая въ ту пору не отдѣлялась отъ казны государственной), не говоря уже о томъ могучемъ орудіи, которое королевская власть пріобрѣтала въ правѣ располагать множествомъ почетныхъ и доходныхъ должностей въ орденахъ.

Систематически разрушая политическое значеніе знати, королева не скупилась для нея на различные болѣе или менѣе громкіе титулы и почетныя званія безъ всякаго политическаго значенія. Этими „королевскими милостями“ она старалась привлечь знать ко двору, чѣмъ достигался двойной результатъ: съ одной стороны, увеличивался блескъ трона, съ другой — въ практикѣ придворнаго этикета спѣсивая знать пріучалась мало-по-малу къ покорности и подобострастію, подготовляя тотъ культъ королевской власти, которому предстояло достигнуть своего полнаго развитія нѣсколько позднѣе; по отношенію къ самой аристократіи, конечною цѣлью и результатомъ этой политики было превращеніе полной традиціями политической независимости феодальной знати въ покорную и раболѣпную придворную аристократію. Изабелла и Фердинандъ сломили политическую силу феодальной знати, опираясь отчасти на города. Это не помѣшало, однако, „католическимъ королямъ“ принять мѣры къ усиленію королевской власти также и на счетъ городской автономіи. Какъ выше было замѣчено, еще въ XIV в. городское самоуправленіе было во многихъ мѣстахъ поставлено подъ правительственную опеку при помощи особыхъ королевскихъ чиновниковъ, *коррехидоровъ*. При „католическихъ корольяхъ“ этотъ порядокъ былъ распространенъ на *всѣ* города Кастиліи.

Такимъ образомъ, и дворянство и города, и второй и третій

чинъ, должны были поступиться каждый своими традиціонными вольностями въ пользу растущей королевской власти. Не остался не тронутымъ и первый чинъ, духовенство. „Католическимъ королямъ“ удалось добиться отъ папы, который издавна пользовался правомъ назначенія на всѣ епископскія и другія наиболѣе важныя церковныя должности въ Кастиліи, уступки въ пользу кастильской короны. Именно, въ силу заключеннаго „католическими королями“ конкордата (1482), за кастильской короной было признано *право представленія* кандидатовъ на церковныя вакансіи,— право, которому фактически очень нетрудно было превратиться въ *право назначенія*. Кастильская корона, такимъ образомъ, вступала фактически въ права римской куріи, пріобрѣтая тѣмъ въ свое распоряженіе ту могучую политическую и въ особенности экономическую силу, какую представляла собою кастильская церковь.

Въ концѣ концовъ, стало быть, *всѣ три чина кастильскаго королевства принуждены были поступиться болѣе или менѣе существенною долею своихъ былыхъ „правъ и вольностей“ въ пользу королевской власти.*

Перемѣна эта, естественнымъ образомъ, не могла не отозваться самымъ существеннымъ образомъ и на сословномъ представительствѣ страны, на кортесахъ. Политическое значеніе кастильскихъ кортесовъ, казалось, поднялось со времени вступленія на престолъ Изабеллы, право которой на корону было основано исключительно на рѣшеніи кортесовъ, измѣнившихъ въ пользу Изабеллы свое прежнее постановленіе, которымъ наслѣдницей престола признавалась дочь Генриха IV. При содѣйствіи кортесовъ же удалось королевѣ провести указанныя выше рѣшительныя мѣры противъ вліянія знати и въ пользу королевской власти. Съ своей стороны, представители трехъ сословій въ началѣ новаго царствованія были полны сознаніемъ своего значенія. Отъ новыхъ монарховъ они требовали королевскаго слова и клятвы въ томъ, что не будетъ создано новыхъ должностей. „Отъ имени вашего королевства мы просимъ и протестуемъ противъ“... такъ говорили, обращаясь къ „католическимъ королямъ“, представители трехъ сословій. Эти гордыя рѣчи были, однако, лебединою пѣснью кастильскихъ кортесовъ. Утвердившись на

тронѣ и упрочивши свои финансы, „католическіе короли“ стали созывать кортесы рѣже прежняго. Послѣдніе были, кромѣ того, поставлены въ зависимость отъ короны при посредствѣ новаго орудія королевской власти, такъ называемаго *Королевскаго Совѣта Юстиціи.* Предсѣдателю этого Совѣта, назначаемому короной, принадлежало также и предсѣдательство въ кортесахъ. Подъ конецъ своего царствованія Фердинандъ даже нанесъ серьезный ударъ свободѣ слова въ засѣданіяхъ кортесовъ, обязавъ ихъ сообщать ему о содержаніи происходящихъ въ нихъ преній; до той поры тайна совѣщаній кортесовъ признавалась одною изъ основныхъ привилегій сословнаго представительства и наиболѣе надежною гарантіей противъ давленія со стороны короны.

При Изабеллѣ и Фердинандѣ не только закладываются фактическія основы королевскаго абсолютизма въ Кастиліи, но и дѣлается первая серьезная попытка упрочить его посредствомъ соотвѣтствующей правительственной организаціи. Уже и до „католическихъ королей“ королевской власти не разъ удавалось поднимать свое значеніе до степени абсолютизма, но за этими, такъ сказать, мимолетными вспышками абсолютизма неизмѣнно слѣдовала каждый разъ реакція, низводившая корону до степени иногда жалкаго безсилія. Причина была та, что королевской власти недоставало — ни въ центрѣ, ни въ областяхъ — соотвѣтствующихъ органовъ. При Фердинандѣ и Изабеллѣ была рѣшена, по крайней мѣрѣ, первая половина задачи: организація центральныхъ органовъ королевской власти. До сихъ поръ король былъ окруженъ *Совѣтомъ*, гдѣ главная роль принадлежала знати, занимавшей всѣ высшія должности въ управленіи и въ арміи и передававшей послѣднія изъ рода въ родъ, какъ фамильное достояніе. Слишкомъ очевидно, что такіе совѣтники и исполнители были мало пригодными органами претендовавшей на абсолютизмъ королевской власти. Не рѣшаясь слишкомъ круто повернуть дѣло, „католическіе короли“ прибѣгли къ тому самому средству, которое съ не меньшимъ успѣхомъ столѣтіемъ позднѣе было примѣнено, въ тѣхъ же самыхъ видахъ, „христіаннѣйшими королями“. Способъ этотъ заключался въ томъ, что за грандами были

оставлены прежніе громкіе титулы и сановныя должности *королевскихъ совѣтниковъ, коннетаблей, адмираловъ* и т. д., со всѣми связанными съ этими званіями почетными привилегіями,— дѣйствительныя же функціи перенесены были мало-по-малу на новыхъ, мало замѣтныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ и смѣщаемыхъ королемъ. Это были все „новые люди", не родовитые, не сановные, преимущественно „легрaды", воспитанные на римскомъ правѣ и преданные королевскому абсолютизму и въ теоріи и въ практикѣ. Попрежнему были *коннетабль* и *адмиралъ* — и тотъ и другой важные гранды, — но адмиралъ не командовалъ больше флотомъ, а коннетабль арміей эти функціи находились уже въ рукахъ новыхъ, назначаемыхъ королемъ чиновниковъ. Гранды продолжали съ своими пышными титулами засѣдать въ королевскомъ совѣтѣ, но отъ дѣловой роли въ нихъ они были теперь избавлены особыми королевскими чиновниками, *конфирмадорами*. Въ началѣ царствованія Изабеллы и Фердинанда, гранды составляютъ большинство въ королевскомъ Совѣтѣ; нѣсколько лѣтъ спустя большинство принадлежитъ уже „легрaдамъ". Эти легисты, вышедшіе по большей части изъ средняго городского сословія и пропитанные идеалами абсолютизма, мало-по-малу пріобрѣтаютъ значеніе настоящаго правительственнаго класса. „Католическіе короли,—пишетъ одинъ наблюдательный современникъ,—передали управленіе и судъ въ руки легистовъ, людей, занимающихъ середину между грандами и простолюдинами, и не могущихъ возбудить зависти ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Ихъ исповѣданіе вѣры заключалось въ уваженіи къ законамъ, въ скромности, сдержанности и справедливости; ни искательства, ни взяточничества, ни кумовства, ни расточительности". Эти „скромные люди", это — грядущая сила, это — нарождающаяся армія королевскаго абсолютизма, передъ которой должны будутъ капитулировать всѣ традиціонныя „права и вольности" — сословныя, корпоративныя, феодальныя.

Не послѣдняя роль въ исторіи королевскаго абсолютизма въ Испаніи выпала на долю *инквизиціи*. Учрежденіе это возникло въ Испаніи на почвѣ еврейскаго вопроса. Подъ вліяніемъ періодическихъ избіеній евреевъ, многіе изъ нихъ, страха ради, приняли

христіанство, но по большей части, конечно, чисто внѣшнимъ образомъ, продолжая на дѣлѣ практиковать всѣ обряды іудейскаго вѣроисповѣданія. Противъ этихъ-то „іудействующихъ", противъ этой „великой ереси" XV в. въ Испаніи, и былъ, по настоянію доминиканцевъ, учрежденъ въ 1480 г. первый въ Испаніи инквизиціонный трибуналъ, въ Севильѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя число инквизиціонныхъ трибуналовъ возросло до тринадцати, и во главѣ ихъ поставленъ былъ, по представленію Изабеллы, папою *Великій инквизиторъ Кастиліи и Арагона*, въ лицѣ знаменитаго Торквемады. Уличенныхъ — подозрѣніе считалось, впрочемъ, почти всегда достаточной уликой — въ „іудействующей ереси" подвергали смертной казни чрезъ сожженіе (*auto-da-fe*), а имущество поступало въ пользу королевской казны. Кругъ дѣятельности инквизиціи расширялся съ поразительной быстротой. Направленное первоначально противъ однихъ лишь „іудействующихъ", преслѣдованіе распространилось скоро и на некрещеныхъ евреевъ, въ виду того, что „въ ихъ средѣ находила себѣ пищу превратная моисеевская ересь". Съ завоеваніемъ Гренадскаго халифата (1492), поле дѣятельности инквизиціи получило новое расширеніе: преслѣдованіе было распространено также и на „ересь мусульманскую". Мавры-мусульмане подвергались всяческимъ гоненіямъ, а тѣ, которые страха ради крестились, подпадали ревнивому надзору инквизиціи. Первоначально и въ принципѣ чисто вѣроисповѣдное гоненіе мало-по-малу получило характеръ гоненія противъ всѣхъ инородцевъ, что было какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей въ странѣ, гдѣ католицизмъ такъ тѣсно, органически сросся съ національностью, какъ въ Испаніи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и тотъ своеобразный характеръ и та выдающаяся политическая роль, которую пріобрѣла инквизиція въ Испаніи. Охранительница религіознаго единства и поборница вѣроисповѣдной исключительности, она, въ силу непреоборимой логики вещей, становится здѣсь также охранительницей національнаго единства и поборницей національной исключительности. Здѣсь же слѣдуетъ искать и разгадки той популярности, которою пользовалось въ Испаніи это мрачное учрежденіе.

Уже въ только что отмѣченной чертѣ сказывается *полити-*

ческій характеръ испанской инквизиціи; еще ярче проявляется онъ въ той роли, какую стала играть испанская инквизиція по отношенію къ королевской власти. *Съ самаго же начала своего существованія она становится могучимъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ короны.* Всѣ инквизиторы, не исключая и „великаго", назначались короной: они были ея креатуры, ея прямые агенты. Въ дѣятельности инквизиціи корона была заинтересована уже тѣмъ, что конфискованныя имущества осужденныхъ поступали въ королевскую казну. Еще важнѣе было то обстоятельство, что судомъ инквизиціи, столько же безконтрольнымъ, сколько и произвольнымъ—онъ былъ лишенъ всякихъ юридическихъ гарантій для подсудимаго и былъ безусловно секретнымъ—„католическіе короли" и ихъ преемники стали пользоваться, какъ средствомъ для подавленія всякой оппозиціи, которую трудно или неудобно было сломить инымъ путемъ. Всякій неугодный королю человѣкъ, противъ котораго неудобно было дѣйствовать открыто, могъ быть легко уничтоженъ при помощи услужливой инквизиціи. Инквизиція въ Испаніи являлась драгоцѣннымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ орудіемъ въ рукахъ королевской власти еще потому, что инквизиція была единственнымъ трибуналомъ, для котораго не было никакихъ преградъ—ни въ областныхъ привилегіяхъ, ни въ привилегіяхъ сословныхъ или корпоративныхъ.

II.

Въ продолжительное царствованіе Карла I (1516—1556), болѣе извѣстнаго въ исторіи въ качествѣ императора Карла V, *абсолютная монархія окончательно упрочивается въ Испаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно устанавливаются тѣ характерныя черты испанско-габсбургскаго абсолютизма, съ которыми мы встрѣчаемся и въ слѣдующее царствованіе* (Филиппа II), представляющее собою кульминаціонную точку развитія абсолютной монархіи въ Испаніи. Именно *при Карлѣ испанскій абсолютизмъ пріобрѣтаетъ, съ одной стороны, тѣ притязанія на міровую гегемонію,*

съ которыми мы встрѣчаемся и въ слѣдующее царствованіе,—съ другой стороны—*онъ получаетъ ту яркую вѣроисповѣдную окраску, которой слѣдующее царствованіе придало еще болѣе яркій оттѣнокъ*. И та и другая изъ этихъ чертъ были, какъ припомнимъ, совершенно чужды итальянскому абсолютизму.

Царствованіе Карла дебютировало открытымъ столкновеніемъ между короной и кортесами,—столкновеніемъ, которое разрѣшилось въ настоящее возстаніе кастильскихъ городовъ. Результатомъ того и другого было—дальнѣйшее ограниченіе, какъ политическаго значенія кортесовъ, такъ и городской автономіи.

Столкновеніе Карла съ кортесами произошло столько же на почвѣ сословныхъ привилегій, сколько на почвѣ національнаго чувства. Дѣло въ томъ, что Карлъ былъ въ глазахъ испанцевъ чужестранцемъ, и уже одно это обстоятельство предрасполагало не въ пользу юнаго монарха привыкшихъ къ своимъ туземнымъ, національнымъ королямъ испанцевъ. Дѣйствительно, за исключеніемъ той части испанской крови, которую Карлъ получилъ отъ своей матери, Іоанны Безумной (дочери Изабеллы), въ немъ не было ничего испанскаго. Родиною его была Бельгія, Брюссель, гдѣ онъ и родился и провелъ свое дѣтство и получилъ воспитаніе, въ которомъ всего менѣе было испанскаго.

Въ 1506 г. умеръ Филиппъ Красивый, соединявшій въ своихъ рукахъ двѣ короны: Бургундскую—по своей матери (съ 1482 г.) и Кастильскую—по своей женѣ (съ 1504 г.); его шестилѣтній сынъ Карлъ сдѣлался наслѣдникомъ обоихъ владѣній. Но и послѣ того, что въ 1507 г. Карлъ былъ офиціально провозглашенъ королемъ Кастиліи, его воспитатели такъ мало думали о внесеніи соотвѣтствующаго элемента въ воспитаніе подростающаго будущаго повелителя Испаніи, что когда, въ 1517 г., Карлъ явился въ Испанію, для того чтобы занять престолъ Изабеллы и Фердинанда, то ему пришлось объясняться со своими новыми подданными при посредствѣ переводчиковъ.

Окружавшіе Карла фламандцы и бургундцы точно нарочно дѣлали все, для того чтобы усилить предвзятую непопулярность

юнаго государя въ Испаніи. Титулъ „короля Кастиліи“, который послалъ Карлъ съ семилѣтняго возраста, безъ вѣдома и согласія кастильскихъ кортесовъ, являлся живымъ свидѣтельствомъ того, какъ мало могли въ Испаніи разсчитывать на уваженіе къ своимъ національнымъ традиціямъ со стороны этого короля-иноземца, не спѣшившаго вдобавокъ показаться своимъ новымъ подданнымъ. Фердинандъ умеръ въ январѣ 1516 г.; лишь въ сентябрѣ слѣдующаго года прибылъ Карлъ въ Испанію. Въ январѣ 1518 г. были созваны кастильскіе кортесы въ Вальядолидѣ. Нужно было вотировать субсидіи и санкціонировать титулъ „короля Кастиліи“. Въ послѣднемъ Карлъ и его фламандско-бургундскіе совѣтники видѣли одну пустую формальность. На этой почвѣ и возникло первое столкновеніе между молодымъ королемъ и національно-сословнымъ представительствомъ. Хотя фактически кастильская корона была издавна наслѣдственною, тѣмъ не менѣе кортесы крайне дорожили своимъ традиціоннымъ правомъ „признанія“ всякаго новаго монарха, — правомъ, которое давало имъ случай высказать отъ лица страны различныя жалобы и пожеланія и заручиться торжественнымъ подтвержденіемъ своихъ исконныхъ „правъ и вольностей“. Въ концѣ концовъ Карлъ нашелъ себя вынужденнымъ уступить передъ настойчивостью кортесовъ и въ торжественномъ засѣданіи 5 февраля прочелъ предложенный ему текстъ присяги: поддерживать привилегіи и вольности городовъ, охранять законы и обычаи страны, не допускать иноземцевъ до правительственныхъ должностей и т. д. Дальнѣйшій образъ дѣйствій Карла показалъ, что на эту присягу онъ смотрѣлъ, дѣйствительно, какъ на пустую формальность, какъ на церемонію, которая ни къ чему не обязывала, но на которую надо было согласиться для того, чтобы поскорѣе добиться отъ кортесовъ вотированія субсидій, что и было достигнуто.

Кастильскіе кортесы были, однако, самыми тихими и покорными изъ всѣхъ испанскихъ кортесовъ; Карлъ и его фламандско-бургундскіе совѣтники не замедлили убѣдиться въ этомъ, какъ только изъ Вальядолида передвинулись въ столицу Арагона, Сарагоссу, гдѣ собрались въ это время арагонскіе кортесы. Послѣдніе начали съ того, что наотрѣзъ отказались признать за Карломъ

титулъ короля Арагонскаго при жизни матери. Цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ пришлось провести Карлу въ Сарагоссѣ, чтобы въ концѣ концовъ добиться отъ кортесовъ признанія своего королевскаго титула и вотированія субсидій; послѣднія были, впрочемъ, вотированы въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, что не покрывали расходовъ на это принудительное восьмимѣсячное пребываніе двора въ столицѣ Арагона.

Каталонія продолжала также сохранять свое особое сословное представительство. Пришлось поэтому считаться и съ каталонскими кортесами, которые вслѣдъ за арагонскими собрались въ столицѣ Каталоніи, Барцелонѣ. На предложеніе вотировать субсидіи сословія Каталоніи отвѣтили королю длиннымъ спискомъ жалобъ. Пришлось пробиться Карлу цѣлый годъ съ неподатливыми кортесами для того, чтобы добиться еще болѣе скромнаго результата, чѣмъ въ Арагонѣ. Теперь предстояло еще имѣть дѣло съ кортесами Валенціи. Между тѣмъ въ Барцелонѣ Карлъ получилъ давно желанную вѣсть объ избраніи его императоромъ. Спѣша въ Германію, Карлъ счелъ возможнымъ обойтись безъ личнаго своего присутствія на кортесахъ Валенціи, которымъ онъ прислалъ, въ качествѣ своего представителя, одного изъ своихъ фламандскихъ совѣтниковъ, кардинала Адріана Утрехтскаго. Это вызвало бурные протесты въ особенности со стороны мѣстнаго дворянства. Дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній, едва не разыгравшихся въ настоящую междоусобную войну, такъ какъ въ своемъ безсиліи, Адріанъ не видѣлъ для себя иного спасенія, какъ въ томъ, чтобы раздуть пламя междусословнаго антагонизма въ Валенціи и вооружить городской пролетаріатъ противъ „кавалеровъ“, то-есть дворянъ и зажиточныхъ буржуа.

Между тѣмъ и въ Кастиліи Карлу, по пути въ Германію, пришлось на каждомъ шагу встрѣчать признаки броженія и нескрываемаго недовольства, предметомъ котораго былъ онъ самъ. Въ Испаніи, и въ особенности въ Кастиліи, были рѣшительно недовольны тѣмъ, отъ чего Карлъ былъ въ восторгѣ, т. е. его избраніемъ въ императоры. Здѣсь предпочли бы имѣть своего, національнаго государя, а не того космополитическаго монарха, въ какого — какъ опасались и опасались совершенно основательно, какъ показало бу-

дущее—обѣщалъ превратиться Карлъ-императоръ. Еще въ то время, когда испанцы послали въ Брюссель депутацію къ Карлу, прося его о скорѣйшемъ прибытіи въ Испанію, они высказывали, какъ свое задушевное желаніе. чтобы „онъ сдѣлалъ Испанію владычицей надъ многими землями, для того чтобы Испанія, въ свою очередь, сдѣлала его владыкою міра“. Съ превращеніемъ Карла въ императора, Испанія, вмѣсто того чтобы стать „владычицей міра“, не рискуетъ ли снизойти на степень одной изъ окраинъ той великой космополитической державы, которая соединялась теперь подъ скипетромъ Карла?

Теперь отъ имени кастильскихъ городовъ была подана Карлу петиція, въ которой заключались три пожеланія: чтобы Карлъ не покидалъ Кастиліи; чтобы былъ положенъ конецъ вывоза золота за-границу, и чтобы иностранцы были удалены отъ правительственныхъ должностей. Петиція была оставлена безъ послѣдствій. Карлъ продолжалъ свой путь на сѣверѣ и созвалъ кастильскіе кортесы въ Сантъ-Яго, на самой окраинѣ королевства, невдалекѣ отъ порта Коруньи, гдѣ онъ разсчитывалъ сѣсть на корабль для отплытія въ Германію. Въ этотъ портовый городъ были потомъ переведены и кортесы изъ Сантъ-Яго. Послѣднимъ было предложено немедленно вотировать необходимыя для путевыхъ издержекъ короля-императора субсидіи. Требованіе это было незаконно, такъ какъ еще не истекъ трехлѣтній срокъ предыдущихъ субсидій, вотированныхъ вальядолидскими кортесами. И кортесы отказали въ субсидіи, тѣмъ болѣе, что, по ихъ мнѣнію, предполагаемый отъѣздъ Карла былъ противенъ основнымъ законамъ Кастиліи, воспрещавшимъ королю покидать страну. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлу былъ представленъ длинный списокъ жалобъ и ходатайствъ, воспроизволившихъ по большей части прежнія пожеланія: чтобы иностранцы не допускались къ государственнымъ должностямъ, чтобы были прекращены на будущее время и явные и замаскированные подкупы депутатовъ правительствомъ и т. д. Въ концѣ концовъ Карлъ не нашелъ иныхъ способовъ сломить жестоковыйность кортесовъ, какъ прибѣгнувъ частью къ подкупамъ, частью къ явному насилію (нѣкоторые изъ наиболѣе оппозиціонныхъ депутатовъ были насильно удалены изъ залы), для

того, чтобы склепить кое-какъ послушное большинство, которое и вотировало требуемыя субсидіи, наперекоръ категорическимъ наказамъ своихъ избирателей, за что большинству этихъ депутатовъ пришлось потомъ дорого поплатиться.

Получивъ деньги, Карлъ отплылъ въ Германію (въ маѣ 1520 г.), оставивъ въ Испаніи, въ качествѣ своего намѣстника, Адріана Утрехтскаго, то-есть иноземца. И это—послѣ того всеобщаго раздраженія, которое успѣли уже вызвать противъ себя ватагой нахлынувшіе въ Испанію вслѣдъ за Карломъ фламандцы и бургундцы, плотною стѣной окружавшіе короля и систематически эксплуатировавшіе страну,—не говоря уже о томъ, что было обиднаго въ этомъ положеніи дѣла для національной гордости испанцевъ. Это было уже слишкомъ, и долго сдерживаемое раздраженіе вырвалось, наконецъ, наружу. Началось такъ называемое *возстаніе коммунеровъ* Кастиліи.

Движеніе началось въ городахъ. Первыми жертвами были возвратившіеся изъ Коруньи депутаты, вотировавшіе субсидіи вопреки категорическимъ наказамъ своихъ избирателей; немногіе изъ нихъ спасли свою жизнь бѣгствомъ, другіе подверглись жестокой расправѣ со стороны разъяреннаго народа. Въ нѣкоторыхъ городахъ народная ярость обрушилась также на непопулярныхъ „коррехидоровъ“. Но послѣдніе, какъ и депутаты, были въ сущности лишь козлищами отпущенія за грѣхи „дурныхъ министровъ“, какъ называлъ народъ окружавшихъ Карла совѣтниковъ-иноземцевъ. Движеніе, дѣйствительно, было направлено не столько противъ короны, не столько даже лично противъ Карла, сколько именно противъ его иноземныхъ совѣтниковъ, которымъ народный голосъ приписывалъ все, что было въ дѣйствіяхъ правительства наиболѣе непопулярнаго. „Да здравствуетъ король и—смерть дурнымъ министрамъ!“—таковъ былъ бранный кличъ возставшихъ „коммунеровъ“. Вскорѣ повстанцы овладѣли городомъ Тордезильей, гдѣ находилась королева Іоанна (мать Карла), отъ которой имъ нетрудно было добиться принятія движенія подъ свое покровительство. Около нея образовалось импровизированное правительство изъ депутатовъ возставшихъ городовъ, подъ именемъ „священнаго союза“. У послѣд-

няго явилась и организованная армія, составившаяся изъ присланныхъ отдѣльными городами отрядовъ. „Коммунеры“ были хозяевами Кастиліи. Правительство Карла, въ лицѣ испанскаго намѣстника, кардинала Адріана, было въ совершенно безпомощномъ положеніи. Изъ этого состоянія безпомощности позаботились его вывести прежде всего сами же „коммунеры“. Изъ Тордезильи „священный союзъ“ отправилъ къ Карлу, въ Германію, депутацію съ робкимъ ходатайствомъ объ удовлетвореніи тѣхъ петицій, которыя ему были безуспѣшно представлены послѣдними кортесами въ Сантъ-Яго и въ Коруньѣ. Недальновидность „коммунеровъ“ проявилась въ особенности въ томъ, что они не съумѣли воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ дворянства. Послѣднее первоначально держалось въ сторонѣ отъ движенія, которому, быть можетъ, даже сочувствовало, такъ какъ вполнѣ раздѣляло отрицательное отношеніе коммунеровъ къ „дурнымъ министрамъ“. Враждебныя дѣйствія коммунеровъ противъ дворянства были какъ нельзя болѣе на руку Карлу. Теперь онъ могъ не церемониться съ ними. Изъ явившихся къ нему въ Вормсъ депутатовъ „священнаго союза“ одинъ былъ брошенъ въ тюрьму, другой только бѣгствомъ спасся отъ ожидавшей его висѣлицы. Послѣ того, что случилось, Карлу не стоило особеннаго труда привлечь на свою сторону кастильское дворянство, для того, чтобы направить его силы противъ возставшихъ городовъ. *Вначалѣ національное движеніе противъ иноземнаго деспотизма превратилось, такимъ образомъ, въ самоубійственную рѣзню между двумя сословіями.* Въ концѣ концовъ коммунеры потерпѣли рѣшительное пораженіе въ кровопролитной битвѣ при Вильяларѣ (23 апрѣля 1521 г.) отъ соединенныхъ королевскихъ войскъ и дворянскаго ополченія.

Это была побѣда дворянства надъ горожанами, но еще въ большей, быть можетъ, степени—*побѣда космополитическаго абсолютизма надъ національными вольностями Кастиліи.* День 23 апрѣля 1521 г. отмѣчаетъ собою важную дату въ исторіи Кастиліи, а слѣдовательно, и всей Испаніи: онъ отмѣчаетъ собою *окончательное торжество абсолютной монархіи надъ послѣдними остатками сословно-представительныхъ*

учрежденій страны. Кортесы Кастиліи, правда, не были уничтожены, но у нихъ былъ отнятъ характеръ обще-сословнаго представительства, такъ какъ они были, такъ сказать, урѣзаны и превратились въ *однословную депутацію городовъ*, да и то не всѣхъ, а лишь незначительной части ихъ. Къ тому же и это урѣзанное однословное представительство подверглось существенному искаженію съ тѣхъ поръ, какъ послѣ вильяларскаго погрома *дворянство успѣло и въ городахъ создать себѣ преобладающее положеніе.* Это явствуетъ уже изъ того характернаго факта, что въ качествѣ депутатовъ отъ городовъ въ кортесы являются сплошь да рядомъ, иногда даже въ большинствѣ—дворяне. Такимъ образомъ, и это, казалось бы, спеціально городское представительство фактически перестало представлять городское сословіе и его интересы. Легко понять, къ чему сводилось при такомъ положеніи дѣлъ важнѣйшее право кортесовъ—право вотированія субсидій: *субсидіи эти вотировались депутатами-дворянами, которые, въ силу своихъ сословныхъ привилегій, пользовались свободой отъ податей.* Легко видѣть также, насколько мало неудобствъ представляли для королевской власти такіе кортесы.

Выше было замѣчено, что при Карлѣ V абсолютная монархія въ Испаніи пріобрѣтаетъ нѣкоторую *вѣроисповѣдную окраску.* Въ этомъ отношеніи Карлъ V является настоящимъ предшественникомъ Филиппа II. Реформація въ Германіи рѣзко выдвинула вѣроисповѣдный вопросъ. Карлъ, какъ извѣстно, сразу сталъ рѣшительно на защиту католической церкви противъ „лютеровой ереси". *Съ тѣхъ поръ тѣсный союзъ между королевскою властью и католическимъ правовѣріемъ дѣлается неизмѣнной традиціей въ фамиліи Габсбурговъ* какъ въ Германіи, такъ и въ Испаніи.

Въ Испаніи Карлъ нашелъ для своей политики вѣроисповѣдной исключительности вполнѣ благопріятную почву—въ католическомъ фанатизмѣ населенія, воспитанномъ цѣлыми вѣками непрерывной борьбы съ „невѣрными". Здѣсь къ услугамъ такой политики было налицо и вполнѣ готовое орудіе—въ лицѣ инквизиціи. Вызванное въ жизни борьбою съ

невѣрными, учрежденіе это какъ разъ пригодилось теперь для искорененія новой „германской ереси“, которая, не смотря на исконную приверженность массъ къ католичеству, и здѣсь находила себѣ послѣдователей. *Карлъ не только поощрялъ дѣятельность испанской инквизиціи, но и расширилъ еще ея компетенціи.* Такъ, въ 1521 г. ей была передана цензура надъ всѣми печатными произведеніями не только религіознаго, но и свѣтскаго содержанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, простое обладаніе всякой запрещенной книгой объявлялось преступленіемъ, влекущимъ за собой смертную казнь по приговору инквизиціи. Въ своемъ завѣщаніи, въ своихъ наставленіяхъ сыну и преемнику, будущему Филиппу II, Карлъ особенно настаиваетъ на необходимости всячески поддерживать и защищать католическую вѣру, рекомендуя ему, какъ наилучшее средство къ тому, истребленіе еретиковъ. Ниже мы увидимъ, насколько близко къ сердцу принялъ эти отеческіе совѣты сынъ и преемникъ Карла V на испанскомъ престолѣ.

Что касается притязаній на міровую гегемонію, которыя принесъ съ собою Карлъ на тронъ Испаніи, то они перешли цѣликомъ и къ его преемникамъ и надолго сдѣлались не только династическою, но и національною традиціей, надолго переживъ дѣйствительную мощь Испаніи.

И въ этомъ случаѣ Карлъ точно также нашелъ какъ нельзя болѣе благопріятную почву въ характерѣ и настроеніи самой націи, которой и до того, какъ мы видѣли, были не чужды мечты о томъ, чтобы „Карлъ сдѣлалъ Испанію владычицей надъ многими землями, для того, чтобы Испанія могла его сдѣлать владыкою міра“. Испанцы только ошиблись насчетъ той роли, которую предстояло играть ихъ родинѣ въ міровой политикѣ ихъ новаго монарха. О центральной роли Испаніи въ этой космополитической политикѣ не могло быть и рѣчи. Испанскія дѣла, во всякомъ случаѣ, не занимали перваго мѣста среди заботъ Карла, который и большую часть своего царствованія провелъ внѣ Испаніи, а именно въ Германіи, гдѣ и лежалъ собственно центръ тяжести его политики. Испанія, въ частности Кастилія, интересовала

его главнымъ образомъ, какъ одна изъ наиболѣе аккуратныхъ поставщицъ денегъ для его казны и солдатъ для его арміи, а въ тѣхъ и другихъ одинаково нуждался король-императоръ въ теченіе всего своего продолжительнаго царствованія. Испанія, въ его міровой политикѣ, была скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью. Политика Карла была всего менѣе испанская политика. *Это была космополитическая, міровая политика, въ основѣ которой лежала мечта о возстановленіи міровой имперіи Карла Великаго.*

Политика эта подсказывалась, впрочемъ, не столько личными воззрѣніями и личнымъ настроеніемъ Карла, сколько самою силою вещей. А сила вещей эта слагалась изъ двухъ капитальныхъ фактовъ. Первый фактъ, это—то, что монархія Карла съ самаго начала имѣла космополическій и до извѣстной степени міровой характеръ. Другой фактъ, это — пріобщеніе Карла къ „священной имперіи“, въ основѣ которой лежала идея всемірной монархіи.

Въ самомъ дѣлѣ, соединившіяся подъ скипетромъ Карла, еще до избранія его въ императоры, владѣнія кастильской, арагонской и бургундской коронъ состояли изъ многочисленныхъ болѣе или менѣе крупныхъ территоріальныхъ и національныхъ тѣлъ, взаимно другъ другу чуждыхъ, разобщенныхъ какъ географически, такъ и этнографически и даже политически, и единственною общею связью между ними была личность монарха. Почти весь Пиренейскій полуостровъ (за исключеніемъ Португаліи), южная половина Апеннинскаго съ о. Сициліей и Сардиніей, Нидерланды и Бургундія — въ Европѣ, и огромныя, еще не измѣренныя, новооткрытыя земли за океаномъ (Америка) — все это входило въ составъ той гигантской космополитической державы, въ которой въ буквальномъ смыслѣ „никогда не заходило солнце“. Стало быть, еще до пріобрѣтенія Карломъ императорской короны, его монархія представляла черты космополитическаго и мірового характера, съ чѣмъ, къ тому же, какъ нельзя лучше гармонировалъ такой же космополитическій характеръ самого Карла, въ жилахъ котораго текла смѣшанная кровь— кастильская и арагонская по матери, бургундская и габсбургская по

отцу. Это фактическое положеніе вещей нашло себѣ идейное, а отчасти и правовое подкрѣпленіе, когда къ Карлу перешла корона „священной римской имперіи“ съ связанными съ нею широкими правами и еще болѣе широкими притязаніями на міровое владычество.

Отсюда — эта притязательная и размашистая политика мегаломаніи, имѣвшая своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ нескончаемыя и разорительныя войны (главнымъ образомъ съ Франціей); войны же эти, вмѣстѣ съ борьбою противъ реформаціи въ Германіи и Нидерландахъ, какъ и въ самой Испаніи, поглощаютъ, можно сказать, все вниманіе и всю дѣятельность Карла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и — всѣ его средства. Отсюда — еще одна черта, которая, съ легкой руки Карла, становится въ число традиціонныхъ неизмѣнныхъ аттрибутовъ испанско-габсбургскаго абсолютизма, это — его *фискальность*.

Война была настоящею бездонною пропастью, куда безслѣдно уходили всѣ деньги, едва успѣвъ поступить въ императорскую казну. Этотъ могущественнѣйшій изъ монарховъ, обладатель имперіи „въ которой никогда не заходило солнце“, оказывается вѣчно въ нуждѣ, вѣчно въ долгахъ и вѣчно въ поискахъ за деньгами. Въ посланіи своемъ къ кастильскимъ кортесамъ въ 1538 г. Карлъ жалуется на то, что „расходы правительства такъ велики, что на покрытіе ихъ не хватаетъ королевскихъ доходовъ съ Испаніи и съ другихъ странъ, ни чрезвычайныхъ поступленій, ни доброходныхъ жертвъ св. отца (папы), такъ что оказалось необходимымъ распродать или отдать въ аренду значительную часть коронныхъ имѣній и податныхъ статей, и всего этого оказывается все-таки недостаточнымъ: задолженность и невозможность выплатить долги обусловливаетъ необходимость уплачивать проценты по нимъ, которые возрастаютъ вмѣстѣ съ долгами къ великому ущербу казны. Если даже продать и заложить всѣ еще остающіяся свободными доходныя статьи, то и этого все же не будетъ достаточно. Вамъ должно быть извѣстно, что коронныя имѣнія и доходы отъ податей сократились до такой степени, что того, что остается, не только не хватаетъ на покрытіе различныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, но даже и на еже-

дневныя издержки по содержанію двора, министровъ, гвардіи“ и т. д. Такъ описываетъ свое финансовое положеніе могущественнѣйшій монархъ въ свѣтѣ. Что оно не улучшилось со временемъ, это можно видѣть изъ того, что нѣсколько лѣтъ спустя (1550) состояніе финансовъ Карла представляется въ такомъ видѣ: изъ 820.000 дукатовъ обыкновенныхъ доходовъ съ Кастиліи 800.000 оказывается заложеннымъ кредиторамъ короны; изъ 800.000 дукатовъ доходовъ съ Неаполя и Сициліи — заложено 700.000 и 400.000 дукатовъ съ Милана—заложены цѣликомъ (Baumgarten).

Къ войнамъ, въ качествѣ другого источника хронической финансовой анеміи, слѣдуетъ прибавить также *непомѣрно возрастающіе расходы на содержаніе королевскаго двора.* Въ началѣ царствованія инсуррекціонный „священный союзъ“, между прочимъ, жаловался на то, что на содержаніе одного лишь королевскаго стола тратится ежедневно до полутораста тысячъ мараведи, между тѣмъ какъ Фердинандъ и Изабелла довольствовались двѣнадцатью-пятнадцатью тысячами. Эти жалобы отнюдь, впрочемъ, не остановили быстрой прогрессіи придворныхъ расходовъ. Въ 1536 г. расходы на императорскій столъ достигали до 216.000 дукатовъ въ годъ или до 220.000 мараведи въ день.

Тяжесть фискальнаго бремени падала, главнымъ образомъ, на Кастилію, благодаря тому, что королевскія требованія не встрѣчали здѣсь серьезнаго сопротивленія, послѣ того, что сословно-представительныя учрежденія потеряли здѣсь значеніе сдержекъ противъ королевскаго произвола.

Тяжесть этой фискальности для страны сказывалась не только въ прогрессивномъ ростѣ абсолютныхъ размѣровъ податного бремени, но также и вообще во внутренней политикѣ правительства, въ особенности въ Кастиліи. Такъ, одною изъ язвъ, подтачивавшихъ въ корнѣ благосостояніе народа, было постоянное возрастаніе церковнаго землевладѣнія, отзывавшагося крайне неблагопріятно на земледѣліи, главномъ источникѣ народнаго богатства. И дѣйствительно, кортесы, какъ нимало они выражали интересы страны, не перестаютъ указывать въ своихъ жалобахъ на это растущее національное бѣдствіе. Но правительство Карла остается глухо къ этимъ

жалобамъ. Глухо остается оно потому, что для королевскаго фиска было выгодно прогрессивное расширеніе церковнаго домена, такъ какъ корона сама пользовалась значительною частью церковныхъ доходовъ, въ видѣ ли регулярныхъ сборовъ, въ видѣ ли чрезвычайныхъ поступленій. А что такой порядокъ вещей могъ быть пагубенъ для народнаго благосостоянія, это былъ другой вопросъ, который во всякомъ случаѣ долженъ былъ отступить передъ „государственнымъ интересомъ", а „государственный интересъ" совпадалъ для Карла съ интересами его міровой политики. *Этой міровой политикѣ Карлъ безжалостно приносилъ въ жертву благосостояніе Испаніи.* Всего печальнѣе для Испаніи было то, что политикѣ этой предстояло сдѣлаться какъ бы неизмѣнною фамильною традиціей Габсбургской династіи.

III.

Абсолютизмъ Карла V былъ по преимуществу *космополитическій*; абсолютизмъ Филиппа II (1556—1598) носитъ, напротивъ, вполнѣ *національный*, испанскій отпечатокъ, какъ и самъ Филиппъ, въ противоположность своему отцу-космополиту, является истымъ испанцемъ и въ полномъ смыслѣ національнымъ испанскимъ королемъ. Съ отпаденіемъ отъ испанской короны ея временнаго придатка въ видѣ „священной имперіи" (1556), Испанія становится настоящимъ центромъ монархіи, какъ Кастилія, въ свою очередь—была и остается—центромъ Испаніи, и испанскій король есть прежде всего—кастильскій король. Если Карлъ лишь наѣздомъ показывался въ Испаніи, гдѣ не имѣлъ даже опредѣленной резиденціи, проживая то въ Толедо, то въ Вальядолидѣ, то въ Сантъ-Яго, въ Сарагоссѣ, въ Барцелонѣ,—то Филиппъ, напротивъ, не покидаетъ Испаніи, гдѣ онъ и родился и выросъ, во все свое продолжительное царствованіе, и Мадридъ, въ центрѣ Кастиліи, становится при немъ постоянною резиденціею двора и правительства и стало быть—столицею Испаніи, одно время даже столицею всего Пиренейскаго полуострова (1581—1640), когда Португалія была соединена съ Испаніей.

Но, за исключеніемъ отмѣченнаго, правда, довольно существеннаго различія, *во всемъ остальномъ Филиппъ II является прямымъ продолжателемъ своего отца.*

Королевскій абсолютизмъ дѣлаетъ при немъ новый шагъ впередъ и достигаетъ своего апогея.

Въ противоположность Карлу, который въ Испаніи только царствовалъ, но не управлялъ, предоставляя дѣло управленія своимъ намѣстникамъ и министрамъ,—Филиппъ не только *царствуетъ*, но и *правитъ*, не только *правитъ*, но и *управляетъ*, всюду внося свой личный починъ и свою властную волю, не упуская изъ виду даже мелочей. Филиппъ могъ съ полнымъ правомъ сказать про себя, что онъ былъ самъ своимъ первымъ министромъ. У него, дѣйствительно, не только не было перваго министра, но не было, собственно говоря, и министровъ, а были лишь секретари, которымъ онъ диктовалъ свои рѣшенія. *Это былъ личный абсолютизмъ, доведенный до своихъ геркулесовыхъ столбовъ.* „Работа, которую онъ себѣ задавалъ, невѣроятна... Отправляясь изъ Мадрида, онъ везъ съ собою вороха бумагъ; онъ читалъ и дѣлалъ замѣтки, даже сидя въ походномъ креслѣ, въ которомъ онъ путешествовалъ. Вдали отъ двора, онъ всецѣло отдавался этой страсти къ работѣ, дѣлающей ему честь и составлявшей, можно сказать, его постоянную слабость... Онъ безъ устали читаетъ, пишетъ, отдаетъ распоряженія, издаетъ правила. Если онъ ѣдетъ въ Прадо или въ Эскуріалъ, то вовсе не для того, чтобы отдохнуть отъ дѣлъ, а для того, чтобы продолжать и здѣсь работать вдали отъ придворныхъ празднествъ и удовольствій, отъ обязанностей этикета, въ деревенской тишинѣ. Онъ интересуется не цѣлымъ только, но и деталями. Онъ знаетъ поименно всѣхъ видныхъ людей въ каждомъ городѣ; онъ знаетъ, какой клирикъ годится для занятія открывшейся церковной ваканціи; онъ держитъ въ своей головѣ каталогъ людей и вещей своей имперіи“ (Mariéjol).

Что касается кастильскихъ кортесовъ, то Филиппъ оставилъ ихъ въ томъ видѣ, какъ ихъ унаслѣдовалъ отъ своего отца: они, какъ мы видѣли, уже давно потеряли всякое политическое значеніе. Что касается кортесовъ арагонскихъ, то при Карлѣ они сохранили

свою исконную „конституцію“, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ. Филиппъ, скрѣпя сердце, тоже терпѣлъ первое время традиціонныя арагонскія „вольности“ (fueros), но въ концѣ концовъ не выдержалъ. Одною изъ исконныхъ вольностей Арагона былъ независимый отъ короны судъ, въ лицѣ несмѣняемаго *верховнаго судьи* (*justicia mayor*). Разъ Филиппу пришлось столкнуться съ этимъ независимымъ судомъ. Насиліе, къ которому прибѣгнулъ по этому случаю король, вызвало въ странѣ вспышку возстанія, быстро, впрочемъ, затушенную. Этимъ случаемъ и воспользовался Филиппъ для того, чтобы покончить разъ навсегда съ послѣдними остатками арагонскихъ вольностей. Верховный судья былъ лишенъ своего прежняго значенія, превратившись въ простого королевскаго чиновника, королемъ назначаемаго и по его мановенію смѣщаемаго. Политическое значеніе арагонскихъ кортесовъ было урѣзано. Коронѣ было предоставлено широкое вліяніе на выборъ депутатовъ. Необходимость личнаго присутствія короля при открытіи кортесовъ отмѣнялась. Назначаемый короной вице-король Арагона могъ быть отнынѣ и не арагонцемъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, возлѣ Сарагоссы, столицы Арагона, была воздвигнута цитадель, куда помѣщенъ кастильскій гарнизонъ. *Отнынѣ Арагонъ становился такимъ же доменомъ королевскаго абсолютизма, какимъ уже давно была Кастилія.*

Завѣщанный Карломъ V *католико-вѣроисповѣдный характеръ* испанскаго абсолютизма получилъ, какъ уже было замѣчено, еще болѣе яркую окраску при Филиппѣ II. *Объясняется это не только—и даже, быть можетъ, не столько—личными воззрѣніями и настроеніемъ Филиппа, сколько характеромъ историческаго момента.* Это былъ разгаръ такъ называемой *католической реакціи.*

Это была эпоха высшаго подъема католическаго духа и крайняго напряженія всѣхъ силъ воинствующаго католицизма, ополчившагося на борьбу не на животъ, а на смерть противъ протестантской реформаціи во всѣхъ ея видахъ и формахъ. *Этотъ воинствующій католицизмъ нашелъ себѣ блестящее и наиболѣе полное выраженіе въ Филиппѣ II, личный характеръ и*

настроеніе котораго какъ нельзя лучше гармонировали съ этимъ „духомъ времени“, который, въ свою очередь, совершенно совпадалъ съ фанатически-католическимъ настроеніемъ испанскаго народа.

Начало царствованія Филиппа ознаменовалось открытіемъ протестантской ереси въ Севильѣ, которая долгое время ускользала отъ бдительности инквизиціи, благодаря осторожности протестантовъ. Послѣдовали массовые аресты. Папа прислалъ великому инквизитору буллу, въ которой рекомендовалъ „предать въ свѣтскія руки“ (т. е. казнить) всѣхъ еретиковъ, не исключая и тѣхъ, которые отрекутся отъ ереси,—въ случаѣ, если отреченіе это будетъ „не отъ всего сердца и не отъ чистаго движенія совѣсти“. 21 мая 1559 г. имѣло мѣсто первое въ новое царствованіе *auto-da-fe*, въ Вальядолидѣ. Изъ тридцати „преданныхъ въ руки свѣтской власти“ еретиковъ шестнадцать были отведены въ тюрьму на вѣчное заключеніе, остальные—преданы сожженію на кострѣ, въ присутствіи короля, двора и двухсотъ-тысячной толпы народа. Передаютъ, что одинъ изъ осужденныхъ, проходя мимо короля, воскликнулъ съ упрекомъ: „Зачѣмъ отправляете вы меня на костеръ?“—„Если бы,—отвѣчалъ Филиппъ,—мой собственный сынъ оказался такимъ же нечестивцемъ, какъ ты, то я первый бы принесъ дровъ на его костеръ“.

Съ тѣхъ поръ костры не переставали зажигаться то тамъ, то сямъ, подъ скипетромъ „католическаго короля“, *ad majorem Dei gloriam*. До какой степени, однако, это религіозное изувѣрство было въ духѣ времени и въ духѣ самой націи, объ этомъ можно судить по той популярности, какою пользовались въ Испаніи *аутода-фе*, сдѣлавшіеся любимѣйшимъ народнымъ зрѣлищемъ, можно сказать народнымъ развлеченіемъ, почти—національнымъ праздникомъ.

Травля еретиковъ дошла при Филиппѣ до того, что даже духовное званіе не спасало отъ подозрительности инквизиціи. По обвиненію въ ереси привлекаются сплошь да рядомъ наиболѣе видные представители католическаго духовенства—аббаты, епископы, архіепископы. Въ одинъ прекрасный день по приказу великаго инквизитора былъ арестованъ самъ примасъ испанской церкви, архі-

епископъ Толедскій, въ одномъ изъ сочиненій котораго была усмотрѣна ересь, и просидѣлъ девять лѣтъ въ тюрьмѣ инквизиціи. Религіозная нетерпимость, къ которой, впрочемъ, сплошь да рядомъ примѣшивались политическіе и различные закулисные мотивы, принимала подъ часъ прямо болѣзненный, психопатическій характеръ. Что она при этомъ шла объ руку съ крайнимъ обскурантизмомъ, это само собою понятно и естественно. Страхъ передъ судомъ инквизиціи—съ одной стороны, цензура той же инквизиціи—съ другой, держали мысль въ состояніи полной приниблепности и замороженности, парализовали всякое движеніе мысли, вытравляли всякое стремленіе къ научному знанію, подавляя въ корнѣ духъ изслѣдованія, безъ котораго нѣтъ научнаго знанія. Страхъ инквизиціи, цензура инквизиціи: всего этого казалось Филиппу еще недостаточно для охраны католическаго правовѣрія; онъ запретилъ своимъ подданнымъ ѣздить учиться за границу, а тѣмъ, кто находился за границей, предписалъ немедленно возвратиться во-свояси. Онъ хотѣлъ изолировать Испанію въ умственномъ отношеніи, отгородить ее китайскою стѣной отъ остального культурнаго міра, чтобы предохранить ее отъ тлетворнаго вліянія не заглохшей еще то тамъ, то сямъ живой мысли, столь опасной для чистоты католической вѣры.

Католицизмъ въ Испаніи до такой степени сросся съ національностью, религіозное единство—съ единствомъ національнымъ, что религіозный фанатизмъ роковымъ образомъ долженъ былъ получить здѣсь національную окраску, и вспышка вѣроисповѣдной нетерпимости—сопровождаться взрывомъ національной исключительности. Стихійную силу этого двойного фанатизма суждено было испытать гренадскимъ маврамъ. Насильно крещеные, они только числились католиками, продолжая на дѣлѣ жить по прежнему, соблюдая свои традиціонные національные обряды и обычаи. Навязанная имъ побѣдителями религія продолжала оставаться для нихъ столь же чуждой, какъ ихъ языкъ, ихъ нравы и костюмы. Однимъ словомъ, мавры упорно продолжали оставаться тѣмъ, чѣмъ были, не выказывая ни малѣйшей склонности ассимилироваться съ своими побѣдителями. Для испанской національной гордости это было по меньшей мѣрѣ столь же невы-

посимо, какъ и для испанской католической ортодоксальности. Нужно еще присоединить сюда извѣстную долю завистливаго недоброжелательства къ трудолюбивымъ и въ значительной степени зажиточнымъ маврамъ со стороны гордаго въ своей праздной нищетѣ испанскаго *гидальго*. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что *въ дѣлѣ травли мавровъ починъ исходилъ отъ общества, а не отъ правительства*; въ лицѣ Филиппа II первое нашло себѣ лишь вѣрнаго истолкователя своихъ желаній и усерднаго ихъ исполнителя. Первыя мѣры противъ мавровъ начались по „ходатайству“ кортесовъ 1560 г. Маврамъ было воспрещено держать рабовъ-негровъ, подъ предлогомъ, что господа могли совращать ихъ въ мусульманство; затѣмъ имъ запрещено было держать у себя оружіе безъ разрѣшенія властей. Духовенство, съ своей стороны, не переставало напоминать королю о необходимости строгостей противъ „еретиковъ“. Папа даже укорялъ Филиппа въ грѣховномъ бездѣйствіи, указывая ему на ложащуюся на него отвѣтственность за гибнущія, по милости этого бездѣйствія, мавританскія души. Филиппъ кончилъ тѣмъ, что назначилъ особую коммиссію для выработки проекта соотвѣтствующихъ мѣръ противъ мавровъ. Выработанный коммиссіей проектъ получилъ въ ноябрѣ 1566 г. королевскую санкцію и сталъ закономъ. Этимъ закономъ маврамъ предписывалось отказаться отъ ихъ національнаго костюма и національныхъ обычаевъ, какъ, напримѣръ, омовеній и бань. Въ видахъ контроля, предписывалось даже семейные праздники справлять публично. Въ день свадьбы, напримѣръ, двери дома должны были быть открытыми для всѣхъ и каждаго. Женщинамъ воспрещалось показываться на улицѣ съ закрытымъ лицомъ. Наконецъ, маврамъ предписывалось — забыть свой національный языкъ и научиться говорить исключительно по-испански: на это имъ давался трехлѣтній срокъ.

Предписанія эти привели въ ужасъ даже испанскаго губернатора Гренады. Многіе изъ мѣстныхъ испанскихъ сеньеровъ, которые были заинтересованы въ благосостояніи края, хорошо понимая, къ чему клонился этотъ рядъ фактически совершенно неисполнимыхъ предписаній, съ своей стороны, ходатайствовали передъ пра-

вительствомъ объ ихъ отмѣнѣ. Филиппъ отвѣтилъ, что это—дѣло его совѣсти, и законъ долженъ получить исполненіе.

Но мавры не стали дожидаться послѣдняго и массами поднялись противъ ненавистныхъ поработителей. Первыми жертвами народнаго возстанія пали тѣ изъ истанцевъ, которые жили небольшими кучками среди сплошного мавританскаго населенія. Сжегши, такимъ образомъ, свои корабли, повстанцы ушли въ неприступныя горы Гренады и съ мужествомъ отчаянія выдерживали около двухъ лѣтъ натиски правительственныхъ войскъ. Наконецъ, послѣ взятія укрѣпленнаго центра, г. Галеры, возстаніе было окончательно сломлено (1570). Все принимавшее участіе въ возстаніи мавританское населеніе было приговорено къ поголовному изгнанію изъ Испаніи. Это было настоящее переселеніе цѣлаго народа: около полумилліона мавританскаго населенія было выброшено изъ страны и перевезено на африканскій берегъ. Испанія потеряла такимъ образомъ полмилліона трудолюбиваго, промышленнаго и по большей части зажиточнаго населенія, а вмѣстѣ съ нимъ лишилась, стало быть, и одного изъ источниковъ благосостоянія всей страны. Одна изъ наиболѣе цвѣтущихъ провинцій Испаніи, Андалузія, превратилась наполовину въ пустыню. Филиппу не даромъ приписываются слова: „я предпочитаю царствовать въ пустынѣ, чѣмъ въ странѣ, населенной еретиками“. Но таково было настроеніе эпохи и этой фанатичной націи, что среди нея находились люди, которые упрекали Филиппа въ недостаточномъ усердіи въ дѣлѣ очищенія страны отъ еретиковъ. По крайней мѣрѣ, когда нѣсколько лѣтъ спустя надъ Испаніей разразилась гроза въ видѣ гибели „непобѣдимой армады“, то духовенство не стѣснялось въ публичныхъ проповѣдяхъ—и даже въ лицо самому Филиппу—истолковывать эту катастрофу, какъ знаменіе гнѣва Божія за проявленный королемъ недостатокъ ревности по вѣрѣ въ дѣлѣ мавровъ. „Король впалъ въ Сауловъ грѣхъ,—говорилъ одинъ проповѣдникъ въ присутствіи короля: Богъ послалъ ему пророка, чтобы повелѣть ему истребить амаликитянъ, не оставивши въ живыхъ ни женъ, ни дѣтей, ни даже младенцевъ у материнской груди. И Саулъ не истребилъ всего, и гнѣвъ Божій поразилъ его“ (Magiéjol).

Какъ бы то ни было, политика вѣроисповѣдной исключительности могла торжествовать свою побѣду въ Испаніи. Другой вопросъ, какою цѣною было куплено это торжество. Еще дороже обошлась Испаніи эта политика за предѣлами Пиринейскаго полуострова, при чемъ этою сугубо дорогою цѣною было тамъ куплено въ концѣ концовъ—не торжество, а рѣшительное пораженіе. Возстаніе протестантскихъ Нидерландовъ (1566), вызванное этою политикою, привело въ концѣ концовъ къ отторженію по крайней мѣрѣ половины нидерландскихъ владѣній Испаніи, не говоря уже о множествѣ другихъ—прямыхъ и косвенныхъ—пагубныхъ послѣдствій для Испаніи той тяжелой, почти восьмидесятилѣтней, кровавой, изнурительной и разорительной войны (1566—1647), которая была непосредственнымъ результатомъ „нидерландской революціи“.

Таковы были важнѣйшіе итоги „католической политики“ Филиппа II.

Держава Филиппа II была уже въ значительной степени менѣе космополитична по сравненію съ державой Карла V, при которомъ она была связана съ „священною римскою имперіей“. Въ силу этого, казалось бы, Филиппъ могъ быть свободенъ отъ тѣхъ міровыхъ притязаній, которыя приносила съ собою императорская корона. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи мы напрасно стали бы искать существеннаго различія между Филиппомъ и его отцомъ. Различіе, конечно, есть, но оно скорѣе количественное, чѣмъ качественное. Дѣло въ томъ, что и послѣ разлученія коронъ Испаніи и Имперіи, держава Филиппа продолжала оставаться въ значительной мѣрѣ космополитическою, такъ какъ, кромѣ австрійскихъ земель, оставшихся въ удѣлъ младшему брату Филиппа, территоріальный и этнографическій составъ ея остался тотъ же, что и при Карлѣ. Съ другой стороны, хотя у Филиппа и не было для широкихъ міровыхъ притязаній всѣхъ тѣхъ основаній, которыя имѣлъ къ тому Карлъ, между прочимъ въ „правахъ священной имперіи“,—тѣмъ не менѣе это не мѣшало Филиппу заявлять такого рода притязанія уже потому, что *онъ находилъ для нихъ вполнѣ благопріятную почву въ самомъ положеніи вещей. Въ общемъ это положеніе вещей сводилось къ рѣшительному фактиче-*

скому перевѣсу Испаніи въ международныхъ отношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ объединенная Фердинандомъ Испанія усилилась владѣніями, привнесенными Карломъ V, это была самая крупная изъ всѣхъ европейскихъ державъ. Она сохранила это выдающееся положеніе и послѣ разъединенія съ имперіей. Держава австрійскихъ Габсбурговъ далеко не могла пойти съ ней въ сравненіе. Имперія, какъ государство, представляла собою скорѣе фикцію, чѣмъ нѣчто реальное. Франція, выдвинувшаяся было въ первой половинѣ XVI вѣка благодаря своему территоріальному и національному объединенію, переживала во второй половинѣ этого столѣтія тягостную эпоху внутреннихъ смутъ, вызванныхъ „религіозными войнами“, по милости которыхъ она не только утратила свое былое вліяніе въ международной политикѣ, но даже и во внутреннихъ своихъ дѣлахъ сдѣлалась полемъ для соперничества различныхъ иноземныхъ вліяній. Англія тогда только что начинала выдвигаться въ качествѣ великой державы. По своему населенію европейскія владѣнія Филиппа (Испанія, Португалія, Неаполь, Сицилія, Миланъ) значительно превышали взятое вмѣстѣ населеніе Франціи и Англіи, не говоря уже объ обширныхъ заокеанскихъ владѣніяхъ Испаніи. Никакое другое государство не располагало такими огромными матеріальными средствами, какъ Испанія, съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась обладательницей богатѣйшихъ въ мірѣ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ (въ Америкѣ). Наконецъ, Испанія располагала лучшими въ мірѣ арміей и флотомъ. Итакъ, во второй половинѣ XVI в. Испанія далеко превосходила своимъ могуществомъ всѣ прочія державы; роль вершительницы судебъ въ международной политикѣ ей диктовалась, стало быть, самою силою вещей, тѣмъ болѣе, что разношерстность и разбросанность испанскихъ владѣній неизбѣжно приводила ее на каждомъ шагу въ соприкосновеніе и столкновеніе со всѣми другими державами.

Филиппъ, съ своей стороны, какъ нельзя лучше годился для выполненія этой роли, какъ по своимъ личнымъ склонностямъ, такъ и въ силу династическихъ традицій, наконецъ — въ силу отмѣченной выше національной испанской тенденціи: мысль о томъ, что призваніе

Испаніи быть „владычицей міра“ отнюдь не утратила со времени Карла своихъ чаръ надъ умами тщеславныхъ испанцевъ. Ко всему этому присоединялось еще одно важное обстоятельство. Въ охранѣ католическаго правовѣрія, въ искорененіи ереси Филиппъ видѣлъ главную задачу своего царствованія, можно сказать — задачу всей своей жизни. *Но вѣроисповѣдной вопросъ уже пересталъ быть въ ту пору вопросомъ внутренней политики; онъ сдѣлался въ значительной степени вопросомъ международнымъ, міровымъ.* Борьба между католическою церковью и протестантской ересью стала борьбою международною, міровою. *Искореняя протестантство у себя дома, Филиппъ тѣмъ самымъ объявлялъ войну протестантамъ всего міра, а его положеніе, какъ самаго могущественнаго государя въ Европѣ, естественнымъ образомъ диктовало ему роль предводителя всѣхъ католическихъ силъ въ этой міровой борьбѣ.* Отсюда — вмѣшательство Филиппа во внутреннія дѣла Франціи, гдѣ онъ всячески поддерживалъ католическую партію, не отступая передъ прямымъ давленіемъ на французское правительство, стимулируя его усердіе въ „защитѣ вѣры“. Отсюда же — его косвенное вмѣшательство въ вѣроисповѣдныя дѣла Англіи: въ своихъ нидерландскихъ владѣніяхъ онъ основалъ католическую семинарію для англійскихъ католическихъ священниковъ, получавшихъ здѣсь воспитаніе въ духѣ воинствующаго католическаго фанатизма и потомъ возвращавшихся въ Англію затѣмъ, чтобы подогрѣвать здѣсь католическую оппозицію противъ подвергшейся папскому отлученію „новой Іезавели“, какъ честили они свою королеву Елизавету.

Однимъ изъ наиболѣе непосредственныхъ результатовъ этой міровой католической политики было вооруженное столкновеніе Испаніи съ Англіей, столкновеніе приведшее къ разгрому „непобѣдимой армады“ (1588), вмѣстѣ съ которой безвозвратно рушилось первенствующее положеніе Испаніи, какъ морской державы. *Міровая политика Филиппа вела — другими путями — къ тому же конечному результату, что и политика религіозно-вѣроисповѣдной исключительности; на службѣ этой по-*

бургской политикѣ Испанія шла быстрыми шагами къ политическому, экономическому и культурному упадку.

Что касается *фискальности*, то она сдѣлала при Филиппѣ новый крупный шагъ впередъ, такъ какъ финансы не только не улучшились съ новымъ царствованіемъ, а подверглись еще большему разстройству.

Начать съ того, что Филиппъ получилъ въ наслѣдство отъ отца тридцать пять милліоновъ государственнаго долга, который поглощалъ, по уплатѣ процентовъ, значительную часть государственныхъ доходовъ, въ то время, какъ денегъ не хватало на удовлетвореніе текущихъ нуждъ. Отсюда—цѣлый рядъ фискальныхъ мѣръ. Новое царствованіе дебютировало перечеканкой монеты, которая была уменьшена въ вѣсѣ, при сохраненіи прежней номинальной цѣнности. Другая мѣра заключалась въ томъ, что все золото и серебро, привозимое частными промышленниками изъ Америки, предписано было отбирать въ казну въ обмѣнъ на билеты съ низкимъ и измѣнчивымъ курсомъ. Далѣе—цѣлый рядъ новыхъ налоговъ, по большей части болѣе разорительныхъ для плательщиковъ, чѣмъ выгодныхъ для фиска. Такъ, была установлена довольно высокая вывозная пошлина на шерсть, составлявшую главный предметъ вывоза изъ Кастиліи. Результатомъ было, естественно, сокращеніе вывоза, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе производства, т. е. упадокъ одной изъ наиболѣе производительныхъ отраслей національной промышленности, а слѣдовательно и уменьшеніе одного изъ источниковъ народнаго богатства, а косвеннымъ образомъ—и источниковъ государственныхъ доходовъ. Этотъ примѣръ можетъ служить иллюстраціей той фискальной политики Филиппа, которая подрубала дерево, для того чтобы достать съ него нѣсколько плодовъ.

Вскорѣ, съ началомъ турецкой войны и начавшагося одновременно возстанія въ Нидерландахъ (1566), открылись разомъ двѣ крупныя статьи расходовъ, а между тѣмъ въ то же время изсякъ одинъ изъ наиболѣе обильныхъ источниковъ доходовъ: пришлось вычеркнуть Нидерланды изъ числа доходныхъ статей. Нидерланды, эта богатѣйшая изъ областей, входившихъ въ составъ испанской державы,—служившія до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ поставщи-

ковъ королевскаго фиска, становятся теперь главнымъ источникомъ расходовъ. По вычисленію позднѣйшихъ финансистовъ, восьмидесятилѣтняя борьба съ возставшими Нидерландами (1566—164.) обошлась испанской казнѣ около двухъ милліардовъ ливровъ. Новые налоги, новыя пошлины, какъ ввозныя, такъ и вывозныя, новыя королевскія монополіи на различные предметы потребленія, налогъ даже на торговыя сдѣлки (сначала въ размѣрѣ десяти, потомъ пятнадцати процентовъ съ цѣны всякой проданной вещи), наконецъ — принудительные займы, наложенные на всѣхъ, съ кого представлялось возможнымъ сорвать болѣе или менѣе крупную сумму, — все было пущено въ ходъ. „Никакая нація въ мірѣ, — пишетъ про Испанію въ это время одинъ иностранный дипломатъ, — не несетъ такой фискальной тяжести". Даже столь обыкновенно покорные кортесы Кастиліи, и тѣ поднимаютъ, наконецъ, голосъ, заявляя королю, что странѣ становится, наконецъ, не подъ силу жить. Дѣло дошло до того, что, не видя никакого выхода изъ финансоваго тупика, Филиппъ объявилъ государственное банкротство. Эта отчаянная мѣра временно поправила испанскіе финансы на счетъ кредиторовъ, а вскорѣ, съ присоединеніемъ Португаліи къ испанской коронѣ (1581), открылся и новый источникъ государственныхъ доходовъ. Съ помощью новыхъ займовъ удалось сколотить необходимыя суммы для организаціи колоссальной экспедиціи противъ Англіи, такъ называемой „непобѣдимой армады" (1588), потребовавшей, впрочемъ, сверхъ того, огромнаго экономическаго напряженія страны, такъ какъ колоссальный запасъ провіанта для тридцатитысячнаго экипажа „армады" былъ составленъ путемъ взносовъ натурой: такъ, Севилья должна была поставить шесть тысячъ бочекъ вина, Галиція столько же бочекъ соленаго мяса, Андалузія двѣнадцать центнеровъ луку и т. д. Если бы, по крайней мѣрѣ, все это колоссальное напряженіе страны къ чему-нибудь послужило. Но, вѣдь, все, что только удалось выжать изъ нея на организацію этого грандіознаго предпріятія, все это погибло въ волнахъ океана вмѣстѣ съ сотней военныхъ судовъ, съ двумя тысячами пушекъ и большей частью тридцатитысячнаго экипажа...

А казна была снова пуста. Объ увеличеніи налоговъ нечего

было и думать, такъ какъ они и безъ того уже далеко превышали платежныя силы населенія. Кортесы 1594 г. меланхолически жалуются на упадокъ промышленности и торговли, по милости непомѣрно стѣснительныхъ налоговъ на промышленныя и торговыя предпріятія; по ихъ вычисленіямъ, на каждую тысячу дукатовъ капитала коммерсанту приходилось уплачивать до трехсотъ дукатовъ разныхъ налоговъ.

Въ 1596 г., за два года до своей смерти, Филиппъ вторично объявилъ банкротство державы, „во владѣніяхъ которой не заходило солнце“. И, не смотря на это вторичное банкротство, Филиппъ все-таки оставилъ въ наслѣдіе своему сыну и преемнику долгъ, почти втрое превышавшій тотъ, что онъ получилъ отъ своего отца (около ста милліоновъ дукатовъ).

Таковъ былъ финансовый итогъ царствованія могущественнѣйшаго изъ государей Испаніи.

Плачевное состояніе государственнаго хозяйства при Филиппѣ имѣло своею главною причиною *войны*, въ особенности же продолжительная война въ Нидерландахъ и злополучная экспедиція противъ Англіи („непобѣдимая армада“). Не послѣднюю роль въ дѣлѣ разстройства финансовъ играла также постоянно возраставшая *расточительность двора*. При Филиппѣ дворъ поглощалъ почти десятую часть всего государственнаго дохода. И это независимо отъ постройки колоссальнаго дворца-города *Эскуріала*, поглотившей, въ теченіе двадцати лѣтъ (1563—1582), до шести милліоновъ дукатовъ —сумму, значительно превышавшую годовой доходъ государства.

Кромѣ увеличенія расходовъ—и расходовъ по большей части непроизводительныхъ,—разстройство испанскихъ финансовъ въ царствованіе Филиппа обусловливалось также и *сокращеніемъ различныхъ статей доходовъ*. Одна изъ такихъ статей уже была выше отмѣчена: доходы съ Нидерландовъ пришлось вычеркнуть изъ бюджета со времени возстанія (1566). Затѣмъ, съ изгнаніемъ мавровъ (1570), пришлось вычеркнуть другую статью доходовъ,—тѣхъ доходовъ, которые доставляло казнѣ полумилліонное трудолюбивое мавританское населеніе. Далѣе, многія отрасли промышлен-

ности и торговли, служившія источниками государственныхъ доходовъ, либо пришли въ упадокъ, либо совсѣмъ исчезли, благодаря варварской фискальной политикѣ правительства. Наконецъ, благодаря этой же фискальной политикѣ, а отчасти, конечно, и вообще какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ Филиппа, было въ корнѣ подорвано матеріальное благосостояніе населенія, сопровождавшееся и численнымъ уменьшеніемъ послѣдняго. Всего тяжелѣе отозвались пагубныя послѣдствія политики Филиппа на той части Испаніи, гдѣ королевская власть находила себѣ наименѣе преградъ: на Кастиліи; благодаря послѣднему обстоятельству, Кастилія несла пропорціонально гораздо большую какъ фискальную, такъ и военную тяжесть, чѣмъ, напримѣръ, Арагонъ.

Экономическое истощеніе страны вслѣдствіе фискальнаго гнета, умственное оцѣпенѣніе и культурный упадокъ вслѣдствіе гнета моральнаго,—вотъ къ чему сводится конечный итогъ „великаго царствованія“ для Испаніи. Этотъ внутренній упадокъ не могъ конечно не отозваться и на международномъ положеніи страны, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождался цѣлымъ рядомъ военныхъ и дипломатическихъ неудачъ, испытанныхъ политикою Филиппа во вторую половину царствованія неудачи въ Нидерландахъ, гдѣ отложившіяся провинціи расширяютъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, свои владѣнія на счетъ тѣхъ, что остались въ рукахъ Испаніи; неудачи въ войнѣ съ Англіей—гибель „непобѣдимой армады“, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя—новый разгромъ испанскаго флота англичанами, на этотъ разъ уже у самыхъ береговъ Испаніи; далѣе—неудачи во Франціи, гдѣ поддерживаемая Филиппомъ католическая партія терпитъ пораженіе; наконецъ, неудачи въ самомъ Римѣ, гдѣ подъ конецъ своей жизни Филиппу пришлось съ грустью видѣть, какъ глава католичества, ради торжества котораго онъ принесъ въ жертву благосостояніе и, быть можетъ, всю будущность Испаніи, протягивалъ руку враждебной Филиппу политикѣ Франціи.

Три задачи преслѣдовалъ Филиппъ II въ продолженіе своего почти полувѣкового царствованія. Задачи эти были: дать окончательное торжество королевскому абсолютизму надъ остатками традиціонныхъ вольностей, уцѣлѣвшихъ отъ сословной монархіи въ Испа-

нія; дать торжество Испаніи надъ міромъ и торжество католическому правовѣрію надъ протестантскою ересью.

Изъ этихъ трехъ задачъ Филиппу удалось выполнить лишь первую: королевскій абсолютизмъ въ Испаніи достигаетъ при Филиппѣ своего апогея. Что касается остальныхъ двухъ задачъ, то онѣ были выполнены лишь отчасти. Если Филиппу и не удалось создать міровую гегемонію Испаніи, то во всякомъ случаѣ испанская держава играла при немъ безусловно преобладающую роль въ міровой политикѣ,—хотя справедливость требуетъ прибавить, что этою исключительною ролью Испанія была обязана совокупности многочисленныхъ обстоятельствъ, совершенно независимыхъ отъ чьей бы то ни было личной воли, не исключая и воли Филиппа. Наконецъ, что касается католической реакціи противъ протестантской реформаціи, то Филиппъ достигъ полнаго торжества первой надъ послѣдней только въ Испаніи, и ему не удалось достигнуть того же желаннаго результата для остальнаго католическаго міра, хотя усилія его, безспорно, задержали во многихъ случаяхъ успѣхи протестантства.

Мы уже видѣли, какою цѣною заплатила Испанія за эти „успѣхи“ Филиппа II. *Безпримѣрное въ исторіи человѣчества по своей быстротѣ и глубинѣ политическое и культурное паденіе Испаніи въ новое время представляетъ собою загадку, разгадку которой слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ царствованіи Филиппа II.*

Исторія Испаніи послѣ Филиппа есть исторія ея постепеннаго упадка. Первенствующая роль—и въ политической и въ культурной сферѣ—постепенно переходитъ отъ Испаніи къ Франціи и Англіи, изъ которыхъ послѣдняя мало по малу завоевываетъ у первой роль первенствующей морской державы.

Въ лицѣ Филиппа II потерпѣла крушеніе та политика, которая нашла въ немъ свое наиболѣе полное воплощеніе: политика католической реакціи въ соединеніи съ политическимъ абсолютизмомъ во внутренней и съ мегаломаніей во внѣшней политикѣ.

IV.

Преемники Филиппа II унаслѣдовали всѣ отрицательныя стороны традиціонной политики Габсбурговъ — деспотизмъ, вѣроисповѣдную нетерпимость, фискальность,—но не переняли тѣхъ положительныхъ сторонъ, которыя она имѣла при Филиппѣ: трудолюбіе монарха, внимательное отношеніе къ дѣламъ внутренняго управленія и внѣшней политики. Ближайшіе преемники Филиппа были люди лѣнивые и неспособные. Правительственною властью совершенно завладѣли разные фавориты, которые тѣмъ ревнивѣе оберегали неприкосновенность королевскаго абсолютизма, чѣмъ болѣе королевская власть служила въ ихъ рукахъ орудіемъ эксплуатаціи страны въ свою пользу и въ пользу разныхъ своихъ родныхъ человѣчковъ и прочихъ безчисленныхъ приспѣшниковъ. Всесильный при Филиппѣ III (1598—1621) герцогъ Лерма сколотилъ себѣ за кулисами трона состояніе въ 44.000.000 дукатовъ, а его любимецъ, изъ пажей превратившійся въ графа Оливу, получилъ такое положеніе, которое ему давало 600.000 ливровъ ежегоднаго дохода, — и это въ то время, какъ народъ нищалъ со дня на день, а финансы чахли отъ неизлѣчимаго дефицита. Младшіе, разумѣется, старались не отстать отъ старшихъ. „Подарки“ брали всѣ, кто окружалъ короля, начиная съ его духовника, продолжая министрами и кончая послѣднимъ писцомъ. Это дало впослѣдствіи поводъ національному сатирику сказать про Филиппа III, что „онъ умеръ, какъ Христосъ: среди разбойниковъ“.

Самымъ „великимъ дѣломъ“ этого царствованія, по оцѣнкѣ самихъ современниковъ, было завершеніе начатаго Филиппомъ II „очищенія“ Испаніи отъ мавровъ. Все оставшееся послѣ погрома 1570 г. мавританское населеніе — около полумилліона душъ — было перевезено на судахъ на африканскій берегъ, гдѣ значительная часть ихъ погибла отъ голода и болѣзней (1609—1610). До 40.000 мавровъ съ оружіемъ въ рукахъ пытались оказать сопротивленіе въ горахъ Валенціи; всѣ они погибли: тѣ, кого пощадило испанское оружіе и естественная смерть, были въ концѣ концовъ забраны плѣнниками и проданы въ рабство, за предѣлы Испаніи.

Это былъ едва ли не наиболѣе популярный въ Испаніи актъ этого царствованія. Сервантесъ готовъ видѣть въ немъ „божеское внушеніе, героическое рѣшеніе“, а историкъ Новоа патетически восклицаетъ: „Счастливъ государь, на долю котораго выпалъ подобный подвигъ!..“

Если по смерти Филиппа III, его юный преемникъ Филиппъ IV (1621—1665) выказалъ было первое время желаніе лично заниматься дѣлами управленія, то дальше словъ дѣло не пошло. Явился новый всесильный любимецъ, въ лицѣ графа Оливареса, который свое вступленіе во власть ознаменовалъ нещадной расправой съ высокопоставленными грабителями предшествующаго царствованія, для того лишь, впрочемъ, чтобы очистить мѣсто для себя и своихъ многочисленныхъ приспѣшниковъ. Осыпанный королевскими милостями, онъ не замедлилъ обогатить себя и своихъ благотворителей, а чтобы король не мѣшалъ ему править страной, всячески поощрялъ вкусы послѣдняго къ роскошнымъ праздникамъ и дорогимъ постройкамъ.

Въ то время, какъ по живописному выраженію одного историка (Минье), „монархія угасала въ безсиліи“, внѣшній блескъ короны усиливался, какъ усиливались и абсолютистскія притязанія послѣдней: и то и другое было въ интересахъ тѣхъ лицъ, для которыхъ королевскій тронъ служилъ лишь декоративною ширмой для прикрытія ихъ личныхъ интересовъ и вожделѣній, имѣвшихъ столько же мало общаго съ интересами страны, какъ и съ интересами самой короны. Абсолютизмъ возводится въ догматъ, раболѣпство въ добродѣтель. „Король получилъ отъ неба власть постановлять рѣшенія, не обращаясь ни къ чьему совѣту, кромѣ своего разумѣнія. Его капризъ—законъ. Онъ (испанскій король) среди другихъ государей то же, что фениксъ среди птицъ, и выше Его Величества одно лишь Небесное Величество“. Такъ поучаетъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ писателей эпохи, вторя всемогущему Оливаресу, по словамъ котораго „души принадлежатъ Богу, а тѣла—королю“. „Университеты провозглашаютъ Филиппа IV *королемъ королей*; священники съ церковной каѳедры говорятъ объ *обязанностяхъ по отношенію къ двумъ Величествамъ—Бо-*

жескому и Королевскому. Придворные испрашиваютъ у короля точно у Бога, добраго здоровья и долголѣтней жизни" (Boissonnade).

На ряду съ теоретическимъ культомъ королевской власти и королевской личности создается и культъ практическій: это — придворный этикетъ. „Строгій, торжественный, подчасъ странный этикетъ отдѣляетъ короля съ его семьей отъ прочихъ людей, точно какого-то полубога. Этикетъ окружаетъ короля обрядностью какъ бы іератической особы. Если король показывается разъ въ недѣлю своимъ подданнымъ, для принятія отъ нихъ челобитій, то не иначе, какъ въ неизмѣняемой, застывшей позѣ, съ неподвижнымъ лицомъ, „не двигая ничѣмъ, кромѣ глазъ и языка". Когда къ нему являются гранды на поклонъ, то порядокъ и сосредоточенное безмолвіе, которые при этомъ соблюдаются, напоминаютъ религіозную церемонію. Всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, колѣнопреклоненно прикладываются къ его рукѣ. На прогулкѣ, при встрѣчѣ съ королевскою колесницей, всѣ экипажи затягиваютъ свои фартуки, какъ передъ Божьимъ образомъ. Въ жизни короля все урегулировано, все размѣрено: вставанье отъ сна и отходъ ко сну, столъ, молитвы и посты, путешествія, одежда, слова, даже удовольствія, и вплоть до церемоніала супружескихъ обязанностей включительно. Все предусмотрѣвшій этикетъ граничитъ подчасъ съ уродливостью. Когда король идетъ ночью къ королевѣ, этикетъ требуетъ, чтобы онъ былъ обутъ въ туфли, а на плечахъ имѣлъ черный плащъ, держа щитъ въ одной рукѣ и шпагу въ другой, между тѣмъ какъ впереди его шествуетъ старшая фрейлина королевы (camarera mayor), неся факель и бутыль, „которая — поясняетъ современный эпохѣ документъ — не для питья, а для совершенно противоположной надобности" (Boissonnade).

Вмѣстѣ съ новымъ культомъ, культомъ королевской власти и королевской личности, ростетъ и королевскій дворъ. Можно сказать, что именно теперь, съ упадкомъ монархіи, начинается настоящій расцвѣтъ придворной жизни. Преемники Филиппа покидаютъ мрачный Эскуріалъ, одновременно напоминавшій собою монастырь и тюрьму. Дворъ переселяется сначала въ Валь-

ядолидъ, потомъ—въ Мадридъ, который окончательно становится съ тѣхъ поръ королевскою резиденціей и столицей Испаніи. Продолжая традиціи Изабеллы, короли стараются привлекать ко двору знать, осыпая ее милостями и щедротами. „Дворъ становится главнымъ центромъ удовольствій, но въ особенности главнымъ рынкомъ почестей, пенсій и доходныхъ мѣстъ“ (Boissonnade). За недостаткомъ дѣловыхъ мѣстъ, создаются синекуры, по большей части различныя придворныя должности, безъ всякихъ дѣйствительныхъ функцій, но съ звучными титулами и болѣе или менѣе роскошными доходами. Придворный штатъ короля и королевы разрастается до небывалыхъ размѣровъ. Къ половинѣ XVII в. число лицъ, такъ или иначе живущихъ на счетъ двора, доходитъ до десятка тысячъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ, естественно, и доходы на содержаніе двора. Въ 1660 г. они достигаютъ 1.700.000 дукатовъ (приблизительно около 30.000.000 рублей на наши деньги), сумма, превышавшая почти во сто разъ издержки двора при Фердинандѣ.

Значительно возросла и другая статья государственныхъ расходовъ, именно—на содержаніе *чиновничества*, которое страшно размножается при преемникахъ Филиппа II, благодаря главнымъ образомъ двумъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, съ устраненіемъ короля отъ личнаго участія въ дѣлахъ управленія, а также съ усложненіемъ послѣдняго, *центральная администрація, а за нею и администрація провинціальная, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе бюрократическій, канцелярскій характеръ*, неизбѣжное свойство котораго—плодить чиновничество, плодя бумажное дѣлопроизводство, и плодить бумаги, плодя чиновниковъ. Другая причина заключалась въ системѣ фаворитизма и неразлучно съ нимъ связаннаго непотизма,—системѣ, которая съ административныхъ верховъ стремится постепенно проникнуть и въ административные низы. Мѣста плодились не столько потому, что дѣло того требовало, сколько потому, что нужно было вліятельнымъ людямъ пристроить разныхъ своихъ родныхъ человѣчковъ. Въ одной Кастиліи, въ половинѣ XVII в., насчитывается до 60,000 административныхъ должностей и до 150,000 мѣстъ по финансо-

вому вѣдомству; если сюда прибавить еще 20.000 альгвасиловъ (полицейскихъ) инквизиціи, то окажется, что *чиновничество составляло въ это время около двадцати процентовъ всего населенія страны.*

Эта колоссальная армія чиновничества представляла могучее орудіе деспотизма и эксплуатаціи въ рукахъ владѣвшихъ, отъ имени короны, правительственною властью временщиковъ, которымъ, конечно, было мало дѣла до того, что армія эта грозила вконецъ раздавить и безъ того приниженный морально и угнетенный матеріально народъ. А народъ этотъ долженъ былъ еще, сверхъ того, выносить на своихъ плечахъ привилегіи многочисленныхъ привилегированныхъ въ лицѣ духовенства и дворянства—двухъ сословій, которыя, будучи самыми зажиточными, пользовались, однако, свободой отъ податей: *вся тяжесть послѣднихъ ложилась на непривилегированную массу народа, и податное иго становилось, естественно, тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе размножалось привилегированное меньшинство. Размноженіе духовенства и дворянства было настоящимъ бичемъ Испаніи;* но правительство смотрѣло сквозь пальцы на эту язву, подтачивавшую въ корнѣ благосостояніе страны.

Еще при Карлѣ V, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, кортесы неоднократно обращали вниманіе правительства на опасность, проистекавшую изъ прогрессивнаго роста церковнаго землевладѣнія. Правительствомъ, однако, не было съ той поры принято никакихъ мѣръ для задержки или остановки этого процесса, и въ результатѣ—мы видимъ къ половинѣ XVII в. около пятой части всей территоріи королевства въ рукахъ духовенства,—а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ—даже до одной трети. Вмѣстѣ съ тѣмъ, доходы духовенства, въ лицѣ высшихъ его представителей—епископовъ, абатовъ, монастырей, достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Примасъ Испаніи, архіепископъ толедскій, получаетъ до трехсотъ тысячъ дукатовъ въ годъ (около четырехъ съ половиною милліоновъ рублей на наши деньги); доходы остальныхъ епископовъ варьируются отъ 40 до 60 тысячъ дукатовъ въ годъ. Монастыри могутъ поспорить съ епископскими каѳедрами своими богатствами;

такъ, монастырь св. Бенедикта въ Вальядолидѣ имѣетъ до 400.000 дукатовъ (около шести милліоновъ рублей) годового дохода. Въ общей сложности доходы духовенства въ одной лишь Кастиліи достигаютъ въ это время до десятка милліоновъ дукатовъ (около 150 милліоновъ рублей). *По мѣрѣ скопленія богатствъ въ рукахъ Церкви, естественно, возрастала и притягательная сила послѣдней, не говоря уже о притягательности почета и привилегированнаго положенія, которое было связано съ духовнымъ званіемъ.* Кортесы опять-таки не перестаютъ указывать правительству на необходимость положить предѣлъ не прекращающемуся бѣгству населенія въ духовное званіе и размноженію монастырей, „этихъ убѣжищъ лѣности“. Правительство, однако, остается неизмѣнно глухо къ этимъ напоминаніямъ. Ежегодно до шести тысячъ душъ уходятъ въ монастыри. Въ половинѣ XVII в. Испанія насчитывала уже до 200.000 священниковъ въ шестидесятя восьми епархіяхъ, при 120.000 церквахъ и часовняхъ, не считая девяти тысячъ мужскихъ монастырей съ ихъ населеніемъ въ 70.000 человѣкъ и трехъ тысячъ женскихъ монастырей съ 25 или 30 тысячами монашекъ. Сами современники поражались необыкновенною массою лицъ духовнаго званія; по вычисленію— быть можетъ нѣсколько преувеличенному — одного современника Филиппа III, *одна треть или одна четверть всего взрослаго населенія страны принадлежала къ духовному сословію.*

И это въ то время, какъ *пятая или шестая часть всего населенія поголовно принадлежала къ другому привилегированному сословію, къ дворянству.* Послѣднее тоже, хотя, конечно, и въ менѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ духовенство, размножается не только абсолютно—въ силу естественнаго прироста,—но и относительно—благодаря постоянному пріобщенію къ дворянству лицъ недворянскаго происхожденія—либо въ силу королевскаго пожалованія, либо путемъ покупки (въ интересахъ фиска былъ введенъ и этотъ способъ пріобрѣтенія дворянскаго званія), либо, наконецъ, посредствомъ самовольнаго присвоенія, узурпаціи дворянскаго званія; въ виду отсутствія бдительности со

стороны правительства, этотъ послѣдній путь не представлялъ особыхъ трудностей. Дошло до того, что *въ нѣкоторыхъ областяхъ дворяне составляли треть и даже половину всего населенія*. Только незначительный верхній слой испанскаго дворянства, гранды, были богаты, масса же дворянства, *гидальго*, была небогатою и въ значительной своей части состояла прямо изъ бѣдняковъ. Но уже въ силу своей многочисленности, дворянство представляло собою тяжелое бремя для остального населенія, которое принуждено было выносить на своихъ плечахъ всю податную тяжесть.

Было бы удивительно, еслибы результатъ подобнаго положенія вещей былъ иной, чѣмъ совершенное обнищаніе массъ и полное экономическое истощеніе страны. Удивительно то, что государство продолжало еще существовать въ подобныхъ условіяхъ. Дѣйствительно „безъ Америки, безъ тѣхъ милліоновъ, которые выколачивали изъ всѣхъ областей государства испанскіе вице-короли, губернаторы, коррехидоры, алкады, генералы и солдаты,—наконецъ, безъ плодородія почвы и благодатнаго южнаго климата, сокращавшаго потребности человѣка до непостижимыхъ для сѣверянина размѣровъ,—безо всего этого подобный хозяйственный порядокъ не просуществовалъ бы и двухъ десятковъ лѣтъ“ (Baumgarten).

Промышленность и торговля страны приходятъ въ упадокъ. Шерстяныя и шелковыя фабрики, насчитывавшія въ былое время до 60.000 станковъ при 180.000 рабочихъ, падаютъ къ 1600 г. до 16.000 станковъ; въ Севильѣ, одномъ изъ наиболѣе промышленныхъ центровъ Испаніи, фабричное производство сокращается вдесятеро. Когда-то бойкія ярмарки Медины, Бургоса, Сеговіи, Вальядолида, Сарагоссы влачатъ жалкое существованіе. Торговый флотъ Испаніи, насчитывавшій при Филиппѣ II до четырехсотъ судовъ, падаетъ до нѣсколькихъ десятковъ. Девять десятыхъ испанской торговли съ Вестъ-Индіей переходятъ въ руки иностранцевъ, забирающихъ, сверхъ того, въ свои руки до половины всей внутренней торговли страны,—между тѣмъ какъ страна, которая въ теченіе столѣтія получила изъ Америки баснословное количество золота и серебра, все болѣе пустѣла, а постоянно уменьшавшееся населеніе, все болѣе и болѣе приближалось къ состоянію полной нищеты.

Оставляя въ сторонѣ массовое изгнаніе мавровъ, оставляя также въ сторонѣ упадокъ вообще экономическаго благосостоянія страны, какъ неблагопріятное для роста населенія условіе, былъ и цѣлый рядъ другихъ причинъ, обусловливавшихъ прямое численное уменьшеніе послѣдняго. Это, во-первыхъ, войны, которыя въ теченіе лишь тридцати лѣтъ унесли до милліона человѣческихъ жизней; затѣмъ—убійственныя эпидеміи, находившія для себя какъ нельзя болѣе благопріятную почву въ истощенномъ плохимъ питаніемъ и дурными условіями жизни населеніи; наконецъ—эмиграція въ Америку, отнимавшая у страны до 40.000 душъ ежегодно; и все это въ то время, какъ, благодаря сокращенію числа браковъ и уменьшенію числа рожденій, вмѣстѣ съ параллельнымъ возрастаніемъ смертности—обычное явленіе при угнетенномъ экономическомъ состояніи населенія,—совершенно прекратился естественный приростъ послѣдняго. Удивительно ли послѣ этого, если населеніе Испаніи, достигавшее въ концѣ царствованія Филиппа II восьми милліоновъ съ четвертью, къ концу слѣдующаго царствованія, то-есть лѣтъ двадцать пять-тридцать спустя, сократилось почти до шести милліоновъ. Страна пустѣла, такъ сказать, на глазахъ у всѣхъ. Богатый и населенный городъ Медина при Карлѣ V, насчитываетъ при Филиппѣ IV всего лишь до шестисотъ жителей. Въ городахъ, въ деревняхъ на каждомъ шагу бросались въ глаза брошенные, полуразвалившіеся либо недостроенные и оставленные дома; иногда цѣлые кварталы въ городахъ, цѣлыя мѣстечки представляли сплошную кучу развалинъ. Въ Новой Кастиліи насчитывалось до двухсотъ, столько же въ провинціи Толедо, а въ Старой Кастиліи болѣе трехсотъ мѣстечекъ и селеній, совершенно покинутыхъ населеніемъ. „Была пословица: если жаворонокъ хочетъ пуститься въ путь по Кастиліи, то онъ долженъ брать себѣ кормъ въ дорогу. Эстремадура походила на большую пустыню; треть земель въ Алавѣ лежала запущенною; въ благословенной Андалузіи можно было проѣхать пять-шесть миль, не встрѣтивъ ни одного живого дома, ни одного вспаханнаго поля. То же самое—въ Манчѣ и въ Кастиліи. Сіерра-Морена, послѣ изгнанія мавровъ, въ теченіе полутораста лѣтъ оставалась населенною лишь разбойниками да дикими звѣрями".

„Если это положеніе дѣла продлится,—меланхолически заявляютъ кортесы,—то скоро некому будетъ болѣе пахать землю... Невозможно, чтобы королевство просуществовало еще хотя бы одно столѣтіе“.

Въ такомъ положеніи находилась страна при первыхъ двухъ преемникахъ Филиппа: та страна, „во владѣнія которой никогда не заходило солнце“. „Для того, чтобы поднять эту монархію изъ состоянія упадка, необходимъ либо великій король, либо великій министръ“,—говорилъ одинъ умный наблюдатель-современникъ. Вмѣсто великаго короля или великаго министра, Испаніи предстояло пережить длинное царствованіе еще одного Габсбурга и сдѣлавшееся традиціей династіи—правленіе фаворитовъ-временщиковъ. Послѣдній представитель габсбургской династіи въ Испаніи, Карлъ II (1665—1700), своимъ ничтожествомъ, своею умственной, моральной и даже физической немощью превосходилъ обоихъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ. „Въ его лицѣ нашло свое завершеніе замѣчательное прогрессивное вырожденіе этой династіи, а въ его правленіи—прогрессивный упадокъ страны, который достигаетъ въ это царствованіе границъ возможнаго“ (Baumgarten).

Финансы въ началѣ этого царствованія находятся въ еще болѣе плачевномъ положеніи, чѣмъ прежде. Несмотря на новое частичное банкротство, несмотря на сокращеніе пенсій на половину, несмотря, наконецъ, на повышеніе пошлинъ, казна оставалась пустою и денегъ не хватало на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ государственныхъ потребностей. Дѣло дошло до того, что королева писала собственноручно жалостныя письма къ разнымъ богатымъ людямъ съ просьбою о вспомоществованіи королевской казнѣ, но толку отъ этого было мало, тѣмъ болѣе, что и число богатыхъ людей сократилось до крайности. Истощеніе страны все болѣе и болѣе давало себя чувствовать и высшимъ, наиболѣе состоятельнымъ слоямъ привилегированныхъ сословій. Монастыри принуждены были распродавать свою драгоцѣнную утварь, гранды—распродавать свою дорогую мебель, закладывать свои фамильныя драгоцѣнности. Послѣ того, что изъ страны утекли заграницу милліарды американскаго золота и серебра, туда же начинаютъ те-

перь уходить изъ Испаніи разные старинные предметы роскоши, произведенія искусства, различныя драгоцѣнности. Король находился не въ лучшемъ положеніи. Для уплаты жалованья солдатамъ приходилось продавать обстановку королевскихъ замковъ. При такомъ положеніи финансовъ нечего было и думать вести войну съ кѣмъ бы то ни было. И вотъ — пришлось махнуть рукой на отклонившуюся Португалію (1640), пришлось, скрѣпя сердце, примириться съ потерей одной изъ лучшихъ подвластныхъ земель, области Франшъ-Контэ, которую захватилъ manu militari, французскій король (1674). До какой степени доходило королевское безденежье, показываетъ тотъ фактъ, что для того, чтобы отдарить приличнымъ образомъ московское чрезвычайное посольство, пришлось прибѣгнуть къ повышенію налога на мясо для выручки необходимой на это суммы. Поставщики, наученные горькимъ опытомъ, отказывались поставлять ко двору въ кредитъ. Придворную прислугу приходилось держать подъ зоркимъ надзоромъ, такъ какъ были случаи, что придворные лакеи и конюхи убѣгали, отчаявшись когда-либо получить причитающееся имъ жалованье. Королевскіе гвардейцы вмѣстѣ съ нищими выпрашивали милостыню у монастырскихъ воротъ. Курьеры, иногда съ самыми экстренными депешами, застрѣвали по дорогѣ, не получая прогонныхъ. Населеніе продолжало неудержимо сокращаться. Къ концу царствованія Карла оно падаетъ до пяти и даже, по другимъ вычисленіямъ, до четырехъ милліоновъ, то-есть сокращается почти вдвое сравнительно со временъ Филиппа.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ прогрессивнымъ экономическимъ и культурнымъ упадкомъ Испаніи, естественно, падаетъ постепенно и ея значеніе, какъ первенствующей военной державы. Численность арміи сократилась въ нѣсколько разъ сравнительно со временемъ Филиппа II: не на что было содержать. Крѣпости стояли полуразрушенныя и невооруженныя: не на что было ихъ ремонтировать и оборудовать. Въ 1675 г. французы могли вторгнуться въ Каталонію, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Въ 1780 г. маршалъ Вилларъ доносилъ Людовику XIV, что въ пограничныхъ съ Франціей крѣпостяхъ Санъ-

Себастіанѣ, Памплонѣ, Фуэнтарабіи нѣтъ ни гарнизоновъ, ни амуниціи, а армія Испаніи такова, что въ общей своей совокупности не могла бы помѣшать французскому корпусу въ 15.000 завоевать въ одинъ мѣсяцъ всю Наварру. Въ 1689 г. графъ Ребенакъ писалъ французскому королю, что во всей Испаніи наберется не болѣе 10.000 пѣхоты и 3.000 конницы. Дѣло доходило до того, что многіе въ Испаніи не на шутку опасались новаго нашествія невѣрныхъ, то-есть тѣхъ самыхъ мавровъ, которые были выброшены изъ Испаніи двумя Филиппами. Когда въ 1688 г. Барбарески осадили Оранъ (въ Алжирѣ), то въ Мадридѣ была почти паника. „Если, пишетъ графъ Ребенакъ 7 октября 1688 г., Испанцы потеряютъ этотъ укрѣпленный пунктъ и нѣкоторые другіе, то маврамъ теперь легче будетъ вторгнуться въ Испанію, чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Страна такъ обезлюдѣла на югѣ, а порядка всюду такъ мало, что о серьезномъ сопротивленіи нечего и думать, и наиболѣе проницательные люди не скрываютъ своихъ опасеній на этотъ счетъ“. Опасенія эти имѣли тѣмъ болѣе основаній, что Испанія когда-то грозная своимъ флотомъ, была совершенно беззащитна на морѣ. Весь испанскій флотъ при Карлѣ II состоялъ изъ двухъ-трехъ десятковъ плохо вооруженныхъ судовъ, не говоря уже о пустотѣ арсеналовъ. Флота этого не хватало даже для охраны торговыхъ судовъ отъ пиратовъ въ Средиземномъ морѣ, не говоря уже объ американскихъ водахъ. „*Трудно себѣ представить*, пишетъ въ концѣ царствованія Карла II графъ Ребенокъ,—*до какой степени слабости довело Испанію дурное управленіе*“.

Совершенное истощеніе страны, выразившееся въ экономическомъ и культурномъ упадкѣ вмѣстѣ съ численнымъ уменьшеніемъ населенія—съ одной стороны, упадокъ ея международнаго политическаго и военнаго значенія—съ другой: вотъ тотъ двойной результатъ, къ которому сводится болѣе, чѣмъ полуторавѣковой гнетъ габсбургскаго абсолютизма въ Испаніи.

Куплено ли было этою тяжкою цѣной, по крайней мѣрѣ, по-

литическое и національное объединеніе страны? На вопросъ этотъ приходится отвѣтить отрицательно. Не говоря уже о потерѣ нидерландскихъ владѣній, связь которыхъ съ Испаніей была чисто искусственною, другимъ болѣе важнымъ послѣдствіемъ габсбургской политики было отторженіе возсоединившейся было съ Испаніей Португаліи, которая и природою страны и расовымъ родствомъ населенія съ собственною Испаніей, казалось, предназначена была слиться съ послѣднею въ одно плотное политическое и національное тѣло. Едва то же самое не случилось и съ другою, уже издавна связанной съ испанскою короной областью, Каталоніей, которая точно также подняла было знамя возстанія противъ невыносимаго эксплуататорскаго деспотизма преемниковъ Филиппа II. Въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ (1640—1652) отстаивали каталонцы свою „родину“ противъ правительственныхъ войскъ. Въ концѣ концовъ Филиппу IV пришлось-таки сдѣлать уступки каталонцамъ и признать за Каталоніей извѣстныя областныя „привилегіи и вольности“, которыми ограничивался королевскій абсолютизмъ. Не трудно себѣ представить, насколько эта двѣнадцатилѣтняя братоубійственная война могла послужить къ національному сплоченію Каталоніи съ прочей Испаніей. И изъ другихъ областей Испаніи каждая, у которой оставались еще какіе-либо остатки былыхъ привилегій, стала крѣпче, чѣмъ когда-либо, держаться за нихъ, какъ за послѣдній, хотя бы и слабый, оплотъ противъ эксплуататорскаго абсолютизма центральной власти. Въ итогѣ, болѣе чѣмъ полтора столѣтія габсбургскаго абсолютизма не только не подвинули ни на шагъ національнаго объединенія Испаніи, а, напротивъ, даже подогрѣли исконный областной сепаратизмъ и обострили взаимный антагонизмъ между отдѣльными частями страны. То, что произошло по смерти послѣдняго испанскаго Габсбурга (1700), когда открылся роковой вопросъ объ испанскомъ престолонаслѣдіи, служитъ тому краснорѣчивымъ доказательствомъ: на рубежѣ XVII и XVIII в. Кастилія и Арагонъ вступаютъ въ бой другъ противъ друга еще съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ это имъ случалось въ пору ихъ раздѣльнаго политическаго существо-

вания — въ средніе вѣка. Въ концѣ концовъ, Испанія не только не упрочила своего національнаго единства, но и едва не поплатилась своею политическою независимостью („нѣтъ болѣе Пиринеевъ!...“) и во всякомъ случаѣ надолго подпала политическому вліянію своей сосѣдки — Франціи.

ГЛАВА III.

Абсолютная монархія во Франціи.

I. Постепенный ростъ королевской власти во Франціи.—Территоріальное «собираніе» Франціи и государственно-правовой процессъ дефеодализаціи королевской власти.—Идейная реставрація неограниченной власти государя; легисты, Бодэнъ. Постепенное фактическое отрѣшеніе королевской власти отъ ея феодально-правовыхъ основъ.—Францискъ I, какъ первый абсолютный монархъ во Франціи.—Чего недоставало абсолютной монархіи во Франціи?—Религіозныя войны и попытка новой феодализаціи.—Реставрація королевскаго абсолютизма при Генрихѣ IV и ея новый характеръ.—Идея о божественности королевской власти.—Опекающій характеръ монархіи.—Слабость монархической организаціи.—II. Малолѣтство Людовика XIII и пробужденіе враждебныхъ королевскому абсолютизму силъ.—Ришелье.—Его мѣры противъ дворянства и его дворянскія тенденціи.—Конецъ протестантскаго государства въ государствѣ.—Парламенты, генеральные и провинціальные штаты.—Положительная сторона внутренней политики Ришелье. Организація абсолютной монархіи во Франціи.—Органы королевской власти въ центрѣ и въ области.—Статсъ-секретари, главнокомандующіе въ провинціяхъ и интенданты.—III. Людовикъ XIV и апогей абсолютной монархіи во Франціи.—Закрѣпленіе политическаго абсолютизма посредствомъ административной централизаціи.—Зародышъ позднѣйшихъ министровъ.—Генералъ-контролеръ и ростъ его правительственнаго значенія.—Превращеніе интендантства въ обще государственное учрежденіе и завершеніе административной централизаціи.—Учрежденія ростущія и умирающія.—Роль генералъ-губернаторовъ, финансовыхъ присутствій и провинціальныхъ штатовъ.—Правительственная опека надъ городскимъ и сельскимъ самоуправленіемъ.—Фискальная эксплуатація городовъ.—Ростъ фискальности, ея причины и слѣдствія.—Внѣшняя политика мегаломаніи.—Дворъ; культъ королевской власти и королевской особы.—Людовикъ XIV, какъ теоретикъ монархическаго абсолютизма.—Богословско-политическая философія Боссюэта.—Теорія и ея практическія слѣдствія.—Итоги царствованія Людовика XIV для внутренней исторіи Франціи.—«Старый порядокъ» и революція.

Наиболѣе полное, наиболѣе яркое и вмѣстѣ съ тѣмъ типичное выраженіе нашелъ себѣ политическій абсолютизмъ во французской монархіи XVII—XVIII в. Не даромъ Людовикъ XIV, въ наибольшемъ совершенствѣ воплотившій французскій абсолютизмъ, надолго сдѣлался образцомъ и идеаломъ для всѣхъ европейскихъ монарховъ, стремившихся насадить абсолютизмъ въ своихъ государствахъ. Абсолютная монархія во Франціи заслуживаетъ поэтому того, чтобы на ней подолѣе остановить наше вниманіе.

I

Хотя установленіе абсолютной монархіи во Франціи связано, главнымъ образомъ, съ именами кардинала Ришелье и Людовика XIV, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, что она была ихъ созданіемъ. *Они только достроили то зданіе, которое постепенно созидалось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.* Бросимъ бѣглый взглядъ на эту продолжительную созидательную работу.

Ростъ королевской власти во Франціи самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ постепеннымъ территоріальнымъ и національнымъ объединеніемъ страны — съ ея постепеннымъ „собираніемъ“ вокругъ ея первоначальнаго ядра, королевской сеньеріи, или домена, обнимавшаго первоначально (при первыхъ Капетингахъ) лишь ту область, которая впослѣдствіи носила названіе Иль-де-Франса (Ile-de-France, „островъ Франціи“). Не будемъ останавливаться на длинной исторіи этого „собиранія Франціи“ — путемъ наслѣдованія короной вымороченыхъ „фьефовъ“, путемъ конфискацій и завоеваній, путемъ брачныхъ союзовъ и полюбовныхъ сдѣлокъ. Съ изгнаніемъ англичанъ послѣ столѣтней войны (1453), затѣмъ—съ раздѣломъ эфемернаго государства Карла Смѣлаго (1477), наконецъ—съ присоединеніемъ къ коронѣ послѣднихъ крупныхъ феодальныхъ „фьефовъ“ при Людовикѣ XI (1461—1483), и территоріальное и національное объединеніе Франціи представляетъ, къ концу XV и началу XVI в., совершившійся фактъ. Всѣ части будущей „французской націи“ объединяются во владѣніяхъ „сеньера-короля“: вся Франція стала какъ бы его доменомъ.

Это *территоріальное объединеніе* обособленныхъ первоначально феодальныхъ территорій въ королевскомъ доменѣ способствовало, естественнымъ образомъ, и *сплоченію національному*; и то и другое вмѣстѣ способствовало *упроченію королевской власти. Королевская власть работала надъ объединеніемъ Франціи; объединенная Франція работала надъ упроченіемъ королевской власти. Объединенная въ рукахъ короля*

Франція давала прочную реальную опору королевскому могуществу и тѣмъ самымъ облегчила и ускоряла процессъ дефеодализаціи королевской власти, то-есть процессъ постепеннаго отрѣшенія ея отъ ея средневѣковыхъ феодальныхъ основъ и утвержденія ея на новыхъ началахъ, началахъ государственно-правовыхъ. *Государственно-правовой процессъ* этотъ былъ, слѣдовательно, не только параллеленъ *процессу территоріальному*, но и связанъ съ послѣднимъ самою тѣсною причинною связью.

Въ чемъ заключался этотъ *государственно-правовой процессъ дефеодализаціи королевской власти во Франціи?*

Въ этомъ процессѣ мы можемъ различать двѣ струи, два параллельныхъ процесса: *процессъ въ области идей*—съ одной стороны, *процессъ въ области фактическихъ отношеній*—съ другой.

Исходнымъ пунктомъ перваго процесса во Франціи, какъ и всюду, является возрожденіе римскаго права съ сопутствующей ему идейной реставраціей неограниченной власти государя. Итальянское возрожденіе римскаго права скоро нашло себѣ отголосокъ и во Франціи. Уже при Филиппѣ Августѣ (1180—1223) Франція имѣетъ своихъ національныхъ *легистовъ*, которые съ той поры пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе вліянія, въ особенности при Людовикѣ Святомъ (1226—1270) и потомъ при Филиппѣ Красивомъ (1285—1314). Время послѣдняго было настоящимъ *царствомъ легистовъ*. Французскій языкъ, начиная съ XIII в., обогащается цѣлымъ рядомъ новыхъ выраженій, получающихъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, каноническое значеніе и представляющихъ по существу лишь вольный переводъ излюбленныхъ формулъ болонскихъ юристовъ, вродѣ: *si veut le roi, si veut la loi (-quod principi placuit, legis habet vigorem)*; про короля начинаютъ говорить, что онъ—*la loi vivante, живой законъ*. Принципы эти находятъ себѣ соотвѣтствующее оффиціальное выраженіе; со времени Карла VIII (1483—1498) начинаетъ встрѣчаться, а со времени Франциска I (1515—1547) входитъ въ постоянное употребленіе, въ качествѣ стереотипной заключитель-

ной формулы королевскихъ ордоннансовъ, выраженіе: *car tel est notre plaisir—поелику таково наше изволеніе.*

Эпоха „религіозныхъ войнъ“ (1560—1594), ознаменовавшаяся рѣзкою феодальною реакціей, въ значительной мѣрѣ задержала прогрессъ королевской власти во Франціи. Въ области идей эпоха эта вызвала къ жизни даже какъ разъ противоположное движеніе, въ ученіяхъ такъ называемыхъ *монархомаховъ*, у которыхъ самымъ причудливымъ образомъ переплетались отживающія идеи феодализма съ идеями совершенно новаго порядка, предвосхищавшими до извѣстной степени идеи революціонной демократіи будущаго. Эпоха религіозныхъ войнъ была вообще временемъ глубокаго упадка авторитета короны и временемъ подъема всѣхъ враждебныхъ ей силъ. *Антимонархическая реакція въ области идей самымъ существеннымъ образомъ обусловливалась реакціей противъ королевской власти въ области фактическихъ отношеній.*

Съ окончаніемъ религіозныхъ войнъ, въ концѣ XVI в., наступаетъ новый подъемъ королевской власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается рѣшительный поворотъ въ области политическихъ идей. Прерванный на время прогрессъ политической мысли въ направленіи, намѣченномъ итальянскими юристами и политиками „возрожденія“, а затѣмъ французскими легистами, снова вступаетъ въ свои права. Выразителемъ этого идейнаго поворота является знаменитый Жанъ Бодэнъ (Jean Bodin, 1530—1596), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей своего вѣка. Въ своемъ сочиненіи *О республикѣ (De la Republique*, 1576) Бодэнъ, въ противоположность *монархомахамъ*, снова возвращается къ римскому пониманію государства и государственной власти. Сущность государства заключается, по его представленію, въ *верховной власти, souveraineté*, которая обладаетъ тремя главными аттрибутами: *постоянствомъ, неограниченностью* и безусловнымъ *единствомъ*. Она постоянна, потому что всякая временная власть уже потому самому не есть верховная. Неверховная же она, если она ограничена извѣстными условіями. Она едина, и потому—недѣлима; она не можетъ быть подѣлена, напри-

мѣръ, между монархомъ и народнымъ представительствомъ. На этомъ основаніи Бодэнъ не допускаетъ смѣшанныхъ государственныхъ формъ, а признаетъ лишь чистыя формы: чистую монархію, чистую аристократію, чистую демократію. Съ особенною настойчивостью подчеркивая единство верховной власти, Бодэнъ, какъ и слѣдовало ожидать, отдаетъ рѣшительное предпочтеніе монархіи, и именно — монархіи наслѣдственной, которая представляетъ самую прочную изъ всѣхъ государственныхъ формъ.

Въ политическомъ ученіи Бодэна мы находимъ первую цѣльную и законченную теорію чистаго абсолютизма, абсолютной монархіи (теорію его идейнаго предшественника Макіавелли нельзя назвать *цѣльною* и *законченною*). Съ точки зрѣнія умственнаго движенія второй половины XVI в., въ политической сферѣ, теорія Бодэна представляетъ собою конечное выраженіе тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришло большинство мыслящихъ людей къ концу этого столѣтія. *А результатъ этотъ, въ свою очередь, не былъ лишь простымъ логическимъ построеніемъ: онъ вышелъ, напротивъ, изъ непосредственныхъ наблюденій надъ современною политическою дѣйствительностью и былъ подсказанъ вызваннымъ этими наблюденіями сознаніемъ настоятельной потребности въ единой и сильной государственной власти*, которая бы вывела страну изъ того состоянія анархіи и кулачнаго права, въ которое она была повергнута тридцатью годами внутренней усобицы. Разсматривая ученіе Бодэна съ точки зрѣнія тогдашней политической дѣйствительности, мы найдемъ, что оно отразило на себѣ не столько фактическія отношенія политической дѣйствительности минуты, сколько тѣ *desiderata*, которыя вызывались послѣдними. Можно поэтому сказать, что теорія Бодэна рисовала не дѣйствительность, а идеалъ; но идеалъ, которому предстояло скоро стать дѣйствительностью.

Для того, чтобы видѣть, какимъ образомъ этотъ идеалъ постепенно воплощался въ дѣйствительность, намъ необходимо теперь, послѣ того, что мы прослѣдили процессъ дефеодализаціи королевской власти *въ области идей*, бросить взглядъ на параллельный ему

процессъ такой же дефеодализаціи *въ области фактическихъ отношеній.*

Одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ дефеодализаціи королевской власти во Франціи крылся въ самихъ же феодальныхъ отношеніяхъ, поскольку послѣднія способствовали территоріальному объединенію страны (на что было уже выше указано).

Другимъ существеннымъ факторомъ интересующаго насъ процесса была *постепенная побѣда начала наслѣдственности надъ началомъ избирательности въ порядкѣ передачи королевской короны.* Не слѣдуетъ забывать, что первоначально капетингская монархія была не наслѣдственною, а выборною. Выбирая Гуго Капета въ короли Франціи (987), феодальные сеньеры отнюдь не имѣли въ виду создавать Капетингской *династіи,*— они далеки были отъ мысли отказаться отъ своего права избирать и впредь своихъ королей. Если, тѣмъ не менѣе, фактически Гуго Капетъ сдѣлался родоначальникомъ династіи, а королевская корона изъ избирательной превратилась въ наслѣдственную, то это—благодаря цѣлой совокупности множества обстоятельствъ, изъ которыхъ наиболѣе существенную роль играли: во-первыхъ, *непрерывность мужской линіи въ капетингской фамиліи въ теченіе почти трехъ съ половиною столѣтій* (987—1328); во-вторыхъ, *общая феодальному порядку тенденція къ наслѣдственности всякаго рода функцій* (въ наслѣдственности, вѣдь, и заключалось жизненное начало феодализма); въ-третьихъ, *дальновидная политика самихъ Капетингскихъ королей,* которые искусно умѣли воспользоваться, въ видахъ упроченія своей династіи, обоими отмѣченными обстоятельствами. При наличности этихъ послѣднихъ, каждому изъ королей не стоило особеннаго труда склонить феодальныхъ сеньеровъ къ „избранію" своего старшаго сына, какъ предполагаемаго наслѣдника престола. Вплоть до Филиппа Августа (1180—1223) короля систематически заручались такимъ предварительнымъ „избраніемъ". Начиная съ Филиппа Августа, эта практика прекращается: она становится уже излишнею формальностью. Въ силу длиннаго ряда прецедентовъ, *фактъ* успѣлъ уже пріобрѣсти значеніе *права.* Съ другой стороны, со-

единивъ въ своихъ рукахъ бо́льшую часть крупныхъ феодальныхъ „фьефовъ“ Франціи, король и не нуждался уже болѣе въ согласіи сеньеровъ на передачу короны своему сыну: кто сталъ бы теперь оспаривать ее у него?

Благодаря окончательно утвердившемуся принципу наслѣдственности короны — съ одной стороны, благодаря территоріальному усиленію короля — съ другой, при Филиппѣ Августѣ французская монархія дѣлаетъ первый рѣшительный шагъ къ фактическому отрѣшенію королевской власти отъ ея первоначальныхъ феодально-правовыхъ основъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій эпизодъ. Между прочимъ, Филиппъ Августъ присоединилъ къ своему домену графство Амьенское и, въ силу феодальнаго обычая, принялъ титулъ графа Амьенскаго. Но графы Амьенскіе состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ епископамъ Амьенскимъ, *сюзеренамъ* Амьенскаго графства. Становясь графомъ Амьенскимъ, Филиппъ Августъ дѣлался, въ силу феодальнаго права, *вассаломъ* епископа Амьенскаго, которому, какъ своему *сюзерену*, онъ долженъ былъ, въ силу того же феодальнаго права, принести *присягу вѣрности* (*hommage*). Епископъ Амьенскій стоялъ поэтому вполнѣ на почвѣ права, когда потребовалъ отъ короля такой присяги. „Я не могу, я не долженъ никому давать присяги“, отвѣтилъ король. По какому праву отказался Филиппъ Августъ отъ исполненія одного изъ категорическихъ предписаній феодальнаго права? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: *по праву короля*. Въ лицѣ Филиппа Августа, французская корона заявляетъ, такимъ образомъ, рѣшительное притязаніе стать *внѣ* феодальнаго права, *выше* его. Рядомъ съ ветхимъ зданіемъ *феодальнаго права* корона воздвигаетъ новое зданіе, зданіе *права королевскаго*, то-есть *права государственнаго*. Надъ *феодальнымъ верховенствомъ* (*сюзеренитетомъ*) выростаетъ *верховенство государственное* (*суверенитетъ*).

Было много различныхъ обстоятельствъ, которыя прямо или косвенно помогали французскимъ королямъ въ этой постройкѣ. Сюда принадлежатъ: *крестовые походы*, которые во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, расшатали экономическіе и политическіе устои фео-

дализма; *ростъ городовъ*, въ которыхъ корона находитъ себѣ цѣннаго союзника въ борьбѣ съ своимъ общимъ врагомъ—феодализмомъ; *столѣтняя война*, нанесшая рѣшительный ударъ и матеріальному и военному значенію феодальнаго дворянства, а съ другой стороны подчеркнувшая значеніе короля, какъ живого олицетворенія національнаго единства; *переворотъ въ военной техникѣ*, вслѣдствіе изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія. Но особенно рѣшающее значеніе для усиленія государственнаго значенія и фактическаго могущества короны имѣли два обстоятельства, связанныя съ Орлеанскими генеральными штатами 1439 г. (о которыхъ намъ уже приходилось упоминать по поводу упадка сословно-представительныхъ учрежденій). Обстоятельства эти были: введеніе *постоянной арміи* подъ командой короля и введеніе *постоянной подати* (*taille*) въ пользу королевской казны. Если первое давало коронѣ новое и могучее орудіе власти, передъ которымъ должно было пасовать всякое сопротивленіе, то второе, съ одной стороны, обогащало корону новыми матеріальными средствами, а съ другой—и это главное—*фактически освобождало королевскую власть отъ контроля сословнаго представительства.*

Такъ или иначе, но *къ началу XVI в., то-есть ко времени, когда завершилось территоріальное собираніе Франціи, заканчивается и государственно-правовой процессъ дефеодализаціи королевской власти во Франціи.* Францискъ I (1515—1549) представляетъ собою уже государя въ новомъ, не-феодальномъ смыслѣ, въ смыслѣ государственно-правовомъ. Его власть покоится не на землевладѣніи и не на вѣрности „вассаловъ", не на избраніи, наконецъ. Онъ—государь *Божіею милостію* (*par la grâce de Dieu*), управляющій государствомъ посредствомъ своихъ *людей, чиновниковъ* (*gens du roi, officiers du roi*),—командующій всѣми вооруженными силами королевства,—держащій въ своихъ рукахъ верховный судъ и законодательную власть,—не знающій болѣе никакихъ правовыхъ ограниченій своей власти: однимъ словомъ, онъ—государь и *государь абсолютный.* Не существуетъ болѣе никакой власти въ государствѣ, которая могла бы конкуррировать съ короной. Политическій

абсолютизмъ представляетъ собою совершившійся фактъ. Самъ парижскій парламентъ, тотъ самый парламентъ, который, столѣтіе спустя вдѣлается ярымъ антагонистомъ короны, теперь, не обинуясь, провозглашаетъ во всеуслышаніе неограниченность королевской власти, какъ одно изъ основныхъ началъ государственнаго строя Франціи. „Мы хорошо знаемъ,—говорилъ, обращаясь къ Франциску, отъ имени парламента его президентъ,—*мы хорошо знаемъ, что вы выше законовъ, и ордонансы не имѣютъ для васъ принудительной силы*“. Венеціанскій посолъ при дворѣ Франциска пишетъ: „Отнынѣ королевская воля—все, даже въ дѣлѣ правосудія: никто не осмѣлился бы слушаться своей совѣсти, если бы для этого пришлось ослушаться государя“. Сравнивая настоящее съ былымъ, старые вельможи меланхолически вздыхали: „Когда-то наши короли именовались *reges Francorum* („короли надъ свободными людьми“), теперь имъ слѣдовало бы называться *reges servorum*“ („короли надъ рабами“). При Францискѣ, котораго одинъ изъ новѣйшихъ историковъ (Hanotaux) совершенно справедливо называетъ „первымъ абсолютнымъ государемъ во Франціи“, какъ было выше замѣчено, впервые входитъ въ постоянное употребленіе заключительная формула всѣхъ королевскихъ ордонансовъ: *car tel est notre plaisir*—*поелику таково наше изволеніе*,—формула, сдѣлавшаяся, такъ сказать, сигнатурой „стараго порядка“ во Франціи.

Совершившаяся политическая перемѣна находитъ себѣ внѣшнее наглядное выраженіе въ королевскомъ *дворѣ*, получающемъ новую физіономію; появляется многочисленный и блестящій придворный штатъ съ болѣе или менѣе звучными титулами и громкими именами,—именами знатныхъ феодальныхъ фамилій. *Францискъ I уже полагаетъ начало той политикѣ, которой полнаго расцвѣта предстояло достигнуть при Людовикѣ XIV*,—политикѣ привлеченія феодальной знати къ королевскому двору, чѣмъ достигался тотъ же двоякій результатъ, который намъ пришлось отмѣтить выше, по поводу подобной же политики Изабеллы въ Испаніи: усиленіе внѣшняго блеска и представительности королевской власти съ одной стороны, съ другой—постепенное превра-

щеніе своевольной и непокорной феодальной знати въ дисциплинированную и раболѣпную придворную аристократію. При Францискѣ же мы находимъ и первые зародыши того *придворнаго этикета* и *церемоніала*, которымъ предстояло расцвѣсти столь пышнымъ цвѣтомъ при дворѣ „короля-солнца“.

Итакъ, уже при Францискѣ I, то-есть болѣе чѣмъ за столѣтіе до Людовика XIV, мы видимъ процессъ фактической дефеодализаціи французской монархіи законченнымъ, королевскій абсолютизмъ со всѣми его аксессуарами—совершившимся фактомъ.

По этому королевскому абсолютизму недоставало кое-чего, и кое-чего весьма существеннаго: *ему недоставало прочной организаціи.* Восполнить этотъ пробѣлъ—*организовать абсолютную монархію во Франціи*—выпало на долю слѣдующаго столѣтія. Этимъ, впрочемъ, не исчерпывалась предстоявшая семнадцатому вѣку задача: ему предстояло не только *организовать* абсолютную монархію, но еще и *возсоздать* ее предварительно. Въ самомъ дѣлѣ, семнадцатому вѣку пришлось въ значительной мѣрѣ передѣлать сызнова то дѣло, которое, казалось, уже было окончено въ первой половинѣ шестнадцатаго. Дѣло въ томъ, что во второй половинѣ XVI в. произошла рѣзкая феодальная реакція, которая, казалось, поставила крестъ надъ всѣми результатами, достигнутыми королевскою властью въ предыдущія пять столѣтій. Наступала какъ бы новая феодализація. Причины этой реакціи были двоякаго порядка: однѣ—длительныя, бравшія свое начало въ предшествующемъ развитіи, другія—моментальныя, скоропреходящія.

Причины первой категоріи сводятся къ тому общему факту, который только что былъ отмѣченъ: этотъ фактъ—отсутствіе прочной организаціи абсолютной монархіи, или скажемъ болѣе опредѣленно—*отсутствіе такой административной организаціи, которая бы соотвѣтствовала потребностямъ королевской власти, претендующей на обсолютизмъ.* Королевская власть была абсолютна, всесильна въ томъ смыслѣ, что не было болѣе никакихъ силъ, которыхъ она не могла бы сломить, не было такихъ барьеровъ, черезъ которые она не могла бы перешагнуть; но

этой всесильной власти недоставало *органовъ*, которые бы служили постоянными, ежедневными проводниками ея отъ центра до самыхъ отдаленныхъ окраинъ королевства. Правда, ни въ центрѣ, ни въ провинціи не было недостатка въ *королевскихъ людяхъ, королевскихъ чиновникахъ* (*gens du roi, officiers du roi*): одни изъ нихъ назывались *генералъ-губернаторами* (*gouverneurs généraux*), другіе *казначеями Франціи* (*trésoriers de France*), третьи *королевскими судьями* (*juges royaux*), разныхъ ранговъ и наименованій; наконецъ, *парламенты*—парижскій и нѣсколько провинціальныхъ—точно также состояли изъ „королевскихъ людей". Насколько, однако, всѣ эти „королевскіе люди" были годны въ качествѣ органовъ королевской власти?

Начнемъ съ парламентовъ.

Первоначально парламентъ, сдѣлавшись органомъ легистовъ, былъ усерднымъ проводникомъ королевскаго абсолютизма. И корона мирволила ему и охотно содѣйствовала расширенію его компетенцій и упроченію его авторитета. Къ числу такихъ знаковъ королевскаго благоволенія относится и та мѣра, благодаря которой парламентъ сталъ въ независимое положеніе по отношенію къ самой королевской власти: мы разумѣемъ *несмѣняемость членовъ парламента*, признанную короной въ 1467 г., и сдѣлавшуюся съ тѣхъ поръ одною изъ основныхъ „привилегій" парламента. Существо дѣла не измѣнилось, когда вскорѣ послѣ того, *со введеніемъ продажности парламентскихъ должностей, послѣднія сдѣлались неотъемлемою благопріобрѣтенною и наслѣдственною собственностью своихъ обладателей.* Ставъ, благодаря этому, въ независимое положеніе отъ королевскаго „изволенія", парламентъ не замедлилъ перемѣнить роль послушнаго орудія короны на роль самостоятельной власти, заявлявшей притязаніе контролировать корону. Фактическая утрата генеральными штатами ихъ политическаго значенія (послѣ 1439 г.) какъ бы подсказывала парламенту его новую роль—роль противовѣса королевскому абсолютизму. Формальною основой для притязанія парламента послужило старинное право *регистраціи* (*enregistrement*). Въ качествѣ присяжнаго „хранителя законовъ королевства", парла-

монтъ волъ особые реестры, куда вписывался текстъ всякаго новаго королевскаго ордонанса, при чемъ, въ силу исконнаго обычая, пріобрѣтавшаго силу обязательнаго правила, никакой новый ордонансъ не получалъ силы закона, прежде чѣмъ былъ вписанъ въ парламентскіе реестры. Логическимъ выводомъ изъ этого *права регистраціи* было *право ремонстраціи*. Если парламентъ находилъ извѣстный новый ордонансъ противорѣчащимъ „основнымъ законамъ королевства", то онъ обращался къ королю съ соотвѣтствующими *представленіями* (*remontrances*) объ измѣненіи или совершенной отмѣнѣ даннаго королевскаго акта. Если „представленія" оставлялись королемъ безъ послѣдствій, то парламентъ отказывалъ такому ордонансу въ „регистраціи". Правда, корона никогда не признавала этого присвоеннаго парижскимъ парламентомъ,— а за нимъ и провинціальными — права, почти равносильнаго законодательному *veto*,— и всегда могла прибѣгнуть, въ крайнемъ случаѣ къ принудительной регистраціи посредствомъ такъ называемаго *lit de justice*, т. е. торжественнаго засѣданія парламента въ присутствіи самого короля. Тѣмъ не менѣе, фактически королевской власти приходилось серьезно считаться съ сопротивленіемъ парламента, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній началъ находить себѣ живую поддержку со стороны нарождавшагося общественнаго мнѣнія, и нерѣдко правительство предпочитало брать обратно забракованный парламентомъ ордонансъ или вносить въ него соотвѣтствующія поправки, чѣмъ вызывать открытый конфликтъ съ парламентомъ.

Что касается „королевскихъ судей", „казначеевъ Франціи" и другихъ многочисленныхъ финансовыхъ чиновниковъ, то всѣ они, начиная съ первой половины XVI в., превратились, одни за другими, въ такихъ же наслѣдственныхъ обладателей своихъ благопріобрѣтенныхъ должностей, какими были и члены парламентовъ, и, слѣдовательно, *фактически были независимы отъ центральной власти, органами которой они номинально считались.*

Оставались еще *генералъ-губернаторы*. Какъ регулярное учрежденіе, они ведутъ начало со времени Франциска I: до той

поры генералъ-губернаторы назначались лишь временно и исключительно въ пограничныхъ областяхъ. При Францискѣ впервые все королевство было раздѣлено на двѣнадцать генералъ-губернаторствъ, съ генералъ-губернаторами во главѣ, въ качествѣ непосредственныхъ представителей и органовъ королевской власти въ области. Для того, чтобы эта новая, делегированная въ провинцію власть могла съ успѣхомъ выполнить свою задачу въ обществѣ, въ которомъ феодальная знать имѣла еще много вѣса, на должность генералъ-губернаторовъ необходимо было назначать людей, которые бы могли пользоваться авторитетомъ въ глазахъ этого общества по своему соціальному положенію. Вотъ почему генералъ-губернаторы назначались обыкновенно изъ представителей наиболѣе знатныхъ феодальныхъ фамилій, нерѣдко изъ принцевъ королевскаго дома. Но что же вышло? Благодаря своему независимому соціальному положенію, благодаря своему личному вліянію, а также наслѣдственнымъ навыкамъ самовластія, эти знатные сеньеры оказались малопригодными для роли послушныхъ орудій королевской власти. Дѣйствительно, скоро генералъ-губернаторы начинаютъ разыгрывать въ своихъ обширныхъ ген.-губернаторствахъ роль маленькихъ королей. Они начинаютъ окружать себя придворною помпой; начинаютъ дѣйствовать самовластно, мало обращая вниманія на идущіе отъ центральной власти приказы и инструкціи; однимъ словомъ, обнаруживаютъ замашки былыхъ феодальныхъ владѣтелей и даже на свои области начинаютъ смотрѣть, какъ на свои наслѣдственные „фьефы“. И дѣйствительно, *феодальный принципъ наслѣдственности общественныхъ должностей, далеко не утратившій своей жизнеспособности, съ новою силой возрождается въ этомъ учрежденіи.* Генералъ-губернаторъ обыкновенно при жизни своей спѣшитъ заручиться согласіемъ короля на передачу генералъ-губернаторства своему сыну или другому ближайшему „наслѣднику“, и многія генералъ-губернаторства становятся съ теченіемъ времени какъ бы фамильнымъ достояніемъ различныхъ феодальныхъ „домовъ“; возникаютъ какъ бы генералъ-губернаторскія династіи, нѣчто въ родѣ былыхъ феодально-владѣльческихъ фамилій. Однимъ словомъ, *въ лицѣ г.-губернаторовъ началась какъ бы новая*

феодализація. Въ разгаръ феодальной реакціи, въ эпоху религіозныхъ войнъ, въ средѣ генералъ-губернаторовъ находились лица, которыя не обинуясь предлагали ни болѣе, ни менѣе, какъ „*чтобы тѣ, кто владѣетъ г.-губернаторствомъ въ силу королевскаго порученія, были бы уполномочены сохранить свои г.-губернаторства на правахъ полной собственности, подъ условіемъ феодальной присяги на вѣрность коронѣ*“: то-есть, другими словами, предлагалось ни болѣе, ни менѣе, какъ однимъ разомъ возвратиться къ тому положенію вещей, на борьбу съ которымъ французская монархія потратила нѣсколько вѣковъ безпрерывныхъ усилій.

Слабость монархической организаціи не замедлила обнаружиться самымъ чувствительнымъ образомъ въ эпоху религіозныхъ войнъ: эти послѣднія и представляютъ собою вторую изъ двухъ вышеупомянутыхъ категорій причинъ феодальной реакціи, которою отмѣчена вторая половина XVI в. во Франціи. Въ эту пору многіе генералъ-губернаторы „ведутъ себя, какъ настоящіе короли“, по словамъ одного современника. Они устанавливаютъ и собираютъ въ свою пользу подати, набираютъ войска, ведутъ переговоры и заключаютъ союзы — все это не только безъ согласія и вѣдома короля, но сплошь да рядомъ и прямо противъ него. Когда на долю Генриха IV выпала задача умиротворенія и ликвидаціи внутренней усобицы, ему пришлось вести настоящіе дипломатическіе переговоры съ непокорными мятежными генералъ-губернаторами и дорогою цѣной „выкупать“ у нихъ области, на которыя они уже смотрѣли какъ на свою полную собственность.

Такимъ образомъ, объединенная вѣковыми усиліями въ рукахъ короля государственная власть снова разсыпается, дробится и уплываетъ изъ рукъ короля, захваченная въ центрѣ парижскимъ парламентомъ и главарями обѣихъ борющихся партій, въ областяхъ — провинціальными парламентами и генералъ-губернаторами. Результатомъ всего этого было то, что когда смута наконецъ прекратилась, то коронѣ пришлось почти сызнова начинать то дѣло собиранія государственной территоріи и государственной власти, которое, казалось, было закончено еще въ первую половину XVI вѣка.

Дѣло *реставраціи королевской власти* пошло, впрочемъ, гораздо быстрѣе, чѣмъ шло дѣло ея созиданія. Объясняется это, прежде всего, успѣхами національнаго объединенія, — тѣмъ, что чувство національнаго единства, находившаго себѣ наглядное воплощеніе въ королѣ, успѣло къ тому времени настолько развиться и окрѣпнуть, чтобы воспрепятствовать осуществленію всякихъ попытокъ новаго феодальнаго раздробленія; какъ ни далеко зашли нѣкоторые изъ г.-губернаторовъ въ своихъ сепаратистскихъ поползновеніяхъ, они не находили себѣ твердой почвы ни въ настроеніи своихъ вассаловъ, ни въ настроеніи народныхъ массъ. Далѣе, главную свою силу феодальная реакція черпала въ смутѣ, парализовавшей центральную власть: съ прекращеніемъ смуты, реакція потеряла подъ собою почву, тѣмъ болѣе, что всеобщее чувство утомленія отъ продолжительной усобицы и сопровождавшей ее неурядицы вызвало столь же всеобщую жажду умиротворенія и порядка, котораго всѣ ожидали — и не откуда было болѣе ожидать — отъ королевской власти. Стало быть, *помимо реальныхъ фактическихъ условій, и общественное настроеніе, въ концѣ XVI в., было благопріятно для монархической реставраціи, для реставраціи королевскаго абсолютизма.* Личность Генриха IV (1589—1610), на долю котораго выпало дѣло умиротворенія страны, была какъ нельзя болѣе подходящею для выполненія этой задачи. Генрихъ IV лично былъ настроенъ въ пользу королевскаго абсолютизма и не скрывалъ этого. „Не требуютъ отчета у государя, заявляетъ какъ-то онъ парламенту,—я король и хочу, чтобы мнѣ повиновались“. Воля государя, такимъ образомъ, снова провозглашалась, какъ высшій критерій государственнаго порядка. *Но въ эту возрождающуюся идею легистовъ вносится теперь одинъ новый, совершенно незнакомый „возрожденію“ элементъ: это — идея о божественности королевской власти.* Идея эта была, очевидно, результатомъ религіозныхъ войнъ, въ горнилѣ которыхъ вопросы политическіе и религіозные успѣли сплавиться въ одну нераздѣльную массу. „Кто сказалъ, пишетъ одинъ изъ политиковъ-богослововъ эпохи,—кто сказалъ, что они (государи) боги на землѣ и сыны Всевышняго, тотъ сказалъ сущую

правду". Любопытно отмѣтить въ устахъ современника Генриха IV эти слова, которыя потомъ будутъ повторены, еще съ болѣе законченнымъ и краснорѣчивымъ комментаріемъ, въ сочиненіи знаменитаго современника Людовика XIV, епископа Боссюэта.

Свои идеи о королевской власти—онѣ были въ значительной мѣрѣ и идеями его современниковъ, стоитъ лишь припомнить Бодэна—Генрихъ IV приводитъ, по мѣрѣ возможности, и на практикѣ. Начать съ того, что, вопреки многочисленнымъ прецедентамъ и ожиданіямъ многихъ, Генрихъ, по вступленіи на престолъ, не счелъ нужнымъ созывать генеральныхъ штатовъ, а ограничился лишь созывомъ *именитыхъ гражданъ (notables)* въ Руанѣ (1596), для простого „совѣщанія". Не особенно щадилъ Генрихъ и муниципальныя вольности городовъ, замѣщая при случаѣ выборныя городскія должности по своему усмотрѣнію. Нельзя сказать также, чтобы онъ относился съ неизмѣннымъ уваженіемъ и къ традиціонной независимости суда, не отступая при случаѣ передъ личнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло правосудія,—что, впрочемъ, не противорѣчило тогдашнимъ правовымъ понятіямъ, по которымъ король былъ верховнымъ судьею въ королевствѣ. Не особенно церемонился Генрихъ и съ вольностями „галликанской церкви", назначая, гдѣ нужно, епископовъ по своему усмотрѣнію, и не особенно стѣсняясь каноническими правилами.

Однимъ словомъ, Генрихъ ведетъ себя совершенно, какъ абсолютный государь, и во все продолженіе своего царствованія ни разу не созываетъ генеральныхъ штатовъ. Единственнымъ ограниченіемъ королевскаго абсолютизма является при немъ личная умѣренность и тактъ самого короля, считавшаго за правило, что „король не долженъ дѣлать всего, что можетъ".

Возродившійся при Генрихѣ IV королевскій абсолютизмъ получаетъ еще ту новую окраску, которая съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе интенсивности, придавая французской монархіи тотъ характерный отпечатокъ, которымъ она рѣзко отличается, какъ отъ итальянскаго абсолютизма эпохи Возрожденія, такъ и отъ эксплуататорскаго абсолютизма испанско-

габсбургскаго. Эта особенность абсолютной монархіи во Франціи—особенность эта сдѣлалась потомъ также достояніемъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ XVIII в.– состоитъ въ томъ, что можно назвать *правительственной опекой* (терминъ этотъ появляется гораздо позднѣе, не ранѣе второй половины XVIII в.).

До той поры королевская власть смотрѣла на страну лишь, какъ на одно большое имѣніе, какъ на источникъ доходовъ для королевской казны. Задачи, которыя преслѣдовало королевское управленіе этою обширною доходною статьею, исчерпывались извлеченіемъ изъ нея наивозможно большихъ выгодъ да поддержаніемъ внѣшняго порядка; и органы королевской власти въ провинціи были, съ одной стороны, агенты фиска, съ другой—судьи и полицейскія власти. *Начиная съ Генриха IV, отношеніе королевской власти къ странѣ существеннымъ образомъ измѣняется.* Кромѣ интересовъ королевскаго фиска и поддержанія внѣшняго порядка, правительство начинаетъ интересоваться и самимъ народомъ, начинаетъ принимать во вниманіе интересы населенія. *Правительственныя заботы уже не ограничиваются фискальными и судебно-полицейскими интересами: правительство начинаетъ заботиться о самомъ населеніи, начинаетъ опекать народъ.* Конечно тоже прежде всего съ точки зрѣнія интересовъ государства, даже скажемъ—просто съ точки зрѣнія королевской казны,—только интересовъ болѣе широко понятыхъ. Правительство начинаетъ понимать, что благосостояніе государства и процвѣтаніе государственныхъ финансовъ (или королевской казны, что было одно и то же въ тѣ времена) зависитъ отъ благосостоянія народа и процвѣтанія народнаго хозяйства. Отсюда—прежде всего забота королевской власти о народномъ благосостояніи. *Такъ зарождается правительственная опека надъ народнымъ хозяйствомъ.* Правительство начинаетъ заботиться о развитіи и процвѣтаніи земледѣлія и скотоводства, торговли и промышленности. Дѣлаетъ оно это на первыхъ порахъ—и не только, впрочемъ, на первыхъ—сплошь да рядомъ неуклюже и неумѣло, нерѣдко даже прямо вредитъ дѣлу своимъ неудачнымъ вмѣшательствомъ, но важно то, что *государственная власть*

дѣлаетъ первый сознательный шагъ къ тому, чтобы выйти изъ традиціонной узкой сферы фискально-полицейскихъ интересовъ. Это былъ первый шагъ въ томъ движеніи, которое съ тѣхъ поръ не прекращается и результатомъ котораго было постепенное превращеніе того фискально-полицейскаго государства, образцы котораго мы встрѣчаемъ и въ итальянскихъ деспотіяхъ эпохи Возрожденія, и въ испанской монархіи Габсбурговъ и въ самой Франціи до Генриха IV,—превращеніе этого *фискально-полицейскаго государства* въ *государство культурное*, которое потомъ найдетъ себѣ болѣе полное выраженіе—сначала въ той же Франціи, въ эпоху Кольбера, затѣмъ—въ „просвѣщенныхъ деспотіяхъ“ XVIII в., и наконецъ—во всѣхъ современныхъ государствахъ цивилизованнаго міра.

На первыхъ порахъ сфера попеченій нарождающагося культурнаго государства ограничивается, естественно, лишь областью матеріальныхъ интересовъ, областью народнаго хозяйства и прежде всего—хозяйства сельскаго. Сельское хозяйство въ ту пору было главнымъ источникомъ народнаго богатства. По характерному выраженію Сюлли, одного изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ Генриха IV, „земледѣліе и скотоводство во Франціи, это—два сосца, которыми питается страна“. Отсюда—прежде всего опека надъ сельскимъ хозяйствомъ и забота о сельскомъ хозяинѣ, преимущественно хозяинѣ-пахарѣ, крестьянинѣ. Получивъ разъ извѣстіе, что въ Шампани крестьяне подвергаются грабежамъ со стороны своихъ же солдатъ, Генрихъ немедленно отправилъ гонцовъ съ приказомъ „водворить порядокъ“. „Если разорятъ мой народъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ окружающимъ, кто будетъ меня кормить? кто будетъ нести государственныя повинности? кто будетъ оплачивать ваше жалованье и пенсіи? Боже сохрани! *Кто обижаетъ мой народъ, тотъ меня обижаетъ*“. Генрихъ принимаетъ мѣры къ огражденію земледѣльца не только отъ произвола сеньеровъ (напримѣръ, сеньерамъ было запрещено взимать съ своихъ крестьянъ какіе-бы то ни было поборы и привлекать ихъ къ барщинѣ (corvée) безъ вѣдома и разрѣшенія короля), но и отъ самого королевскаго фиска (было воспрещено отбирать у крестьянъ домашнюю утварь, земледѣльческія

орудія и рабочій скотъ за неуплату податей). Не довольствуясь отрицательными мѣрами *охраненія*, Генрихъ принимаетъ и цѣлый рядъ мѣръ положительныхъ, направленныхъ къ *поощренію* и развитію сельскаго хозяйства: разрѣшается свободная торговля хлѣбомъ внутри королевства и свободный вывозъ его за-границу; по почину и на счетъ короля осушаются болота; принимаются мѣры къ охраненію лѣсовъ отъ истребленія и т. д. Если и не сбылось буквальнымъ образомъ приписываемое Генриху пожеланіе, чтобъ „у каждаго крестьянина по воскресеньямъ была курица въ супѣ“, то во всякомъ случаѣ благожелательныя мѣры этого короля не остались безъ положительныхъ результатовъ. Надломленное въ эпоху религіозныхъ войнъ благосостояніе крестьянъ настолько поправилось при немъ, что одинъ современникъ могъ сказать про нихъ, что „они имѣли достаточное пропитаніе, утварь и даже постели для сна“.

Далѣе, цѣлый рядъ мѣръ принимается Генрихомъ для развитія различныхъ существующихъ въ зачаточномъ состояніи отраслей промышленности, а также для насажденія новыхъ. И въ общемъ мѣры эти были настолько плодотворны, что нѣкоторыя изъ отраслей промышленности во Франціи могутъ считать Генриха своимъ основателемъ. Слава Ліона и Тура, какъ центровъ шелковой мануфактуры, ведетъ свое начало отъ Генриха, по почину котораго здѣсь возникли первыя во Франціи шелковыя фабрики, при чемъ одновременно было положено начало и шелководству; были произведены обширныя насажденія тутовыхъ деревьевъ въ разныхъ частяхъ Франціи, преимущественно на югѣ. Сѣмена тутоваго дерева раздавались всѣмъ желавшимъ безплатно. Генрихъ пытался привлечь къ шелководству не только сельскихъ хозяевъ, но также и духовенство—монастыри, сельскихъ священниковъ. Если въ сѣверной и средней Франціи шелководство не привилось по климатическимъ условіямъ, то на югѣ оно пустило настолько прочные корни, что до сихъ поръ продолжаетъ составлять одну изъ важныхъ отраслей народнаго хозяйства. Генриху же обязаны своимъ началомъ и такія—до сихъ поръ процвѣтающія—отрасли французской промышленности, какъ производство хрусталя и зеркалъ, разныхъ сортовъ цвѣтныхъ кожъ, писчей бумаги, шелковыхъ ковровъ (знаменитая

фабрика *гобеленовъ* была основана при Генрихѣ однимъ частнымъ предпринимателемъ съ крупной субсидіей отъ казны). Вообще, можно сказать безъ преувеличенія, что *французская промышленность въ значительной мѣрѣ ведетъ свое начало отъ Генриха IV.* Его же можно считать и настоящимъ родоначальникомъ той хозяйственной политики, которой, подъ именемъ *покровительственной системы* или *протекціонизма*, суждено было впослѣдствіи — и вплоть до нашихъ дней — играть столь важную роль. Ради покровительства зарождавшимся и вновь насажденнымъ отраслямъ промышленности, былъ воспрещенъ *вывозъ* нѣкоторыхъ сырыхъ продуктовъ (какъ шелка, сырца, шерсти), съ другой стороны *ввозъ* соотвѣтствующихъ категорій фабричныхъ издѣлій изъ-заграницы былъ либо вовсе запрещенъ, либо затрудненъ болѣе или менѣе высокими ввозными пошлинами. Такимъ образомъ, впервые *таможенный тарифъ* является орудіемъ экономической политики въ рукахъ правительства, именно въ качествѣ одного изъ главныхъ средствъ покровительства отечественной промышленности (до тѣхъ поръ ввозныя и вывозныя пошлины разсматривались исключительно съ фискальной точки зрѣнія, то-есть лишь какъ одинъ изъ видовъ казенныхъ доходовъ). Къ этому же времени относится и первая *таможенная* или *тарифная война*—одно изъ роковыхъ послѣдствій протекціонизма. Въ отвѣтъ на повышеніе ввозныхъ пошлинъ въ Испаніи (одномъ изъ главныхъ рынковъ Франціи), Генрихъ IV повысилъ пошлины на испанскіе товары, и началась „таможенная война“. Одинаково невыгодная для обѣихъ сторонъ, она закончилась вскорѣ торговымъ договоромъ. Подобнымъ же торговымъ договоромъ съ Англіей улажены были аналогичныя пререканія, вызванныя таможенною политикою Генриха съ этою страной.

Съ тѣхъ поръ *торговые договоры* становятся все болѣе частыми и пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе важное значеніе въ международной политикѣ. Въ торговыхъ договорахъ покровительственная политика находила себѣ практическій коррективъ противъ крайностей протекціонизма.

Неразрывно связанные съ интересами земледѣлія и промышленности, интересы *торговли* точно также входятъ въ кругъ опекаю-

щей политики Генриха. Принимаются впервые серьезныя мѣры къ улучшенію внутреннихъ *путей сообщенія*. Грунтовыя дороги въ смутную пору религіозныхъ войнъ были совершенно запущены и сдѣлались по большей части непроѣздными; судоходныя рѣки, которыя, при тогдашнемъ бездорожьи, играли очень важную роль въ качествѣ путей сообщенія, сдѣлались тоже мало доступными, частью вслѣдствіе запущенности, частью вслѣдствіе размноженія такъ называемыхъ *пеажей* (*péages*). Такъ назывались рѣчные сборы, взимавшіеся съ проходившихъ по рѣкѣ судовъ прибрежными сеньерами. Въ смутную пору феодальнаго своеволія, разыгравшагося въ особенности во время религіозныхъ войнъ, многіе сеньеры самовольно устроили на рѣкахъ заставы и присвоили себѣ право *пеажей*; послѣдніе въ концѣ концовъ до такой степени размножились, что нѣкоторыя изъ судоходныхъ рѣкъ сдѣлались почти недоступными для торговли. Генрихъ отобралъ у сеньеровъ самовольно захваченные *пеажи*, а также принялъ мѣры къ урегулированію и углубленію рѣкъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ судоходными. Наконецъ, онъ же впервые положилъ начало соединенію рѣчныхъ системъ искусственными *каналами*. Его заботами былъ сооруженъ соединившій Сену съ Луарой знаменитый Бріарскій каналъ, который послужилъ потомъ образцомъ для подобныхъ же сооруженій въ остальной Европѣ. При Генрихѣ же начало было сооруженіе грандіознаго Бургонскаго канала, оконченнаго лишь въ концѣ XVIII столѣтія. При немъ же было задумано другое еще болѣе грандіозное сооруженіе Южнаго или Лангдокскаго канала, осуществленное опять-таки лишь въ XVIII в. Для завѣдыванія путями сообщенія Генрихъ учредилъ особое *дорожное вѣдомство*, съ *Великимъ дорожничимъ Франціи* (*Grand voyer de la France*) во главѣ и съ постояннымъ бюджетомъ въ милліонъ ливровъ—сумма очень крупная по тому времени. Въ этомъ учрежденіи былъ зародышъ будущаго *Главнаго управленія мостовъ и дорогъ* (*Administration générale des Ponts et Chaussées*).

Наконецъ *внѣшняя торговля* точно также не ускользаетъ отъ „опекающаго“ вниманія Генриха. Открытіе Америки и морского пути въ Индію разомъ широко раздвинуло рамки международной

торговли: оно создало *міровую торговлю* въ настоящемъ смыслѣ слова. Этимъ новымъ положеніемъ вещей воспользовались прежде всего Испанія въ Вестъ-Индіи и Португалія въ Остъ-Индіи; вслѣдъ за ними на томъ же поприщѣ выступаютъ Голландія и Англія и наконецъ—Франція. Первые шаги Франціи на этомъ поприщѣ относятся еще къ началу XVI в., но они были задержаны сначала континентальною политикою Франциска I, а затѣмъ наступившею во второй половинѣ XVI в. внутреннею усобицей. При Генрихѣ IV, вмѣстѣ съ подъемомъ экономическаго благосостоянія страны и развитіемъ промышленности и внутреннихъ путей сообщенія, Франція дѣлаетъ первый серьезный шагъ къ завоеванію себѣ одного изъ видныхъ мѣстъ среди торговыхъ націй Европы. Генрихъ старался, съ одной стороны, привлечь иностранныя суда во французскіе порты, пониженіемъ портовыхъ сборовъ, съ другой стороны—привлечь къ занятію морской торговлей зажиточную часть дворянства, отмѣнивъ существовавшее законоположеніе, въ силу котораго дворянинъ, занимавшійся торговлей, лишался дворянскаго званія. Генрихъ предвосхитилъ, между прочимъ, идею Кольбера, учредивъ, по образцу голландской торговой компаніи Остъ-Индской, такую компанію французскую; только мѣра эта такъ и осталась на бумагѣ: очевидно, Франція не была еще въ достаточной степени богата капиталами и предпріимчивыми людьми. Заслуживаетъ также быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что при Генрихѣ IV Франція становится впервые и *колоніальною державой*. При немъ была основана первая французская колонія въ Сѣверной Америкѣ (Канадѣ), получившая названіе *Новой Франціи* (*la Nouvelle France*). Тогда же были сдѣланы первыя попытки—осуществленныя лишь при Ришелье—основать французскую колонію въ Гвіанѣ.

Результатомъ хозяйственной политики Генриха IV было *упорядоченіе финансовъ, уменьшеніе податного бремени* и *подъемъ народнаго благосостоянія*. Порядокъ и бережливость, внесенные Сюлли въ государственное хозяйство, позволили ему значительно уменьшить (съ 20 милліоновъ до 14) наиболѣе тяжелую подать (*талью*), ложившуюся исключительно на непривилегированную массу населенія и преимущественно на крестьянство, и не

смотря на такое сокращеніе — оставить еще довольно значительныя сбереженія. *Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Франція переживала единственный моментъ въ исторіи*: съ тѣхъ поръ податная тяжесть не только никогда болѣе не сокращается, а, напротивъ, не перестаетъ постоянно возрастать; на мѣсто бережливости, все болѣе и болѣе входитъ въ практику расточительность, а на мѣсто сбереженій являются съ непомѣрной быстротой растущіе долги. *Генрихъ IV былъ послѣднимъ изъ французскихъ королей, который оставилъ своему преемнику запасный фондъ*: послѣдующіе короли неизмѣнно завѣщаютъ своимъ преемникамъ долги, размѣры которыхъ увеличиваются съ каждымъ царствованіемъ.

Генриха IV можно назвать вполнѣ абсолютнымъ монархомъ. Но абсолютизмъ этотъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ личностью самого монарха и съ конкретными условіями историческаго момента. *Абсолютизму этому попрежнему недоставало сколько-нибудь прочной организаціи: у королевской власти по прежнему не было постоянныхъ и послушныхъ органовъ.* Органы королевской власти продолжали оставаться все тѣ же, что и прежде; то-есть, въ существѣ дѣла, королевская власть продолжала оставаться безъ органовъ,— безъ такихъ учрежденій, которыя бы давали ей возможность повседневнаго и повсюднаго проявленія и сообщали бы ей ту устойчивость, которой ей до сихъ поръ недоставало.

Выполненіе этой задачи было дѣло XVII в.; оно связано главнымъ образомъ съ двумя именами: кардинала Ришелье и короля Людовика XIV.

II.

Слабость монархической организаціи обнаружилась тотчасъ послѣ смерти Генриха IV, когда королевская власть, за малолѣтствомъ Людовика XIII (1610—1643), оказалась въ слабыхъ рукахъ къ тому же довольно недалекой женщины, Маріи Медичи, объявленной „опекуншей“ своего малѣтняго сына. Все, что,

скрѣпя сердце, склоняло свою голову подъ мощной десницей Генриха IV, теперь снова подняло голову.

Подняли голову магнаты. „Король малолѣтній—будемте совершеннолѣтними“, говорили они. И чтобы доказать свое совершеннолѣтіе, затѣяли возстаніе противъ регентши (1614). Такъ какъ никакихъ серьезныхъ цѣлей возстаніе не преслѣдовало, то фрондирующіе магнаты тотчасъ согласились положить оружіе, какъ только имъ было предложено то, чего они желали: Конде получилъ изъ королевской казны 450.000 ливровъ, Майенн — 300.000 ливровъ „на свадебные расходы“, Лонгвилль—100.000 и т. д., каждый соотвѣтственно съ своимъ вѣсомъ. Операція настолько пришлась по вкусу благороднымъ сеньерамъ, что они не могли себѣ отказать въ удовольствіи возобновить ее два года спустя (1616), и на этотъ разъ съ неменьшимъ успѣхомъ: Конде получилъ цѣлыхъ полтора милліона, его „союзники“—въ соотвѣтствующей пропорціи, при чемъ регентша должна была оффиціально объявить отъ имени короля, что благородными сеньерами „не было сдѣлано ничего такого, что бы не было вполнѣ благоугодно его величеству“. Какъ ни много потеряли своей былой мощи феодальные сеньеры, у нихъ все еще оставалось достаточно силы, для того чтобы при случаѣ надѣлать хлопотъ правительству и напустить страху на центральную власть, въ особенности когда послѣдняя находилась въ слабыхъ рукахъ. Окруженный своими многочисленными „родственниками“, вассалами и приспѣшниками, иной сеньеръ могъ бравировать мѣстнаго представителя королевской власти, генералъ-губернатора; а стоило нѣсколькимъ такимъ сеньерамъ стакнуться устроить „фронду“, и съ ними приходилось серьезно считаться центральной власти. Когда герцогъ Ларошфуко подъ Ларошелью представлялъ королю свою „свиту“ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, онъ съ гордостью заявилъ: „Государь, въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, который бы не приходился мнѣ родственникомъ. Всѣ эти „родственники“ были дворяне, частью сами сеньеры, у которыхъ были тоже свои „свиты“, свои вассалы и своя болѣе или менѣе многочисленная челядь; все это взятое вмѣстѣ могло составить по тогдашнему времени маленькую армію. Сегодня она

была къ услугамъ короля, завтра — противъ него, къ услугамъ „фронды“, и нѣсколько подобныхъ армій, соединенныхъ вмѣстѣ, было достаточно, чтобы перевернуть вверхъ дномъ все королевство. Опытъ Маріи Медичи не былъ первымъ, какъ не былъ и послѣднимъ: армія „фронды“ (1648—1653) составилась изъ такихъ „свитъ“ феодальныхъ сеньеровъ съ ихъ вассалами и челядинцами.

Но и оставляя въ сторонѣ случаи форменнаго возстанія, которыми такъ богато столѣтіе отъ середины XVI до середины XVII в., феодальная знать во всякомъ случаѣ представляла собою элементъ, такъ сказать, хроническаго мятежа. По своимъ сословнымъ традиціямъ, по своимъ наслѣдственнымъ навыкамъ и замашкамъ, классъ этотъ представлялъ собою живое отрицаніе всякаго государственнаго порядка. Грубая сила, возведенная въ принципъ, и личныя саморасправа, возведенная въ правило, вмѣстѣ съ убѣжденнымъ презрѣніемъ ко всякому праву — вотъ основныя черты общественной этики тогдашней феодальной знати. Герцогъ д'Эпернонъ, „немножко тяжелый на руку“, по выраженію очевидца, разсказывающаго этотъ эпизодъ, — встрѣтившись съ архіепископомъ Бордоскимъ, съ которымъ у него были какіе-то личные счеты, начинаетъ бить его палкой приговаривая, что „только уваженіе къ духовному сану мѣшаетъ ему повалить его, архіепископа, на-земь“. На одномъ изъ парижскихъ мостовъ черезъ Сену былъ одно время установленъ незначительный сборъ съ проѣзжавшихъ экипажей, отданный на откупъ одному арендатору; послѣднему, однако, пришлось скоро отказаться отъ взиманія сбора, въ виду того, что „каждодневно ему приходилось подвергаться бранн и побоямъ со стороны различныхъ знатныхъ сеньеровъ, которые отказывались платить сборъ“. Когда герцогъ Шеврезъ, разсказываетъ одинъ современникъ,—устраивалъ свой паркъ въ Дамьерѣ (близъ Парижа), онъ прихватилъ къ нему нѣкоторые изъ принадлежащихъ сосѣдямъ участниковъ; чтобы успокоить ихъ владѣльцевъ, онъ обѣщалъ выдать каждому изъ нихъ ключъ отъ парка, да такъ и остался при одномъ обѣщаніи“. Въ одномъ оффиціальномъ актѣ королевскаго совѣта 1629 г. между прочимъ читаемъ, что „королевскіе пристава не отваживаются приводить въ исполненіе испол-

нительные листы противъ дворянъ, сеньеровъ и вообще вліятельныхъ людей". „Искать управы и правосудія противъ знатнаго сеньера — дѣло, представляющее мало шансовъ на успѣхъ", меланхолически замѣчаетъ одинъ современникъ Людовика XIII.

При такой легкости насилія, при такой ежеминутной готовности прибѣгнуть къ саморасправѣ, самая ничтожная ссора грозитъ кровопролитіемъ, тѣмъ болѣе, что дворяне на дѣлѣ всегда пользовались своимъ исконнымъ правомъ постоянно носить при себѣ оружіе. Это право не было привилегіей одной лишь знати, оно было правомъ всѣхъ дворянъ. Не былъ исключительною привилегіей знати и духъ насилія и культъ самораправы: онъ былъ также достояніемъ всего дворянскаго сословія, отъ знатнаго магната до послѣдняго захолустнаго сеньера или дворянина-бобыля включительно. Въ Беарнѣ чуть было не возникла настоящая междоусобная война среди мѣстнаго дворянства, раздѣлившагося на два лагеря изъ-за двухъ похищенныхъ однимъ сеньеромъ у другого гусенятъ. Въ Провансѣ чуть не разыгрывается кровавая драма изъза подстрѣленнаго однимъ сеньеромъ павлина въ саду другого сеньера. Родственники и друзья потерпѣвшаго вооруженной толпой отправляются на помощь къ своему родичу, и только предусмотрительность и распорядительность мѣстнаго генералъ-губернатора разставившаго вооруженные пикеты на всѣхъ переправахъ черезъ рѣку Дюрансъ, которую надо было перейти этой экспедиціи, предотвратила кровопролитіе. Отъ кулачной, палочной, а при случаѣ и кровавой расправы со своимъ обидчикомъ, не далеко до приложенія своихъ воинственныхъ наклонностей къ первому встрѣчному. Такъ, одинъ дворянинъ „имѣлъ обыкновеніе выходить подъ вечеръ на улицу и изъ-за угла нападать на перваго встрѣчнаго, нанося ему удары шпагой, и это ради простой шалости"; другой дворянинъ-бобыль, не имѣя возможности содержать слугу, выходитъ вечеромъ на улицу, останавливаетъ перваго встрѣчнаго изъ „простыхъ", и угрожая ему пистолетомъ, заставляетъ его разуть и уложить въ постель. Отсюда — до форменнаго грабежа на большой дорогѣ одинъ небольшой шагъ, и этотъ шагъ дѣлало не мало дворянъ изъ числа обездоленныхъ младшихъ сыновей дворянскихъ

семей. Шампанскій дворянинъ Клэншанъ, получившій въ свое командованіе армейскій корпусъ, а до той поры снискивавшій себѣ средства къ существованію на большой дорогѣ, не составлялъ исключенія. Иногда карьера рыцаря большой дороги оказывалась настолько блестящей, что—по крайней мѣрѣ на время — доставляла иному захудалому и обездоленному дворянчику положеніе настоящаго феодальнаго потентата былыхъ временъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ бретонскаго дворянина Гильри. Набравъ себѣ „свиту“ до 400 человѣкъ, частью изъ такихъ же дворянъ-бобылей, какъ и онъ самъ, частью изъ оставшихся послѣ войны не у дѣлъ солдатъ, онъ находитъ укромный уголокъ въ глухихъ лѣсахъ на границахъ Бретани и Пуату и строитъ здѣсь „замокъ“, окруженный частоколомъ и рвами съ подъемными мостами,—оборудованный затѣмъ артиллеріей, мушкетами, аркебузами, гранатами, петардами и всякой аммуниціей. Отправляясь съ своею удалою дружиною въ экспедицію, Гильри всюду оставлялъ по пути на деревьяхъ и столбахъ лаконическую надпись, въ которой онъ объявлялъ „миръ дворянамъ, смерть жандармамъ“ и только у купцовъ просилъ ихъ „кошелекъ“. Ободренный успѣхами первыхъ экспедицій, Гильри расширилъ театръ своихъ операцій на югъ и востокъ вплоть до Гюэни и Ліоннэ. Скоро ни одинъ купецъ не отваживался болѣе торговать въ этихъ областяхъ. Правительство вынуждено было выслать противъ Гильри цѣлый корпусъ въ четыре съ половиною тысячи солдатъ,—которому не безъ труда удалось овладѣть замкомъ Гильри.

Однимъ словомъ, *сверху до низу феодальное дворянство было пропитано въ изучаемую эпоху тенденціями и навыками, совершенно несовмѣстимыми съ какимъ бы то ни было государственнымъ порядкомъ.* Вслѣдъ за высшей знатью и все остальное дворянство стремится къ эмансипаціи ото всего, что такъ или иначе могло стѣснять его „свободу“, а какъ понимало оно свою свободу, это мы сейчасъ видѣли. Кардиналъ Ришелье, самъ принадлежавшій по своему рожденію къ дворянскому сословію и имѣвшій возможность хорошо изучить его, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Дворянство не признаетъ иной свободы, кромѣ

свободы чинить безнаказанно всякія лихія дѣла; на всякую попытку удержать его въ предѣлахъ, предписываемыхъ справедливостью, оно смотритъ, какъ на стѣсненіе своей свободы".

Для кардинала Ришелье, у котораго на первомъ планѣ стоялъ *государственный интересъ (la raison d'état)*, заключавшійся въ ту пору главнымъ образомъ въ водвореніи внутренняго порядка и упроченія государственной власти, важно было „реформировать" дворянство, поскольку оно являлось отрицательной, противогосударственной силой. Поэтому первымъ дѣломъ Ришелье, послѣ того, какъ онъ получилъ свое властное положеніе (1624), было—сломить господствовавшій въ дворянствѣ духъ своеволія и пріучить его къ повиновенію государственной власти. Отсюда—рядъ суровыхъ мѣръ. Нѣсколькимъ мятежнымъ магнатамъ пришлось сложить свои головы на плахѣ, другіе должны были доживать остатокъ дней своихъ въ мрачныхъ казематахъ Бастиліи. Затѣмъ, въ 1626 г. вышелъ, по его иниціативѣ, королевскій эдиктъ, предписывавшій „сравнять съ землей всѣ укрѣпленные замки, не находящіеся вблизи границъ". Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одинъ за другимъ взлетали на воздухъ и падали грудами развалинъ вѣковыя стѣны старинныхъ феодальныхъ замковъ, долго служившихъ очагами сопротивленія и опорами мятежей противъ королевской власти. Не столько, впрочемъ, дѣйствительная опасность для короля—большинство этихъ замковъ не представляли болѣе никакого стратегическаго значенія—были настоящимъ мотивомъ этой разрушительной работы, сколько то *символическое значеніе*, которое было связано съ этими живыми памятниками еще не забытыхъ феодальныхъ „вольностей". Снесеніе замковъ имѣло значеніе не столько фактическаго, сколько символическаго сокрушенія феодальной знати. Наконецъ, по почину же Ришелье, былъ изданъ королевскій эдиктъ, противъ *дуэлей*, подъ страхомъ смертной казни. Дуэли были настоящею казнью, въ которой дворянство играло одновременно роль палача и жертвы. Онѣ были не только до крайности часты, но и крайне кровопролитны и граничили подъ-часъ съ настоящими битвами. Дуэль того времени, это не былъ уединенный, прячущійся отъ нескромныхъ взоровъ поединокъ, обставленный множествомъ ритуаль-

ныхъ формальностей. Дуэль была такая же драка, какъ и всякая другая, только съ оружіемъ въ рукахъ. Дуэль возникала тамъ же и въ тотъ же моментъ, гдѣ и когда возникалъ къ тому поводъ: въ трактирѣ, на площади, на улицѣ, среди бѣла дня. Если дерущіеся были не одни, то и ихъ друзья, ихъ случайные спутники принимали участіе въ общей свалкѣ. Дуэль сплошь да рядомъ превращалась въ форменную баталію, въ которой съ той и съ другой стороны принимали участіе по десяти, по двадцати, по тридцати противниковъ и болѣе. *Дуэль носила всѣ признаки частной войны, „переживаніе“ которой она собой представляла.* Дворянская дуэль продолжала, подобно частной войнѣ, служить постояннымъ элементомъ усобицы въ странѣ. Вполнѣ понятна та рѣшительность, съ которою ополчился противъ этой стороны дворянскихъ нравовъ Ришелье. Суровыя мѣры, впрочемъ, не оправдали его ожиданій. Навыки населенія и самосправы были еще слишкомъ сильны, традиціи частныхъ войнъ слишкомъ живучи, а правовое сознаніе слишкомъ мало развито въ тогдашнемъ дворянскомъ сословіи, чтобы можно было искоренить зло одними предписаніями и строгостями. Запрещенная дуэль пріобрѣла лишь новую привлекательность запрещеннаго плода и связаннаго съ нею сугубаго риска. Графъ Бутвилль, приговоренный къ смертной казни за дуэль, спасается въ Бельгію, потомъ нѣсколько времени спустя возвращается тайкомъ въ Парижъ и здѣсь, въ центрѣ города, на Королевской площади, среди бѣла дня вступаетъ въ новую дуэль— трое на трое. Одинъ изъ „секундантовъ“ Бутвиля падаетъ мертвый; самого Бутвилля вмѣстѣ съ другимъ „секундантомъ“ арестуютъ, судятъ, приговариваютъ къ смертной казни, и приговоръ немедленно приводится въ исполненіе,— „для примѣра“. „Примѣръ“ не имѣлъ, однако, ожидаемаго дѣйствія; дуэли не прекращались — дрались чуть не на глазахъ самого короля, подъ окнами дворца, — и въ концѣ концовъ правительство махнуло рукою и стало смотрѣть сквозь пальцы на ежедневное нарушеніе драконовскаго закона, тѣмъ болѣе, что Ришелье, самъ принадлежавшій и по рожденію и по воспитанію, къ дворянскому сословію, въ душѣ раздѣлялъ взгляды и вкусы послѣдняго (въ своихъ мемуарахъ Ришелье не скрываетъ

своего восхищенія передъ Бутвиллемъ). Вотъ почему, сокрушая (или, по крайней мѣрѣ, пытаясь сокрушить) дворянство, какъ политическую силу, Ришелье былъ далекъ отъ мысли—подкапываться подъ его соціальное и экономическое положеніе, какъ привилегированнаго сословія. Напротивъ, онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы поддержать, насколько возможно, это привилегированное положеніе, охранить его отъ тѣхъ новыхъ силъ, которыя начинали его подтачивать. Ришелье даже высказывалъ сожалѣніе, что дворянство „съ нѣкотораго времени такъ унижено, благодаря размноженію недворянскихъ должностей, возникшихъ къ его ущербу", и считалъ нужнымъ „поддерживать дворянство противъ этихъ людей". Поэтому, въ своемъ *Политическомъ завѣщаніи (Testament politique)* Ришелье рекомендуетъ, напримѣръ, представлять офицерскія должности исключительно дворянамъ. *Эта дворянская тенденція Ришелье особенно заслуживаетъ быть отмѣченною,* не столько впрочемъ потому, что она шла въ разрѣзъ съ абсолютистскими тенденціями его внутренней политики, столько потому, что *тенденція эта становится съ тѣхъ поръ однимъ изъ неизмѣнныхъ руководящихъ принциповъ старой французской монархіи, вплоть до послѣднихъ лѣтъ „стараго порядка". Съ утратой своего политическаго значенія, французское дворянство не только не теряетъ своего привилегированнаго положенія въ соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ, но можно сказать, что его соціальныя и экономическія привилегіи возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ падаетъ его значеніе, какъ политической силы.* Такъ или иначе, Ришелье оставилъ во всей ихъ неприкосновенности тѣ изъ дворянскихъ привилегій, которыя не имѣли чисто политическаго значенія. Такъ, за дворянскимъ сословіемъ была сохранена исконная привилегія не платить *тальи*, королевской подати, хотя въ это время оно фактически уже не несло на себѣ тяжести воинской повинности, которую прежде оправдывалась эта привилегія. Не говоря о множествѣ различныхъ *почетныхъ правъ (droits honorifiques)*, Ришелье не тронулъ и массы чисто *хозяйственныхъ правъ* (*droits utiles*) помѣстнаго

дворянства въ отношеніи къ крестьянскому населенію ихъ сеньерій, хотя, опять-таки, права эти и перестали уже оправдываться положеніемъ дѣлъ, такъ какъ сеньеры въ это время уже не несли на себѣ тягости мѣстнаго управленія, отъ котораго ихъ освободили мало-по-малу королевскіе чиновники, и въ особенности нарождающіеся провинціальные *интенданты* съ ихъ *субделегатами* (о которыхъ намъ придется говорить обстоятельнѣе ниже). Наконецъ, нетронутымъ остался и *сеньеріальный судъ*, который служилъ одною изъ наиболѣе прочныхъ основъ привилегированнаго соціальнаго положенія дворянства, такъ какъ, помимо той вліятельности, которая была связана съ правомъ суда, послѣднее сопряжено было и съ болѣе или менѣе значительными матеріальными выгодами для его обладателей.

На ряду съ феодальнымъ дворянствомъ, на рубежѣ XVI и XVII в. выдвигается новая политическая сила, съ которой приходится серьезно считаться королевской власти: это — *протестанты*.

Пользуясь тѣми широкими полномочіями, которыя были даны протестантамъ *Нантскимъ эдиктомъ* (1598) не только, какъ церкви, но и какъ политической общинѣ, они, по смерти Генриха IV, спѣшатъ внести и свою долю активнаго участія въ вспыхнувшую общую реакцію противъ королевской власти, тѣмъ болѣе, что съ переходомъ королевской власти въ руки матери малолѣтняго короля, протестанты опасались новаго поворота правительственной политики въ сторону католической реакціи. На *общемъ съѣздѣ* (*assemblée générale*) протестантскихъ депутатовъ королевства въ Сомюрѣ (1611) вырабатывается новая, болѣе сплоченная организація французскихъ протестантовъ, не только какъ вѣроисповѣдной, но и какъ политической общины. Помимо церковной организаціи, въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, все королевство раздѣлено на округа, каждый подъ управленіемъ выборнаго собранія; центральное управленіе протестантскою общиною всего королевства находится въ рукахъ *общаго собранія* (*assemblée générele*) изъ протестантскихъ депутатовъ всего королевства. Протестанты не только не думаютъ о возвращеніи королю своихъ двухсотъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя по Нантскому эдикту были

временно оставлены въ ихъ рукахъ, но и принимаютъ, наоборотъ, мѣры къ дальнѣйшему упроченію своей военной силы. Для содержанія своихъ „губернаторовъ“ (комендантовъ) и гарнизоновъ, они взимаютъ въ свою пользу часть королевскихъ податей и сверхъ того устанавливаютъ спеціальный налогъ на своихъ единовѣрцевъ. *Однимъ словомъ, дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ объ организаціи настоящаго государства въ государствѣ: протестантской республики въ католическомъ королевствѣ.* Протестанты до такой степени буквально понимаютъ значеніе своей общины, какъ особаго государства, какъ самостоятельной, суверенной державы, что вступаютъ въ дипломатическіе переговоры съ Англіей, съ Голландіей, съ протестантской Германіей. И эта протестантская республика уже настолько сильна въ началѣ XVII в., что она въ состояніи серьезно соперничать съ французской монархіей. Въ числѣ находящихся въ рукахъ протестантовъ крѣпостей имѣются первоклассныя, какъ Монтобанъ, Монпелье, Ларошель,—не уступающія лучшимъ королевскимъ крѣпостямъ. Ихъ армія можетъ поспорить съ королевскою, а военный флотъ съ своею укрѣпленною гаванью въ Ларошели не уступаетъ королевскому.

И вотъ, когда въ 1620 г. Людовикъ XIII (уже достигшій совершеннолѣтія) захотѣлъ привести въ исполненіе данное его отцомъ папѣ обѣщаніе возстановить свободу католическаго богослуженія въ протестантской области Беарнѣ, тогда *общее собраніе* въ Ларошели объявило королю войну, во имя *„основного закона республики реформированныхъ церквей Франціи и Беарна“*. Протестанты не скрывали болѣе намѣренія организоваться въ независимое государство, въ *республику* (самое слово было наконецъ сказано) по образцу протестантской Голландіи, успѣшная борьба которой противъ католическаго правительства Испаніи не могла не дѣйствовать, какъ ободряющій примѣръ, на французскихъ протестантовъ. Около трехъ лѣтъ держались протестанты противъ королевской арміи, которой не разъ наносили пораженія. Но въ концѣ концовъ протестантамъ, которыхъ покинули ихъ наиболѣе видные вожди, перешедшіе въ католичество, пришлось пойти на уступки. По миру въ Монпелье (1629) въ рукахъ протестантовъ были

оставлены только двѣ крѣпости, при чемъ были подтверждены всѣ остальныя гарантированныя протестантамъ Нантскимъ эдиктомъ вольности. Эти условія мира, равно какъ и самый фактъ *мирнаго договора*, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что побѣда монархической Франціи надъ протестантскою республикою далеко не была полною: протестантское государство въ государствѣ продолжало оставаться, хотя и въ значительно урѣзанномъ видѣ.

Пока существовалъ этотъ порядокъ вещей, о единствѣ государственной власти, въ возстановленіи и упроченіи которой Ришелье видѣлъ задачу своей жизни, не могло, разумѣется, быть и рѣчи. Ришелье не удержала даже перспектива неизбѣжной новой междоусобной войны. Сопротивленіе—послѣднее и потому отчаянное—было окончательно сломлено послѣ продолжительной и убійственной для обѣихъ сторонъ осады Ларошели, послѣдняго оплота протестантской независимости (1628), *и это былъ конецъ протестантскаго государства въ государствѣ. За протестантами были сохранены всѣ вѣроисповѣдныя вольности и гражданскія права, гарантированныя Нантскимъ эдиктомъ, но политическая и военная организація протестантской общины была безвозвратно уничтожена.* Это былъ актъ государственнаго человѣка, какимъ и былъ Ришелье до мозга костей,—но это не былъ актъ религіознаго фанатика, какимъ никогда не былъ Ришелье. Онъ доказалъ это не только своею внѣшнею политикой, поддерживая германскихъ протестантовъ противъ католическаго правительства Габсбурговъ, но и во внутренней политикѣ, назначая на самыя важныя и отвѣтственныя государственныя и военныя должности безразлично католиковъ и протестантовъ. *Въ этомъ отношеніи политика Ришелье самымъ существеннымъ образомъ отличается отъ позднѣйшей политики французскаго правительства, проникнутой духомъ религіозной нетерпимости въ духѣ Филиппа II Испанскаго. Политика Ришелье не имѣла ничего общаго съ католическою реакціей:* на его „эдиктъ милости“ (*edit de grace*)—такъ назывался законодательный актъ, регулировавшій положеніе протестантовъ послѣ взятія Ларошели—никоимъ образомъ нельзя смо-

трѣть какъ на историческое предисловіе къ „эдикту отмѣны“ (отмѣны Нантскаго эдикта—при Людовикѣ XIV).

Парламентъ, неохотно сносившій повелительный тонъ Генриха IV, точно также поднялъ голову, лишь только послѣдній навѣки закрылъ глаза. Парламентъ нашелъ тѣмъ болѣе благопріятную почву для своихъ притязаній на значеніе политической силы, что вслѣдствіе малолѣтства наслѣдника престола, на долю парламента выпала важная политическая миссія—назначить „опеку“ надъ королемъ. Правительница Марія Медичи, въ качествѣ „опекунши“ являлась, такимъ образомъ, ставленницей парламента. Насколько ему удалось снова завоевать утраченное было вліятельное положеніе и упрочить свой контроль надъ короной въ дѣлѣ законодательства, можно судить по тому, что самъ Ришелье въ началѣ своего правленія находилъ нужнымъ сопровождать посылаемые парламенту для регистраціи королевскіе ордонансы препроводительными приписками такого рода: „для дальнѣйшаго движенія, если онъ (парламентъ) найдетъ ихъ (данные ордонансы) полезными, или для ихъ уничтоженія, если это будетъ имъ признано за лучшее“. Съ точки зрѣнія того идеала монархическаго абсолютизма, который преслѣдовалъ Ришелье, подобный порядокъ вещей былъ, очевидно, недопустимъ. Его можно было терпѣть лишь какъ неизбѣжное зло, и только временно—впредь до перваго удобнаго случая. Какъ только такой случай представился, Ришелье поступилъ, по своему обыкновенію, рѣшительно, категорично и быстро. „У васъ нѣтъ иной власти—такъ говоритъ кардиналъ, обращаясь къ парламенту въ 1636 г.—у васъ нѣтъ иной власти, кромѣ той, которая вамъ дана королемъ, ни иныхъ полномочій, кромѣ тѣхъ, которыми онъ васъ облекъ“. Парламенту было рѣшительно поставлено на видъ, что его дѣло—*судъ*, что вопросами правосудія исчерпываются его полномочія, а „политика и администрація“ его вѣдѣнію отнюдь не подлежатъ. На этомъ основаніи парламенту отъ имени короля предписывалось—всѣ эдикты, касающіеся „политики и администраціи“, вписывать въ свои реестры безъ дальнѣйшихъ формальностей: всякаго рода „представленія“ по ихъ поводу строго воспрещались. Послѣднія разрѣшались впредь лишь по поводу „финансовыхъ эдик-

товъ", но съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ случаѣ, еслибы „представленія" парламента оставлены были королемъ безъ послѣдствій, то эдикты подлежали немедленной регистраціи безъ дальнѣйшихъ околичностей. Самыя представленія должны были имѣть форму ходатайствъ, почему впредь воспрещалось употребленіе такихъ притязательныхъ формулъ, какъ „мы не можемъ и не должны", nous ne pouvons ni ne devons (заносить въ реестръ тотъ или другой эдиктъ), „какъ оскорбительныхъ для королевской власти".

Нужно замѣтить вообще, что, начиная съ первой половины XVII в., борьба между короной и парламентомъ пріобрѣтаетъ болѣе острый и болѣе постоянный характеръ. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что тогда какъ ранѣе парламентъ былъ лишь одною изъ оппозиціонныхъ преградъ королевскому абсолютизму, *теперь съ первой половины XVII в., онъ становится главною, можно даже сказать — единственною преградою, и въ качествѣ таковой, отнынѣ парламентъ концентрируетъ въ себѣ всѣ остающіеся въ странѣ элементы сопротивленія королевскому абсолютизму.* Особенно важное значеніе въ данномъ отношеніи имѣлъ фактъ прекращенія сословнаго представительства въ лицѣ генеральныхъ штатовъ: съ тѣхъ поръ какъ въ мартѣ 1615 г. были распущены собравшіеся въ октябрѣ предыдущаго года генеральные штаты, послѣдніе не созывались болѣе вплоть до „генеральныхъ штатовъ", созванныхъ въ маѣ 1789 г. и превратившихся въ іюнѣ въ „національное собраніе". *Съ прекращеніемъ генеральныхъ штатовъ, парламентъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на моральнаго замѣстителя и преемника ихъ въ роли выразителя „общаго мнѣнія" страны*, которое, дѣйствительно, не имѣло никакого иного органа для своего выраженія, въ особенности же для выраженія оппозиціоннаго настроенія противъ центральной власти. Въ своей оппозиціи противъ правительства парижскій парламентъ находилъ себѣ поддержку со стороны провинціальныхъ парламентовъ, изъ которыхъ нѣкоторые находили для себя спеціальные мотивы для самостоятельной оппозиціи противъ центральной власти. Дѣло въ томъ, что кромѣ обще-земскаго представительства въ

генеральныхъ штатахъ, многія изъ областей имѣли также свое мѣстное сословное представительство въ лицѣ *провинціальныхъ штатовъ* (*états provinciaux*), обладавшихъ болѣе или менѣе обширными „правами и привилегіями“, основанными либо на старинныхъ „грамотахъ“, либо на договорахъ, либо, наконецъ, на незапамятномъ обычаѣ. Самымъ важнымъ изъ этихъ правъ было право вотированія субсидій королю отъ области, обыкновенно въ формѣ и подъ именемъ *добровольнаго дара* (*don gratuit*). Съ подобнымъ порядкомъ вещей, разумѣется, трудно было мириться центральной власти, стремившейся къ абсолютизму и централизаціи. *Начиная со времени Ришелье, центральная власть ведетъ систематическую аттаку противъ этихъ провинціальныхъ вольностей, либо ограничивая права отдѣльныхъ провинціальныхъ штатовъ, либо, при случаѣ, уничтожая такіе штаты въ отдѣльныхъ областяхъ.* По отношенію къ областнымъ парламентамъ уничтоженіе мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ имѣло приблизительно такое же значеніе, какъ прекращеніе генеральныхъ штатовъ—для парижскаго парламента, т. е. *провинціальные парламенты стремились играть роль преемниковъ и замѣстителей исчезнувшаго сословнаго представительства областей*, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ увеличеніи предъявляемыхъ фискомъ къ области требованій.

Какъ бы то ни было, провинціальные парламенты, естественно, раздѣляли судьбу своего старшаго собрата, парижскаго парламента: ихъ право „представленій“ было точно также ограничено при Ришелье.

Мы познакомились, такимъ образомъ, съ тою стороною внутренней политики Ришелье, которую можно назвать *отрицательною*, поскольку Ришелье имѣлъ въ виду парализовать или сломить силы, противодѣйствовавшія абсолютизму центральной власти: *дворянство, протестантовъ, парламенты, остатки сословно-представительныхъ учрежденій*. Теперь намъ необходимо бросить взглядъ на другую, *положительную* сторону его дѣятельности, такъ сказать, созидательную, именно—поскольку она

имѣла въ виду создать то, чего до сихъ поръ не хватало королевской власти: *соотвѣтствующую административную организацію.*

Нужно замѣтить, что *организаторская дѣятельность Ришелье въ данномъ направленіи не имѣла характера единой планомѣрной реформы, цѣликомъ выработанной и проведенной путемъ ряда послѣдовательныхъ законодательныхъ мѣръ.* Въ этомъ отношеніи Ришелье былъ вѣрнымъ продолжателемъ традиціонныхъ пріемовъ французскихъ королей, потихоньку возводившихъ новое зданіе рядомъ со старымъ, не столько ломая послѣднее, сколько предоставляя ему разрушаться отъ собственной ветхости. Слѣдуя этой традиціонной политикѣ, Ришелье вовсе не думалъ создавать *tabulam rasam* на мѣстѣ существующихъ учрежденій, чтобы очистить мѣсто для своей постройки. Воздвигая новое зданіе рядомъ со старымъ, онъ старается, насколько возможно, пользоваться старымъ же, имѣющимся подъ рукой, матеріаломъ. Въ результатѣ получается коренная перемѣна въ существѣ дѣла, мало, однако, замѣтная по внѣшности. Прежнія учрежденія, прежнія должности почти всѣ продолжаютъ существовать, и поверхностный взглядъ можетъ даже не замѣтить новыхъ учрежденій и должностей. Но если пристальнѣе присмотрѣться къ дѣлу, то окажется, что одни изъ этихъ старыхъ учрежденій утратили свое прежнее значеніе, не пріобрѣтя взамѣнъ его новаго,—другія, не потерявъ прежняго, пріобрѣли вдобавокъ такое новое значеніе, которое въ сущности дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто уже совершенно новое по существу.

Къ числу учрежденій первой изъ двухъ названныхъ категорій принадлежатъ такъ называемые *высшіе коронные чины* (*grands officiers de la couronne*)—въ центрѣ, *генералъ-губернаторы* (*gouverneurs généraux*) и *финансовыя присутствія* (*bureaux des finances*)—въ области; къ учрежденіямъ второй категоріи—*королевскій совѣтъ* (*conseil du roi*) и *статсъ-секретари* (*secrétaires d'état*)—въ центрѣ и *интенданты* (*intendants*) съ подчиненными имъ *субделегатами* (*subdélégués*) въ области.

Должности *высшихъ коронныхъ чиновъ*, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались различныя отрасли внутренняго управленія, фактически сдѣлались по большей части наслѣдственнымъ, фамильнымъ достояніемъ различныхъ знатныхъ „домовъ“ изъ феодальной аристократіи. Ясно, насколько подобные „чины“ были пригодны въ качествѣ органовъ королевской власти. При Ришелье происходитъ существенная перемѣна въ положеніи дѣлъ, хотя перемѣна эта была въ значительной степени слѣдствіемъ независимаго отъ личнаго почина Ришелье процесса; Ришелье лишь способствовалъ ускоренію этого процесса, который до него начался и послѣ него продолжался. Сущность этого процесса заключается въ постепенномъ, такъ сказать, вывѣтриваніи учрежденія высшихъ коронныхъ чиновъ, которые мало-по-малу *утрачиваютъ свою дѣйствительную правительственную роль, постепенно превращаясь въ придворныя синекуры съ болѣе или менѣе громкими титулами, но безъ всякихъ реальныхъ функцій: послѣднія мало-по-малу переходятъ къ королевскому совѣту и къ статсъ-секретарямъ.*

Уже до Ришелье *королевскій совѣтъ* начинаетъ заслонять собою *высшіе коронные чины.* Всѣ важнѣйшіе законодательные и административные акты подготовляются совѣтомъ и большая часть актовъ королевской воли издается отъ имени „короля въ своемъ совѣтѣ“ („le roi en son conseil“). *Совѣтъ становится какъ бы безличнымъ воплощеніемъ высшей правительственной власти.* Ришелье не внесъ никакой существенной перемѣны въ это положеніе дѣла; только *онъ сдѣлалъ совѣтъ болѣе послушнымъ орудіемъ королевской власти*, сокративъ число независимыхъ членовъ его, засѣдавшихъ не въ силу королевскаго назначенія, а по праву рожденія или въ силу привилегіи сана,— и, наоборотъ, увеличивъ число „совѣтниковъ“ по назначенію короны. Фактически совѣтъ при Ришелье наполнился креатурами перваго министра и былъ его послушнымъ орудіемъ, почему Ришелье не только не пытался съузить правительственную дѣятельность совѣта, а даже благопріятствовалъ ея расширенію. Благодаря этому, роль совѣта послѣ Ришелье – со смертью котораго онъ освободился

отъ его властной ферулы—становится еще болѣе важной, чѣмъ до него.

Расширеніе правительственной дѣятельности и возвышеніе правительственнаго значенія королевскаго совѣта должно было, естественнымъ образомъ, отразиться и на роли его ближайшихъ органовъ, статсъ-секретарей. Статсъ-секретари (*secrétairse d'état*), это первоначально были канцелярскіе чиновники, состоявшіе въ распоряженіи совѣта. Черезъ ихъ руки проходили „депеши", адресованныя совѣту, на нихъ же лежала обязанность составлять, по порученію совѣта, различныя „депеши" и отправлять ихъ по назначенію. Однимъ словомъ, это были простые канцелярскіе посредники между совѣтомъ и прочими административными учрежденіями. *Съ постепеннымъ расширеніемъ правительственной дѣятельности совѣта и усложненіемъ административнаго дѣлопроизводства, статсъ-секретари пріобрѣтали все болѣе и болѣе активную роль въ становившейся все болѣе и болѣе бюрократической дѣятельности совѣта.* При Ришелье, который былъ не только первымъ, но въ сущности единственнымъ министромъ (который и королевскій совѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ), *статсъ-секретари* стали въ ближайшую зависимость отъ перваго министра, и эта зависимость была, можетъ быть, даже болѣе тѣсною и непосредственною, чѣмъ традиціонная зависимость ихъ отъ совѣта. Эта частичная эмансипація отъ королевскаго совѣта успѣла за долгое время правленія Ришелье (1624—1642) пріобрѣсти значеніе какъ бы правовой нормы. Когда сверхъ этой освященной давностью и фактически упрочившейся независимости по отношенію къ совѣту, со смертью кардинала, статсъ-секретари освободились и изъ-подъ властной ферулы перваго министра, они тѣмъ самымъ пріобрѣли еще болѣе самостоятельности: *изъ канцелярскихъ чиновниковъ они превратились почти въ министровъ. Въ нихъ, дѣйствительно, можно видѣть историческихъ предшественниковъ позднѣйшихъ министровъ.*

Въ статсъ-секретаряхъ, этихъ назначаемыхъ короной и по королевскому мановенію смѣщаемыхъ чиновникахъ, Ришелье приго-

товилъ — въ значительной мѣрѣ безсознательно — то гибкое и послушное орудіе королевской власти, котораго она не могла найти ни въ прежнихъ, слишкомъ независимыхъ „высшихъ коронныхъ чинахъ“, ни въ слишкомъ неповоротливомъ совѣтѣ.

Исторія статсъ-секретарей послѣ Ришелье есть исторія постепеннаго и безпрерывнаго роста ихъ правительственнаго значенія. При Людовикѣ XIV ихъ будутъ уже величать *монсеньерами* (*monseigneur*) — титулъ, остававшійся до тѣхъ поръ исключительною привилегіей принцевъ крови да высшихъ коронныхъ чиновъ. По отношенію къ совѣту они отъ скромной роли *агентовъ-исполнителей* постепенно переходятъ къ роли *руководителей*, а подъ конецъ стараго порядка весь центръ тяжести всей правительственной дѣятельности перемѣщается изъ совѣта въ министерства (считая въ числѣ ихъ генеральный контроль, о которомъ рѣчь впереди), а королевскій совѣтъ становятся до извѣстной степени орудіемъ въ рукахъ министровъ. Мы сочли нелишнимъ бросить этой бѣглый взглядъ въ перспективу будущаго, для того чтобы подчеркнуть тотъ фактъ, что *совершившаяся при Ришелье метаморфоза въ роли совѣта и статсъ-секретаріата отмѣчаетъ собою исходный пунктъ очень продолжительнаго и очень важнаго процесса во внутренней исторіи старой Франціи.*

Рядомъ со статсъ-секретарями выдвигается постепенно еще одинъ высшій чиновникъ, который вскорѣ даже заслоняетъ собою статсъ-секретарей это — *суперинтендантъ финансовъ (surintendant des finances).* Первоначально онъ занимаетъ одно изъ второстепенныхъ мѣстъ въ центральной администраціи; но вмѣстѣ съ финансами постепенно ростетъ и его значеніе; *по мѣрѣ того, какъ финансовые вопросы пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе важное значеніе въ государственной жизни, постепенно выдвигается впередъ и первый финансовый чиновникъ, суперинтендантъ.* Онъ даже обгоняетъ въ этомъ отношеніи своихъ ближайшихъ коллегъ, статсъ-секретарей. Передъ послѣдними онъ имѣетъ то немаловажное преимущество, что, держа въ своихъ рукахъ ключъ отъ казеннаго сундука, онъ держитъ до

извѣстной степени въ своей зависимости статсъ-секретарей, самъ однако ни отъ кого не завися, кромѣ короля (да перваго министра—во время Ришелье). Ростъ правительственнаго значенія суперинтенданта продолжается и при Ришелье, безъ всякаго, впрочемъ, активнаго содѣйствія со стороны послѣдняго, а просто въ силу безсознательной „эволюціи“ фактическихъ отношеній. Ростъ этотъ возбуждаетъ даже нѣкоторое неудовольствіе кардинала, по словамъ котораго, „когда суперинтендантъ является въ засѣданіе совѣта, то, вмѣсто того, чтобы представлять отчетъ въ управленіи финансами, разыгрываетъ тамъ роль перваго министра, и всѣ прочіе, дѣйствительно, зависятъ отъ него, потому что онъ держитъ въ своихъ рукахъ шнурокъ отъ казеннаго кошелька, и всегда дѣлаетъ то, что ему угодно“ (Avenel). Выходъ изъ этого несимпатичнаго для перваго министра порядка вещей Ришелье нашелъ въ томъ, что принялъ за правило замѣщать должность суперинтенданта людьми, обладавшими двумя непремѣнными достоинствами: своимъ личнымъ ничтожествомъ и безпрекословною покорностью кардиналу. Сила вещей была, однако, такова, что уже въ началѣ слѣдующаго царствованія суперинтендатъ рѣшительно затмѣваетъ собою прочихъ министровъ.

Номинальными органами центральной власти въ области были, къ началу XVII в., *генералъ-губернаторы* и *финансовыя присутствія*. Первые сосредотичивали въ своихъ рукахъ военное командованіе вмѣстѣ съ военнымъ управленіемъ и полиціей безопасности и съ высшимъ надзоромъ за всѣми мѣстными властями; финансовыя присутствія стягивали въ своихъ рукахъ всѣ нити хозяйственнаго управленія, какъ доманіальнаго, такъ и податного, а также полицейскую и судебную власть по относящимся сюда дѣламъ. *И тѣ и другіе ихъ этихъ номинальныхъ органовъ королевской власти не были, однако, таковыми въ дѣйствительности.* Финансовыя присутствія—потому, что ихъ члены (они титуловались *казначеями Франціи, trésoriers de France*), сдѣлались въ XVI в., по примѣру большинства „королевскихъ людей“, пожизненными и наслѣдственными собственниками своихъ

должностей; генералъ-губернаторы—по тѣмъ причинамъ, которыя были уже ранѣе отмѣчены.

Ришелье не уничтожилъ генералъ-губернаторства, какъ учрежденія, но онъ положилъ начало той политикѣ, конечною цѣлью и результатомъ которой было превращеніе должности генералъ-губернатора въ почетную и доходную синекуру для придворной знати,—въ пышный титулъ безъ всякихъ дѣйствительныхъ функцій. Всякій разъ, какъ являлась къ тому фактическая возможность, „въ помощь“ г.-губернатору посылался генералъ, на котораго возлагалось временно военное командованіе въ области въ отсутствіи г.-губернатора. Отсутствіе г.-губернаторовъ изъ области не только не возбранялось, а, напротивъ, всячески поощрялось. Г.-губернаторы мало-по-малу привыкали къ такому порядку вещей, который позволялъ имъ носить пышный титулъ и получать связанные съ нимъ болѣе или менѣе роскошные доходы, не обременяя себя никакими служебными заботами. *Такъ, мало-по-малу дѣйствительное военное командованіе съ его аттрибутами перешло въ руки главнокомандующихъ въ провинціяхъ (commandants en chef dans les provinces), которые изъ временныхъ замѣстителей г.-губернаторовъ превратились, съ теченіемъ времени, въ постоянныхъ непосредственныхъ агентовъ королевской власти, назначаемыхъ королемъ не пожизненно, а временно—впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія.* Послушность этихъ новыхъ агентовъ королевской власти обезпечивалась, помимо ихъ смѣняемости, еще и тѣмъ, что, въ противоположность г.-губернаторамъ, *главнокомандующіе* назначались обыкновенно изъ незнатныхъ и небогатыхъ дворянъ, добившихся продолжительною службою генеральскихъ чиновъ, и не могшихъ потому не дорожить своею должностью, дававшею имъ, кромѣ виднаго служебнаго и общественнаго положенія, также и матеріальное обезпеченіе.

Спѣшимъ оговориться, что этотъ процессъ вытѣсненія г.-губернаторовъ *главнокомандующими* совершался съ большою постепенностью и медленностью и настолько незамѣтно, что онъ ускользнулъ даже отъ вниманія большинства историковъ (многіе

самый титулъ *главнокомандующаго въ провинціи* ошибочно принимаютъ до сихъ поръ за эпитетъ *генералъ-губернатора)*; вполнѣ закончился указанный процессъ не ранѣе второй половины XVII в., и Ришелье принадлежитъ лишь честь иниціативы въ этомъ дѣлѣ.

Что касается *финансовыхъ присутствій* (*bureaux des finances*), то Ришелье не пытался ни уничтожить, ни реформировать это учрежденіе въ видахъ превращенія его въ болѣе послушное орудіе центральной власти: для этого пришлось бы *выкупить* у „казначеевъ Франціи“ ихъ благопріобрѣтенныя должности, для чего потребовалась бы колоссальная сумма, для реализаціи которой у правительства не было средствъ. Въ этомъ случаѣ Ришелье предпочиталъ идти по излюбленному имъ пути: создавать постепенно на-ряду съ существующимъ, но не отвѣчающимъ болѣе своему назначенію, учрежденіемъ, новое, болѣе удобное въ качествѣ орудія центральной власти. *Подобно тому, какъ, по его иниціативѣ, рядомъ съ генералъ-губернаторомъ выростаетъ постепенно его вытѣсняющій изъ области главнокомандующій, такъ рядомъ съ финансовымъ присутствіемъ выростаетъ постепенно его заслоняющій провинціальный интендантъ.*

Интендантство не было учреждено какимъ-либо законодательнымъ актомъ (какъ это долгое время думали), *а возникло и развилось постепенно, путемъ правительственной практики.* Именно, въ XVI в. начинаетъ входить въ правительственную практику обычай посылать время отъ времени то въ тѣ, то въ другія области *секретарей королевскаго совѣта* (*maîtres des requêtes*). Миссія ихъ поразительно напоминаетъ „государевыхъ посланцевъ“ (missi dominici) Карла Великаго (хотя первые и не имѣютъ никакой исторической связи съ послѣдними): и тѣ и другіе, это прежде всего—„очи и уши государевы“, а въ извѣстныхъ случаяхъ также и „десница государева“. Съ одной стороны, это—*агенты освѣдомленія и наблюденія центральнаго правительства*, съ другой—*агенты-исполнители королевской воли.* Начиная со второй половины

XVI в., посылка этихъ *королевскихъ коммиссаровъ* (*commissaires du roi*) становится регулярною: именно, ежегодно шестеро секретарей совѣта должны были „объѣхать“ все королевство, каждый въ своемъ округѣ. Независимо отъ ежегодныхъ „объѣздовъ“ провинцій секретарями совѣта, правительство продолжало посылать время отъ времени спеціальныхъ агентовъ въ тѣ или другія провинціи по случаю различныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ болѣе прямого вмѣшательства королевской власти.

Эти чрезвычайные агенты, которыхъ правительство назначало либо изъ числа тѣхъ же секретарей совѣта, либо изъ числа „совѣтниковъ“ послѣдняго, либо, наконецъ, изъ членовъ парламентовъ и другихъ высшихъ трибуналовъ,—не имѣютъ еще вполнѣ установившагося оффиціальнаго титула: чаще всего они титулуются *интендантами* или *суперинтендантами* (*intendant, surintendant*) съ различными эпитетами, указывающими въ каждомъ данномъ случаѣ на ихъ спеціальную миссію (*интендантъ юстиціи, интендантъ финансовъ, интендантъ армейскій* и т. д.).

Эти королевскіе коммиссары и интенданты второй половины XVI в. и послужили тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго Ришелье создалъ учрежденіе провинціальнаго интендантства,—или скажемъ точнѣе: *началъ создавать*, потому что окончательно учрежденіе провинціальнаго интендантства, какъ учрежденіе результатное, сложилось лишь во второй половинѣ XVII в. То, что въ лицѣ *королевскихъ коммиссаровъ* съ одной стороны, въ лицѣ различныхъ *интендантовъ* съ другой, представляло собою, такъ сказать, вспомогательную правительственную мѣру, то, начиная со времени Ришелье, постепенно превращается въ постоянное и регулярное административное учрежденіе.

Процессъ, путемъ котораго происходило это превращеніе, заключался въ томъ, что порученія (*commissions*), которыя давались „интендантамъ“ сначала лишь на очень ограниченный срокъ, на годъ, на два, много на три, стали возобновляться на новые сроки, а потомъ стали даваться и безсрочныя „порученія“, и такимъ образомъ *временная должность превращалась мало-по-малу въ постоянную, временный агентъ центральной*

власти превращался въ осѣдлаго администратора. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама собою исчезла надобность въ ежегодныхъ „объѣздахъ“ особыхъ комиссаровъ, функціи которыхъ вполнѣ могли теперь выполнять и „интенданты“, какъ постоянные агенты центральной власти въ области. *Такимъ образомъ, провинціальный интендантъ, сдѣлавшись постояннымъ администраторомъ, соединилъ въ своемъ лицѣ двѣ до тѣхъ поръ уже существовавшія отдѣльно временныя должности:* „королевскихъ комиссаровъ“ и различныхъ спеціальныхъ „интендантовъ“, и слѣдъ этого происхожденія провинціальнаго интендантства сохранился навсегда въ двойномъ оффиціальномъ титулѣ провинціальныхъ интендантовъ: *интендантъ юстиціи, полиціи и финансовъ и коммиссаръ для исполненія королевскихъ исполненій* (*intendant de justice, police et finances et commissaire départi pour l'exécution, des ordres du roi*). Впервые чиновниковъ съ такимъ титуломъ мы встрѣчаемъ въ первые годы правленія Ришелье. Но много еще времени прошло, прежде чѣмъ интендантство получило значеніе общегосударственнаго учрежденія: интенданты вводились мало-по-малу, сначала въ областяхъ, гдѣ не было провинціальныхъ штатовъ, затѣмъ постепенно и во всѣхъ остальныхъ,— процессъ этотъ закончился уже при Людовикѣ XIV.

Съ учрежденіемъ главнокомандующихъ въ провинціяхъ и провинціальныхъ интендантовъ было положено начало той административной централизаціи, которая составляетъ характерную черту абсолютной монархіи во Франціи, — черту, которая, между прочимъ, была перенята и „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ XVIII в. *Ришелье можетъ съ полнымъ правомъ считаться истиннымъ основателемъ этой централизаціи.* Людовикъ XIV является въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, лишь продолжителемъ дѣла, начало которому было положено Ришелье.

III.

Царствованіе Людовика XIV (1643—1714) представляетъ дальнѣйшій и послѣдній шагъ впередъ въ дѣлѣ упроченія и закрѣпленія политическаго абсолютизма во Франціи путемъ развитія административной централизаціи.

По смерти Ришелье (1642) и вскорѣ за нею послѣдовавшей смерти Людовика XIII (1643), произошла—по обыкновенію—новая реакція противъ королевскаго абсолютизма. Фрондирующая феодальная знать поднялась, чтобы возвратить свою былую „свободу“ (о которой говорилъ Ришелье); поднялся парламентъ, чтобы возвратить себѣ былое политическое вліяніе. Но быстрое и полное фіаско этой двойной *фронды* (1648—1653)—дворянской и парламентской—представляетъ собою лучшее и вполнѣ наглядное свидѣтельство успѣховъ, сдѣланныхъ королевскою властью въ правленіе Ришелье.

Отмѣненное было по настоянію фрондирующихъ парламентовъ, новое могучее орудіе центральной власти, въ лицѣ провинціальныхъ *интендантовъ* (1648), было немедленно возстановлено по окончаніи фронды. И не только возстановлено, но *теперь-то оно и получаетъ то дальнѣйшее развитіе, въ силу котораго оно окончательно получаетъ значеніе общегосударственнаго учрежденія. Къ концу XVII в., послѣ того какъ было учреждено интендантство въ Бретани* (1696), *не оставалось болѣе ни одного уголка во всемъ королевствѣ, гдѣ бы центральная власть не имѣла своего постояннаго и непосредственнаго агента и делегата въ лицѣ провинціальнаго интенданта.* Съ тѣхъ поръ вся Франція оказывается покрытою сплошь сѣтью административной централизаціи. *Вмѣстѣ съ тѣмъ, центръ тяжести всего мѣстнаго управленія постепенно переносится изъ финансовыхъ присутствій въ интендантскія канцеляріи, въ то время какъ центръ*

тяжести управленія центральнаго все болѣе и болѣе переносится изъ королевскаго совѣта въ канцелярію статсъ-секретарей и въ особенности —генералъ-контролера. Съ централизаціей административной машины идетъ объ руку ея бюрократизація. Съ тѣхъ поръ какъ, по смерти кардинала Мазарини (1661), должность перваго министра перестала существовать, четверо *статсъ-секретарей*, вмѣстѣ съ *канцлеромъ* и *генералъ-контролеромъ*, сдѣлались непосредственно подчиненными королю взаимно-независимыми начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ, — настоящими министрами въ близкомъ къ нашему современному смыслѣ этого слова. Кромѣ территоріальнаго вѣдомства (каждый изъ статсъ-секретарей имѣлъ въ своемъ управленіи одну изъ четырехъ частей территоріи королевства), каждый изъ статсъ-секретарей имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ извѣстную отрасль внутренняго управленія: *статсъ-секретарь королевскаго дома* (*secrétaire d'état de la maison du roi*) былъ какъ бы министромъ двора съ прибавкою нѣкоторыхъ компетенцій министра внутреннихъ дѣлъ (дѣла церковныя и вѣроисповѣдныя); *статсъ-секретари иностранныхъ дѣлъ, военный и морской* (*secrétaire d'état des affaires étrangéres,—de la guerre,—de la marine*) приближались, по характеру своихъ вѣдомствъ, къ позднѣйшимъ министрамъ тѣхъ же наименованій.

Но въ особенности важную роль въ центральной администраціи начинаетъ играть *генералъ-контролеръ* (*controleur général des finances*). Для уничтоженія должности *суперинтенданта финансовъ* (1661), *генералъ-контролеръ* былъ однимъ изъ подчиненныхъ ему финансовыхъ чиновниковъ. *Съ уничтоженіемъ должности суперинтенданта, генералъ-контролеръ становится настоящимъ министромъ въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ это значеніе принадлежало суперинтенданту.* Короче: перемѣна была въ сущности лишь въ титулѣ и положеніе дѣла отъ того не измѣнилось.

Помимо тѣхъ обстоятельствъ, которыми обусловливалась преобладающая роль суперинтенданта, должность генералъ-контролера пріобрѣла новое значеніе также благодаря личнымъ качествамъ и

характеру дѣятельности перваго своего представителя, которымъ былъ Кольберъ (Colbert),—безспорно самая крупная личность среди всѣхъ министровъ Людовика XIV. При Кольберѣ (1661—1683) или скажемъ точнѣе—въ дѣятельности Кольбера—находитъ себѣ небывало широкое развитіе та *правительственная опека*, первые отчетливые зачатки которой мы наблюдали въ царствованіе Генриха IV. Правительственная опека надъ всѣми сторонами народнаго хозяйства вырабатывается при Кольберѣ въ законченную и стройную систему, которая навсегда осталась связанною съ его именемъ. *Кольбертизмъ*, это—болѣе чѣмъ *опека*; онъ уже не довольствуется ролью *покровителя* и *поощрителя*, онъ беретъ на себя роль *руководителя*. Кольберъ выписываетъ изъ Англіи мастеровъ спеціалистовъ по части стальныхъ издѣлій, которыя до того времени Франціи получали изъ Англіи. Германія снабжала Францію жестянными издѣліями; Кольберъ спѣшитъ сманить нѣсколько нѣмецкихъ мастеровъ этого дѣла во Францію. Французскому посланнику въ Венеціи Кольберъ поручаетъ добыть, на перекоръ строгимъ мѣстнымъ регламентамъ, нѣсколько зеркальныхъ дѣлъ мастеровъ. Кольберъ стремится не только пересадить во Францію различныя отрасли производства, но и довести ихъ до такой степени совершенства, чтобы французскія издѣлія могли наконецъ превзойти свои образцы и сдѣлались бы въ состояніи не только конкуррировать съ послѣдними, но и по возможности стать внѣ конкурренціи. „Покровительства“ и „поощренія“ для этого было, конечно, недостаточно. Кольберъ считалъ необходимымъ взять на себя дѣло *руководства* отечественною промышленностью. Осуществить это руководство онъ думалъ путемъ *правительственной регламентаціи производства*. О характерѣ этой регламентаціи, въ которой нашла себѣ типичное и наглядное выраженіе одна изъ сторонъ *кольбертизма*, можно составить себѣ представленіе, напримѣръ, по тому, что суконнымъ фабрикантамъ предписывалось употреблять въ дѣло шерсть извѣстнаго качества, указывались сорта красокъ, которыя должны были употребляться для окраски суконъ,—опредѣлялась точная ихъ ширина и даже количество нитокъ основы, а также длина кусковъ и т. д., при чемъ всѣ эти

предписанія были обставлены самыми суровыми уголовными взысканіями. „Если матеріи—читаемъ, напримѣръ, въ королевскомъ ордоннансѣ отъ 24 декабря 1670 г.—если матеріи, произведенныя во Франціи, окажутся недоброкачественными и несогласными съ регламентомъ, то онѣ будутъ выставлены на столбѣ, вышиною въ девять футовъ; на немъ будетъ надпись съ обозначеніемъ имени купца или фабриканта, который окажется виновнымъ. Столбъ этотъ долженъ быть поставленъ передъ главнымъ входомъ на фабрику, и выставленные на немъ, какъ недоброкачественные, товары должны оставаться тамъ въ теченіе сорока восьми часовъ, послѣ чего товары эти должны быть взяты оттуда тѣми лицами, по распоряженію которыхъ они были выставлены, и должны быть немедленно порѣзаны, изорваны, сожжены или конфискованы, сообразно съ тѣмъ, какъ будетъ постановлено. Въ случаѣ повторенія проступка, купецъ или фабрикантъ подлежитъ публичному выговору...; кромѣ того, ихъ товары будутъ выставлены на позорномъ столбѣ... Въ третій же разъ они (купецъ или фабрикантъ) будутъ арестованы и прикованы къ позорному столбу вмѣстѣ съ образчиками конфискованнаго у нихъ товара".

Со времени Кольбера генеральный контроль сохраняетъ до конца эту сообщенную ему его основателемъ роль главнаго носителя того духа опеки, которымъ съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе проникается французская монархія—вплоть до конца стараго порядка.

Въ чемъ заключался прогрессъ этого духа опеки? Онъ заключался, съ одной стороны, въ прогрессивной интенсивности правительственнаго вмѣшательства во всѣ стороны народнаго хозяйства, съ другой стороны—въ прогрессивномъ расширеніи сферы этого правительственнаго вмѣшательства въ народную жизнь вообще. Этотъ „духъ" постепенно втягиваетъ въ вѣдомство центральной власти и ея областныхъ органовъ такія стороны народной жизни, которыя ранѣе ускользали отъ вниманія правительства или считались не подлежащими его активному вмѣшательству. Являясь, со времени Кольбера, главнымъ проводникомъ правительственной опеки, генеральный контроль, естественно, всего болѣе выигрываетъ отъ этого

положенія вещей. *Съ расширеніемъ сферы правительственнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь страны, постепенно ростетъ и „вѣдомство“ генералъ-контролера, правительственное значеніе котораго уже и безъ того возрастало въ силу того общаго факта, что финансы и вообще вопросы хозяйственнаго порядка самою силою вещей все болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ въ государственной жизни.* „Финансы, это — душа государства, и вотъ почему финансовое вѣдомство (т. е. генеральный контроль) превосходитъ по своей важности всѣ остальныя“.

Эти слова одного изъ послѣднихъ представителей интересующаго насъ сейчасъ учрежденія (Неккера) въ полной мѣрѣ приложимы уже къ эпохѣ Кольбера. Такъ или иначе, но *въ генеральный контроль, начиная съ Кольбера, все болѣе и болѣе перемѣщается центръ тяжести всей администраціи.* Можно сказать, что генеральный контроль становится при Кольберѣ—и это значеніе онъ продолжаетъ сохранять до конца стараго порядка—настоящимъ *вѣдомствомъ внутренняго управленія*, то-есть такимъ, равнаго которому, по обширности функцій, мы напрасно стали бы искать въ современной административной организаціи Франціи. Сопоставляя съ послѣднею генеральный контроль, мы найдемъ, что его „вѣдомство“ охватывало, либо цѣликомъ, либо отчасти, вѣдомства семи различныхъ министерствъ: министерства финансовъ, торговли и промышленности, общественныхъ работъ (и путей сообщенія), земледѣлія, отчасти—министерствъ внутреннихъ дѣлъ, военнаго и народнаго просвѣщенія. *Если административная централизація старой Франціи является уже дѣломъ законченнымъ къ концу XVII в., то фактическимъ средоточіемъ этой централизованной администраціи является уже не столько королевскій совѣтъ, сколько генеральный контроль.* Генеральный контроль—это, по выраженію Неккера, „министерство, вліяющее всевозможными способами, вѣдомыми и невѣдомыми, на благосостояніе государства и на благоденствіе народа“: характеристика эта опять-таки приложима къ эпохѣ Кольбера въ неменьшей степени, чѣмъ и ко времени Нек-

кора. Точно также, уже при Кольберѣ можно было съ одинаковымъ правомъ сказать слова, произнесенныя болѣе ста лѣтъ спустя (генералъ-контролеромъ Калонномъ): *„генералъ-контролерство Франціи, это—провидѣніе государства“—le contrôleur general est, en France, la providence de l'Etat.*

Этой первенствующей и центральной роли генеральнаго контроля не въ состояніи было поколебать даже то обстоятельство, что преемниками Кольбера въ этой должности были люди, далеко не обладавшіе ни энергіей, ни талантами великаго министра. Кольберъ былъ слишкомъ крупною личностью для Людовика XIV, вообще не выносившаго людей выдающихся; ему нужны были не государственные люди, а аккуратные чиновники, не администраторы съ широкимъ починомъ, а раболѣпные исполнители королевской воли. По той же причинѣ Людовикъ систематически отстранялъ отъ всѣхъ вліятельныхъ государственныхъ должностей представителей феодальной знати. „Онъ чувствовалъ—говоритъ про Людовика XIV его современникъ Сенъ-Симонъ—непреодолимую антипатію къ знати, а его слабость къ министрамъ, ненавидѣвшимъ и унижавшимъ все, чѣмъ они сами не были и не могли сдѣлаться, внушала ему такую же непріязнь и къ аристократическому происхожденію. Онъ боялся послѣдняго такъ же, какъ боялся ума; а если эти два качества соединялись въ одномъ человѣкѣ, и если король начиналъ это замѣчать,—то все было кончено“. Словомъ, люди вліятельные и независимые по своему соціальному положенію ему были также невыносимы, какъ и люди выдающіеся своими талантами и энергіей,—ему нужны были послушныя креатуры. Начиналось настоящее „царство подлой буржуазіи“, какъ ворчали про себя старые аристократы, хотя Людовикъ XIV, слѣдуя завѣтамъ Ришелье, отнюдь не думалъ трогать соціальныхъ и экономическихъ привилегій дворянства.

Преобладающая центральная роль генеральнаго контроля во всей системѣ внутренняго управленія находила себѣ реальную основу, кромѣ указанныхъ выше обстоятельствъ, еще въ томъ фактѣ, что провинціальные органы центральной власти, интенданты, были по большей части креатурами генералъ-контролера. По разъ навсегда установившемуся обыкновенію, интенданты для всѣхъ внутреннихъ

областей—т. е. значительное большинство ихъ—назначались королемъ по представленію генералъ-контролера (для пограничныхъ областей—военнымъ статсъ-секретаремъ). *Развитіе учрежденія провинціальнаго интенданства являлось, такимъ образомъ, однимъ изъ существенныхъ факторовъ роста правительственнаго значенія генеральнаго контроля.* Въ свою очередь, и то, отмѣченное выше, прогрессивное расширеніе сферы правительственнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь страны, которое было другимъ факторомъ роста правительственнаго значенія генеральнаго контроля,—это же расширеніе обусловливало, съ другой стороны, и расширеніе вѣдомства провинціальнаго интенданта, непосредственнаго органа генералъ-контролера.

Параллельный ростъ генеральнаго контроля въ центрѣ и интенданства въ области,—этотъ двойной процессъ представляетъ собою лишь двѣ стороны нѣкотораго общаго процесса, именно - развитія административной централизаціи.

Административная система съ генералъ-контролеромъ на верху, въ центрѣ, и интендантами съ ихъ непосредственными агентами, субделегатами (subdélégués)—внизу, въ области,—эта іерархическая система административной централизаціи, покрывшая собою всю страну въ территоріальномъ смыслѣ, стремится теперь къ тому, чтобы покрыть ее сплошь и въ смыслѣ *административно-правовомъ*. Другими словами, она стремится къ тому, чтобы вытѣснить изъ внутренняго управленія всѣ мѣстныя самостоятельности и всѣ тѣ учрежденія, которыя, не входя въ составъ этой системы, тормозили ея дѣятельность.

Начать съ *генералъ-губернаторовъ*. Людовикъ XIV закончилъ начатое Ришелье дѣло постепеннаго превращенія этого учрежденія въ пышную декорацію. Г.-губернатору все менѣе и менѣе оставалось дѣла въ провинціи; ему незачѣмъ было болѣе ѣздить въ свою область, съ тѣхъ поръ какъ всѣ лежавшія на его обязанности дѣла вершились *главнокомандующимъ*, изъ временнаго превратившимся въ его постояннаго замѣстителя. Г.-губернаторы

и сами находили болѣе привлекательною веселую и беззаботную жизнь въ феерической обстановкѣ двора и въ опьяняющей близости „короля солнца“, чѣмъ скучную и тернистую лѣятельность провинціальнаго администратора, къ тому же ставившую гордаго вельможу въ служебно-подчиненное положеніе по отношенію къ статсъ-секретарю изъ „выскочекъ“, изъ людей безъ роду безъ племени. Г.-губернаторы все болѣе и болѣе привыкали къ мысли, что жить при дворѣ, служить къ его украшенію своими блестящими особами и есть настоящая ихъ служба. Чтобы окончательно ихъ въ томъ увѣрить, Людовикъ XIV, наконецъ, положительнымъ образомъ *запретилъ* имъ „отлучаться“ въ свои „губерніи“ безъ особаго на то его, королевскаго, разрѣшенія. Г.-губернаторъ, желавшій поѣхать въ свою губернію, долженъ былъ брать *отпускъ*. Подобные „отпуски“, впрочемъ, тѣмъ рѣже стали испрашиваться, чѣмъ менѣе охотно они давались. *За исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ областей со штатами, гдѣ за г.-губернаторами оставлено было парадное представительство королевской особы на время сессіи провинціальныхъ штатовъ, должность генералъ-губернатора превратилась при Людовикѣ XIV въ замаскированную почетную пенсію для представителей придворной знати,* такъ какъ, освободившись отъ реальныхъ функцій, должность генералъ-губернатора сохранила всѣ связанныя съ нею доходныя „права“, въ общемъ болѣе, чѣмъ блестящія (доходы крупныхъ генералъ-губернаторствъ исчислялась сотнями тысячъ ливровъ въ годъ).

Что касается *парламентовъ*, то имъ пришлось испытать на себѣ послѣдствія своего участія въ неудавшейся фрондѣ; *право „представленій“ снова подверглось урѣзкамъ, и вопросы управленія снова изъяты изъ ихъ вѣдѣнія.* Во все свое царствованіе Людовикъ XIV держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, а его министры третировали ихъ свысока. „Что касается — читаемъ мы въ одномъ оффиціальномъ письмѣ Кольбера къ гренобльскому интенданту—рѣчей, которыя по этому поводу могутъ возникнуть въ парламентѣ (гренобльскомъ), то объ этомъ не стоитъ ни спраши-

вать, ни отвѣчать, такъ какъ вы знаете, что парламентская шумиха теперь не по сезону".

Далѣе, что касается *финансовыхъ присутствій*, которыя къ концу XVI в. мало-по-малу стянули въ своихъ рукахъ всѣ нити мѣстнаго гражданскаго управленія вокругъ первоначальнаго ядра своихъ чисто хозяйственныхъ полномочій, то *съ превращеніемъ интендантства въ постоянное и общее для всей страны учрежденіе, полномочія финансовыхъ присутствій постепенно переходятъ отъ нихъ къ интендантамъ*, территоріальные округа которыхъ, *интендантства* (*intendances*), по большей части совпадали территоріально съ округами финансовыхъ присутствій, *генеральствами* (*généralités*). Перемѣщеніе центра тяжести мѣстнаго гражданскаго управленія изъ финансовыхъ присутствій въ интендантства совершается частью путемъ захватовъ со стороны интендантовъ, частью путемъ правительственныхъ распоряженій, въ формѣ такъ называемыхъ *постановленій совѣта* (*arrêts du conseil*), которыми все болѣе и болѣе съуживается сфера административной дѣятельности финансовыхъ присутствій и, напротивъ, расширяется постепенно кругъ полномочій интендантовъ. Процессъ этотъ, впервые отчетливо обозначающійся во второй половинѣ XVII в., не прекращается съ той поры вплоть до самаго конца стараго порядка и приводитъ въ концѣ концовъ къ превращенію финансовыхъ присутствій въ одно изъ тѣхъ мертвыхъ учрежденій, которыми такъ изобилуетъ административный строй старой Франціи въ послѣднія времена стараго порядка.

Наконецъ, что касается сословнаго представительства, то въ *послѣдній разъ генеральные штаты были созваны въ 1614—1615 гг.; начиная съ царствованія Людовика XIV, они фактически вычеркиваются изъ „конституціи королевства". Съ тѣхъ поръ остатки сословнаго представительства продолжаютъ жить лишь въ провинціальныхъ штатахъ.* При Ришелье, какъ было выше сказано, число областей со штатами сократилось. При Людовикѣ XIV провинціальные штаты подвергаются дальнѣйшимъ урѣзкамъ. Штаты Нормандіи, временно „пріостановленные" Ришелье, были окончательно уничто-

жены Людовикомъ XIV. Та же участь постигла штаты Турени, Оверни, Орлеанэ, Берри, Мэна, Анжу, Керси, Перигора и Руэрга. Съ тѣхъ поръ провинціальные штаты остаются лишь въ четырехъ большихъ областяхъ—Лангдокѣ, Бретани, Провансѣ и Бургони — и въ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ. Но и относительно оставшихся провинціальныхъ штатовъ были приняты мѣры къ тому, чтобы они какъ можно менѣе служили помѣхой для центральной власти и ея областныхъ органовъ. *Добровольный даръ* (*don gratuit*), подъ именемъ котораго вотировались провинціальными штатами субсидіи въ пользу королевской казны, сдѣлался добровольнымъ лишь по имени. На дѣлѣ цифра дара заранѣе устанавливалась королевскимъ совѣтомъ (то-есть фактически генералъ-контролеромъ), и первымъ актомъ собравшихся сословій области должно было быть вотированіе этого „дара“ безъ какихъ бы то ни было предварительныхъ дебатовъ. Отъ былого права вотировать субсидіи осталось у штатовъ лишь право раскладки и сбора податей чрезъ собственныхъ агентомъ и коммиссаровъ, безъ участія королевскихъ чиновниковъ. Не и помимо этого, провинціальные штаты утратили при Людовикѣ XIV свое былое значеніе, какъ сословно-представительныя учрежденія, вслѣдствіе того, что самому принципу сословнаго представительства былъ нанесенъ серьезный ущербъ. Начать съ того, что депутатами третьяго сословія въ провинціальныхъ штатахъ были обыкновенно городскіе головы (*меры, консулы* и т. д., по тогдашней терминологіи). Но дѣло въ томъ, что эти головы, которые первоначально были выборными, сдѣлались въ концѣ XVII в. собственниками своихъ должностей, которыя были объявлены продажными; были, кромѣ того, города, гдѣ должность головы замѣщалась по назначенію либо короля, либо мѣстнаго сеньера. *Такъ или иначе, но представительство третьяго сословія въ провинціальныхъ штатахъ превращалось такимъ путемъ въ простую фикцію.* Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны, *начиная со времени Людовика XIV, правительство начинаетъ оказывать систематическое давленіе на выборы депутатовъ въ штаты*, тамъ, гдѣ такіе выборы еще сохранялись, по крайней мѣрѣ, по внѣшности. Либо прямо „реко

мендовалйсь“ отъ имени короля кандидаты въ депутаты, либо устранялись отъ депутатства лица, почему-нибудь неугодныя центральной власти или ея мѣстнымъ органамъ. Наконецъ, если при всемъ томъ, въ средѣ собравшихся сословій обнаруживались поползновенія къ протестамъ и оппозиціи, правительство прибѣгало къ одному изъ двухъ средствъ: либо къ подкупу, либо къ устрашенію. Обыкновенно во время сессіи штатовъ, мѣстный интендантъ или главнокомандующій получали въ свое распоряженіе извѣстную сумму „для распредѣленія ея между депутатами, которые заявятъ себя хорошимъ поведеніемъ“. Для депутатовъ другого пошиба было другое средство: въ одинъ прекрасный день—или что было чаще—въ одну темную ночь, неудобный депутатъ получаетъ *закрытое письмо (lettre de cachet)*, за подписью короля, приблизительно такого содержанія: „Господинъ (такой-то), поелику вы нарушаете правильное теченіе дебатовъ въ собраніи трехъ сословій, вредя тѣмъ службѣ и интересамъ области, то и пишу вамъ настоящее письмо, чтобы сказать вамъ, что вы должны оставить мой городъ (такой-то, резиденцію штатовъ) немедленно по полученіи сего“.

Мѣстное самоуправленіе городское и сельское оставалось до Людовика XIV болье или менье нетронутымъ; королевская власть до тѣхъ поръ довольно благодушно мирилась съ его существованіемъ, ограничиваясь лишь единичными актами вмѣшательства въ дѣла того или другого города. *Со времени Людовика XIV вмѣшательство это становится систематическимъ и постояннымъ. Результатомъ этого вмѣшательства является постепенный упадокъ городского и сельскаго самоуправленія*, и именно, въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, создается цѣлая *система эксплуатаціи городовъ фискомъ*, съ другой — воздвигается *система правительственной опеки надъ городскимъ и сельскимъ самоуправленіемъ*

Начало систематической опеки правительства надъ городскимъ и сельскимъ самоуправленіемъ относится ко времени Кольбера (1661—1683). Поводомъ къ вмѣшательству центральной власти въ городское управленіе послужила почти повальная и во многихъ случаяхъ

неоплатная задолженность городовъ, сопровождавшаяся массовымъ отчужденіемъ *коммунальнаго достоянія* (biens communaux)—главнымъ образомъ общинныхъ земель—какъ въ городахъ, такъ и въ особенности въ деревняхъ. Со времени Кольбера, правительство принимаетъ мѣры, съ одной стороны—къ ликвидаціи городскихъ долговъ, съ другой—къ предупрежденію на будущее время повторенія подобной задолженности и дальнѣйшей растраты общинныхъ владѣній. Мѣры послѣдней категоріи сводились къ контролю правительства—главнымъ образомъ черезъ посредство провинціальныхъ интендантовъ—надъ городскимъ и сельскимъ самоуправленіемъ. Контроль этотъ былъ двоякій. Съ одной стороны, онъ имѣлъ въ виду вліять на замѣщеніе выборныхъ должностей по городскому и сельскому управленію (сельскихъ старостъ), съ другой—охранять общественное достояніе городскихъ и сельскихъ обществъ отъ злоупотребленій и расточительности городскихъ и сельскихъ властей. Съ этой цѣлью, напримѣръ, всякая издержка изъ городскихъ или сельскихъ общественныхъ суммъ подлежала предварительному разрѣшенію либо королевскаго совѣта, либо—въ менѣе важныхъ случаяхъ—мѣстнаго интенданта. Надо, однако, замѣтить, что *единственнымъ результатомъ этой опеки, сдѣлавшейся со времени Кольбера однимъ изъ неуклонныхъ принциповъ внутренняго управленія старой Франціи, было лишь стѣсненіе городского и сельскаго самоуправленія, безъ того, однако, чтобы главная цѣль этой опеки—предупрежденіе злоупотребленій и новой задолженности—была достигнута.*

И одною изъ главныхъ причинъ—если не самою главною—такого хозяйственнаго пестроенія была *фискальная политика правительства по отношенію къ городамъ.* Еще при Ришелье правительство отобрало въ казну весь доходъ съ городскихъ заставныхъ пошлинъ (octrois), которыя составляли главный, а въ нѣкоторыхъ городахъ—единственный источникъ городскихъ доходовъ. Этотъ ударъ, нанесенный городскимъ финансамъ, и толкнулъ города на тотъ скользкій путь займовъ и отчужденій общиннаго имущества, который въ концѣ концовъ привелъ города подъ пра-

вительственную опеку. При Людовикѣ XIV правительство изобрѣтаетъ новый, болѣе замысловатый, но не менѣе гибельный для хозяйственнаго благосостоянія городовъ, способъ фискальной эксплуатаціи послѣднихъ. Королевскимъ эдиктомъ 1692 года всѣ городскія должности, бывшія ранѣе выборными, объявлялись *продажными*— въ пользу королевской казны: всякій, кто могъ заплатить извѣстную, болѣе или менѣе крупную сумму, могъ сдѣлаться головой или гласнымъ въ любомъ городѣ. Тѣ города, которые пожелали бы сохранить свое выборное самоуправленіе, должны были *выкупить* городскія должности, то-есть внести въ королевскую казну, единовременно или въ разсрочку, сумму равную общей стоимости всѣхъ должностей даннаго города, по объявленной правительствомъ таксѣ. Это означало, по справедливому замѣчанію Токвиля, „принести въ жертву, вмѣстѣ съ городскою свободой, и матеріальное благосостояніе городовъ“. Всего хуже было то, что эта политика фискальной эксплуатаціи городовъ обратилась въ систематическое вымогательство. Въ самомъ дѣлѣ, едва наиболѣе состоятельные изъ городовъ успѣли дорогою цѣною выкупить свое самоуправленіе, какъ нѣсколько лѣтъ спустя новый королевскій эдиктъ объявилъ снова продажными всѣ ранѣе выкупленныя городскія должности, при чемъ снова предоставлялось городамъ право *выкупиться*. И подобная операція повторялась семь разъ въ теченіе восьмидесяти лѣтъ (1692—1772). Правительство Людовика XIV пыталось распространить эту систему фискальной эксплуатаціи также и на деревни и пустило было въ публичную продажу должность сельскаго старосты, но покупателей не оказалось, и операція потерпѣла полное фіаско.

Эта новая политика правительства по отношенію къ городскому и сельскому управленію представляетъ намъ одинъ изъ первыхъ по времени образчиковъ той фискальности, которая со времени Людовика XIV становится однимъ изъ неизмѣнныхъ аттрибутовъ французской монархіи вплоть до конца стараго порядка.

Фискальность эта находила себѣ выраженіе главнымъ образомъ въ двухъ явленіяхъ: *въ ростѣ податнаго бремени, который далеко опережалъ ростъ платежныхъ силъ насе-*

ленія, съ другой—въ крайней стѣснительности и разорительности для плательщика фискальныхъ пріемовъ, независимо отъ абсолютныхъ размѣровъ фискальнаго времени.

Независимо отъ того, что главная и первоначально единственная подать (*taille*) возрастаетъ съ 14 милліоновъ (при Генрихѣ IV) до 42 милліоновъ (къ половинѣ XVII в.), въ концѣ XVII в. вводится цѣлый рядъ новыхъ податей: *поголовная* (*capitation*), *десятина* (*dixième*), потомъ—*двадцатина* (*vingtième*). Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно возрастаетъ количество *косвенныхъ налоговъ* на различные предметы потребленія, не исключая и предметовъ первой необходимости; далѣе, вводятся различнаго рода монополіи, частью государственныя, частью отдаваемыя на откупъ компаніямъ капиталистовъ; наконецъ, сверхъ всего этого, правительство начинаетъ прибѣгать къ такъ называемымъ „чрезвычайнымъ аферамъ“ (affaires exraordinaires), т. е. различнаго рода фискальнымъ операціямъ, посредствомъ которыхъ являлось возможнымъ добыть денегъ для казны: то организовалась лотерея, то объявлялся денежный сборъ съ такихъ актовъ, какъ крещеніе, бракосочетаніе, погребеніе, - то изобрѣтались ни для кого и ни для чего ненужныя должности, обладатели которыхъ должны были исполнять связанныя съ ними функціи поочередно черезъ годъ и т. д. и т. д.

Начиная съ конца семнадцатаго вѣка донесенія интендантовъ генералъ-контролерамъ полны жалобъ на „невыносимую, на подавляющую тяжесть налоговъ“. *Что эта тяжесть значительно превышала платежныя силы населенія, объ этомъ свидѣтельствуетъ постоянно растущій хозяйственный упадокъ населенія*, въ особенности сельскаго, которое, кромѣ податной тяжести, несло еще на своей спинѣ не меньшую тяжесть разныхъ „феодальныхъ повинностей“ (droits féodaux) натуральныхъ и денежныхъ—въ пользу сеньеровъ, не говоря о „десятинѣ“ (dîme) въ пользу церкви. *Общая совокупность лежащихъ на крестьянской землѣ повинностей—въ пользу казны, церкви и сеньеровъ—часто поглощала большую часть всего*

чистаго дохода земледѣльца, а то и весь цѣликомъ, вслѣдствіе чего запашки сокращались и прежде пахотныя земли превращались въ пустыри.

Фискальный гнетъ былъ тяжелъ для податного населенія не только своею абсолютною тяжестью, но въ значительной мѣрѣ также и характеромъ фискальныхъ пріемовъ, какъ уже было выше замѣчено. Что касается главной подати, *тальи*, съ которой для непривилегированнаго населенія, слилась потомъ и *поголовная подать* (привилегированные, то-есть духовенство, дворянство и чиновничество, были свободны отъ *тальи*), то главное зло этой подати заключалось въ крайней неравномѣрности ея раскладки, основанной сверху до низу на произволѣ. Королевскій совѣтъ—по формѣ, а на дѣлѣ — генералъ-контролеръ опредѣлялъ ежегодно общую сумму *тальи* для всего королевства, и на основаніи полученныхъ отъ интендантовъ донесеній о хозяйственномъ состояніи областей, опредѣлялъ цифру *тальи* каждаго „генеральства“. Эта послѣдняя сумма распредѣлялась, далѣе, сначала между отдѣльными „выборными округами“ (élections, подраздѣленія *генеральствъ*), а затѣмъ внутри каждаго округа — между отдѣльными городскими и сельскими общинами (communautés). Распредѣленіе это производилось интендантомъ, при участіи делегатовъ отъ *финансовыхъ присутствій* и *выборныхъ коллегій*, на основаніи частью личныхъ наблюденій, главнымъ же образомъ на основаніи донесеній субделегатовъ о состояніи урожая и вообще о хозяйственномъ положеніи отдѣльныхъ округовъ и общинъ. При совершенномъ отсутствіи сколько-нибудь правильной сельскохозяйственной статистики, раскладка производилась главнымъ образомъ на глазомѣръ и какъ бы на ощупь, чего впрочемъ и сами интенданты, въ своей оффиціальной перепискѣ, не думаютъ скрывать. Но еще болѣе давала себя чувствовать, своимъ произволомъ, послѣдняя ступень раскладки тальи. Сумма тальи, наложенная на данную, скажемъ, сельскую общину, распредѣлялась между отдѣльными плательщиками либо мѣстными сеньерами, либо особыми чиновниками, либо наконецъ выборными раскладчиками. Не трудно понять, какой просторъ открывался при этомъ для проявленія личныхъ симпатій и антипатій и личныхъ

интересовъ раскладчиковъ, не говоря уже „страхѣ іудейскомъ"; по милости всего этого сплошь да рядомъ оказывались наиболѣе легко обложенными люди наиболѣе вліятельные, т.-е. наиболѣе зажиточные, и всей своей тяжестью подать обрушивалась на спины самыхъ бѣдныхъ плательщиковъ, которые ни для кого не были страшны и ни для кого не были „интересны". „Не подлежитъ сомнѣнію, пишетъ въ 1664 г. къ Кольберу епископъ г. Сэнтъ,— что народъ съ трудомъ выноситъ податную тягость: она черезчуръ велика. Но и отъ уменьшенія подати онъ мало выиграетъ, если *облегчены будутъ лишь богатые, а бѣдные одни будутъ нести всю тяжесть податей, какъ это сплошь да рядомъ случается*", не только потому, что чиновники недостаточно слѣдятъ за точнымъ исполненіемъ регламентовъ, но также и потому еще, что *богатые плательщики безъ труда получаютъ облегченіе подати, застращивая бѣдныхъ сборщиковъ*". „До моего свѣдѣнія дошло, пишетъ въ 1663 г. къ тому же Кольберу овернскій интендантъ,—что въ Верхней Оверни *талья* постоянно дурно раскладывается, какъ потому, что *сеньеры, которые тамъ составляютъ податные списки, всячески мирволятъ своимъ арендаторамъ*, такъ и потому что *сами сборщики часто берутъ взятки отъ мѣстныхъ кулаковъ* (*cocqs de paroisse*), *чтобы уменьшить ихъ долю подати*" (Depping). Всего хуже то, что подобныя явленія были не исключеніемъ, а правиломъ, какъ правиломъ же было и то, что взиманіе *тальи* почти никогда не обходилось безъ вмѣшательства вооруженной силы. Сборъ подати королевскими чиновниками напоминалъ собою операціи побѣдителей въ непріятельской странѣ. Бордоскій интендантъ пишетъ къ Кольберу въ 1662 г., что во многихъ мѣстахъ оказывается совершенно невозможнымъ обойтись, при сборѣ тальи, безъ вооруженной силы; „ихъ такъ пріучили издавна— пишетъ онъ про плательщиковъ—къ принужденію о вооруженной силѣ, что теперь сборщики не въ состояніи ни гроша вырвать у нихъ безъ этой помощи". Въ лучшемъ случаѣ, функціи „вооруженной силы" ограничивались „кормленіемъ" на счетъ неаккуратнаго плательщика (солдатскій постой), впредь до полной уплаты подати; но

сплошь да рядомъ дѣло принимало иной, худшій оборотъ. Въ донесеніи одного судьи къ Кольберу въ 1664 г. между прочимъ говорится объ нѣкоемъ Гримо, который во время сбора подати „былъ сильно избитъ, между тѣмъ какъ на его глазахъ была убита одна изъ его дочерей, и на глазахъ его жены—другая дочь и служанка избиты и изранены шпагами и палками". „Сержанты вообще, прибавляетъ судья, а въ особенности тѣ, что приставлены къ сборищамъ подати, это—свирѣпые звѣри" (Depping).

Не лучше обстояло дѣло съ косвенными налогами и монополіями. Возьмемъ, для примѣра, винный акцизъ и соляную монополію.

Каждая капля винограднаго сока, поступившаго съ виноградника въ подвалы винодѣла, подлежитъ учету акцизнаго чиновника, устанавливающаго количество вина, подлежащаго безпошлинному потребленію самимъ винодѣломъ; остальное облагается акцизомъ впредь до продажи. При продажѣ—новый, повышенный акцизный сборъ. Если оптовый покупатель, въ свою очередь, продаетъ вино по мелочи потребителю,—опять новый акцизъ. Если бочка вина подлежитъ перевозкѣ на болѣе или менѣе далекое разстояніе, она должна слѣдовать по извѣстному, предписанному акцизнымъ управленіемъ, пути: въ случаѣ нарушенія маршрута, вино подлежитъ конфискаціи. На своемъ пути бочка вина встрѣчаетъ то тамъ то сямъ заставы, при проѣздѣ черезъ которыя нужно платить либо новые акцизные сборы, либо подорожные „пеажи". Боченокъ лангдокскаго вина, на своемъ пути въ Парижъ, встрѣчаетъ на своемъ пути до пятнадцати такихъ заставъ, на которыхъ долженъ уплатить отъ 35 до 40 различныхъ денежныхъ сборовъ. Наконецъ, боченокъ довезенъ до воротъ Парижа. Здѣсь надо заплатить заставную городскую пошлину (*octroi*). Когда, наконецъ, боченокъ вина поступилъ въ подвалъ ресторатора, послѣднему остается еще уплатить въ казну акцизъ за раздробительную продажу, и счеты съ фискомъ покончены. Въ общей сложности эти сборы приблизительно удесятеряли первоначальную стоимость продукта, сокращая, конечно, тѣмъ его потребленіе, что, въ свою очередь, отражалось на винодѣліи, составлявшемъ главный источникъ существованія для значительной части населенія страны. Нищета винодѣльческаго насе-

ленія вошла въ пословицу въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII в.; она пріобрѣла характеръ какъ бы стихійнаго бѣдствія, противъ котораго правительство ничего лучшаго не могла придумать, какъ запрещеніе разводить виноградники безъ особаго на то разрѣшенія королевскаго совѣта, а разведенные безъ надлежащаго разрѣшенія виноградники предписано было *вырывать*—точно коренья зла былъ въ самомъ виноградномъ кустѣ...

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой одинъ изъ безчисленныхъ обращиковъ той фискальности, которая, истощая плательщика непосильнымъ бременемъ, въ то же время подтачивали въ корнь его хозяйственное благосостояніе, подрывая прямо или косвенно производительность его труда.

Послѣ всего сказаннаго, мы не удивимся тому, что винный акцизъ не разъ вызывалъ настоящія вспышки народнаго возстанія, приводившія къ кровавой расправѣ озлобленнаго населенія съ акцизными чиновниками и къ не менѣе кровавымъ усмиреніямъ вооруженной силой. Такъ, когда въ 1664 г. въ Берри былъ повышенъ акцизъ на вино, тамъ вспыхнуло настоящее возстаніе, кончившееся для многихъ изъ его участниковъ смертью, увѣчьемъ и галерами (тогдашняя форма каторги); а между тѣмъ вотъ что доносилъ командированный по этому случаю Кольберомъ въ эту область чиновникъ: „Населеніе здѣсь еще бѣднѣе, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ. Нужно также принять во вниманіе скотскій падежъ и неурожаи послѣднихъ лѣтъ, чтобы не обременять новою тягостью то небольшое количество вина, которое остается населенію. Однимъ словомъ, простонародье доведено до совершенной нищеты“ (Clément).

Эта кровавая фискальность, начало которой связано во Франціи со столь блестящимъ по внѣшности царствованіемъ Людовика XIV, находила себѣ еще болѣе яркое выраженіе въ соляной монополіи. Распространеніе послѣдней на области, первоначально отъ нея свободныя, вызвало при Кольберѣ настоящіе народные бунты, подавленные безпощадно мечемъ, висѣлицей и галерами. Были случаи, что въ нѣкоторыхъ областяхъ крестьяне разбѣгались, „оставляя свои дома и все свое имущество“, изъ-за того, что не

въ силахъ были покупать соль, которая имъ обходилась втрое дороже *тальи* (см., напримѣръ, письмо шампанскаго интенданта къ Кольберу, отъ 26 сент. 1665 г., у Деппинга). Ужасъ, который внушало населенію одно слово *gabelle* (названіе соляной монополіи), станетъ для насъ неповсѣмъ непонятнымъ, если мы бросимъ хотя бѣглый взглядъ на то, чѣмъ была на практикѣ „*гибель*“, это одно изъ наиболѣе мрачныхъ изобрѣтеній фискальнаго генія. Для того чтобы, вслѣдствіе непомѣрно высокой цѣны монопольной соли, бѣдные люди не стали кушать безъ соли, было установлено, что всякое лицо старше семи лѣтъ должно купить не менѣе семи фунтовъ соли въ годъ. Въ случаѣ неисполненія— продажа съ молотка имущества неаккуратнаго покупателя: — это для того чтобы заставить купить соли человѣка, которому, быть можетъ, не на что было купить хлѣба. Эти семь фунтовъ предназначались исключительно для „горшка и солонки“. „Горе тому крестьянину, которому вздумалось бы съэкономить нѣсколько соли отъ своего супа, для того чтобы посолить свинины. На него сейчасъ налетятъ соляные пристава: свинина конфискуется, а виновный подвергается штрафу въ 300 ливровъ. Человѣкъ, желающій заготовить солонины, долженъ явиться въ соляной складъ, сдѣлать надлежащее заявленіе и купить другой, особенной соли; затѣмъ онъ обязанъ взять удостовѣреніе на эту соль, которое долженъ предъявлять при каждомъ посѣщеніи соляныхъ надзирателей. Никто не имѣетъ права употреблять для „горшка и солонки“ какую-либо другую соль, кромѣ соли изъ обязательныхъ семи фунтовъ. „Я могу указать, говоритъ Летронь, на двухъ сестеръ, жившихъ на разстояніи лье (около 4 верстъ) отъ города, гдѣ былъ ближайшій соляной складъ, который открывался только по субботамъ. Однажды ихъ запасъ кухонной и столовой соли совсѣмъ вышелъ. Чтобы пробиться какъ-нибудь въ теченіе трехъ или четырехъ дней, оставшихся еще до субботы, онѣ выпарили имѣвшіяся у нихъ остатки разсола отъ какого-то соленья и добыли изъ него нѣсколько унцій соли. Нагрянули соляные пристава, составили протоколъ. Благодаря заступничеству друзей и протекціи, дѣло обошлось имъ всего въ 48 ливровъ“ (Taine). Самый мирный человѣкъ, благодаря *гибели*,

рисковалъ ежедневно впасть въ уголовщину: всякое нарушеніе предписаній „габельнаго кодекса“ (Code des gabelles) означало *контрабанду*. Контрабанда—посолить ветчину кухонной солью: контрабанда—пустить скотину на солончаки; контрабанда, если рыбакъ посолилъ на мѣстѣ пойманную рыбу; если на соленье одного боченка рыбы употреблено соли болѣе полутора фунта — тоже контрабанда.

Не смотря на страшное увеличеніе фискальнаго бремени при Людовикѣ XIV, далеко опережавшее прогрессъ народнаго хозяйства, возрастаніе государственныхъ доходовъ далеко всетаки не поспѣвало за быстро ростущими расходами. Краснорѣчивѣе всего говоритъ объ этомъ та колоссальная сумма долговъ, которая была завѣщана Людовикомъ XIV своему преемнику. По вычисленію одного новѣйшаго статистика (Ловассера), сумма эта простиралась до трехъ съ половиною милліардовъ ливровъ — сумма превышавшая разъ въ двадцать годовой бюджетъ государства.

Откуда же, спрашивается, это колоссальное возрастаніе государственныхъ расходовъ?

Въ значительной мѣрѣ, конечно, ростъ этотъ обусловливался *усложненіемъ административной машины* и въ частности—*бюрократизаціей всего управленія*. Все болѣе и болѣе развивающаяся система правительственной опеки надъ всѣми сторонами народной жизни, расширяя поле дѣятельности администраціи, обусловливала тѣмъ самымъ и соотвѣтствующій ростъ арміи чиновничества. Этому росту, съ другой стороны, способствовала и постепенная бюрократизація администраціи, съ ея двумя неизбѣжными и взаимно неразлучными спутниками: размноженіемъ административныхъ инстанцій и увеличеніемъ канцелярщины и письменнаго дѣлопроизводства. Тѣмъ не менѣе, указанный фактъ играетъ сравнительно второстепенную роль среди причинъ роста государственныхъ расходовъ въ царствованіе Людовика XIV. Главная роль здѣсь принадлежала двумъ фактамъ: это, во-первыхъ—*внѣшней политикѣ* и во-вторыхъ—*двору*.

Сначала—о внѣшней политикѣ. Идея *міровой гегемоніи*, имѣвшая во второй половинѣ XIV в. своимъ представителемъ Фи-

липпа II Испанскаго, нашла себѣ столѣтіе спустя новаго выразителя въ лицѣ Людовика XIV. Результатомъ этой политики мегаломаніи были, прежде всего, *войны*, которыя кровавой полосой тянутся, съ незначительными лишь перерывами, черезъ все продолжительное царствованіе Людовика XIV.

Эти войны, которыя впервые разыгрываются до размѣровъ общеевропейскихъ войнъ, стоили страшно дорого, особенно въ виду прогресса военной техники, которымъ отмѣчена эта эпоха. По приблизительному вычисленію, *войны Людовика XIV поглотили по меньшей мѣрѣ полный доходъ государства за десять лѣтъ*, и поглотили не только непроизводительно для народнаго хозяйства, но и съ прямымъ и глубокимъ ущербомъ для благосостоянія страны: не говоря уже о вредѣ чисто хозяйственномъ, обусловленная этими войнами *гибель до полутора милліона взрослаго мужского населенія* была чувствительною и невознаградимою потерей для страны.

Тамъ, гдѣ война была недостаточнымъ или малопригоднымъ средствомъ, для того чтобы заставить повиноваться французскому королю, тамъ въ подмогу или взамѣнъ желѣзу посылалось золото. Тамъ, гдѣ послушанія нельзя было *завоевать*, его *покупали*, потому что такъ или иначе, но нужно было, чтобы Европа, чтобы вселенная склоняла свою голову передъ „королемъ-солнцемъ“. Дѣло, недодѣланное французскими солдатами, предоставлялось доканчивать французскимъ луидорамъ. Многіе изъ германскихъ князей состояли на постоянномъ жалованьи у Людовика XIV. Курфюрстъ Бранденбургскій получалъ одно время по 800.000 ливровъ въ годъ. Въ числѣ „пансіонеровъ“ французскаго короля состоялъ и англійскій король, послушаніе котораго Людовику XIV стоило Франціи не мало милліоновъ. *Система дипломатическихъ подкуповъ была распространена Людовикомъ почти на всю Европу.* „Пансіонеровъ“ французскаго короля можно было найти и въ Швейцаріи и въ Италіи, при дворахъ Испаніи и Савои, и вплоть до отдаленной Швеціи; наконецъ, они имѣлись даже въ генеральныхъ штатахъ республиканской Голландіи.

Словомъ, внѣшняя политика Людовика XIV, съ ея разорительными войнами и не менѣе, быть можетъ, разорительной си-

стемой дипломатическихъ подкуповъ, была тою бездонною пропастью, куда безслѣдно уходила большая часть тѣхъ милліоновъ, которые удавалось выжать изъ народа цѣною трудового пота и даже, какъ мы видѣли, цѣною крови.

Къ несчастью, на ряду съ этой пропастью была еще другая, это — *дворъ*. То, чѣмъ былъ королевскій дворъ при Франциск I, или даже въ менѣе давнюю пору — при Людовикѣ XIII, представляетъ собою лишь блѣдный намекъ на то, чѣмъ сталъ дворъ при Людовикѣ XIV. *Королевскій абсолютизмъ былъ возведенъ Людовикомъ XIV въ своего рода культъ, и центромъ этого новаго культа долженъ былъ служить дворъ.* Одною изъ главныхъ заботъ его царствованія было сооруженіе соотвѣтствующаго *святилища* для совершенія этого культа. Надъ сооруженіемъ Версальскаго дворца, съ его огромнымъ паркомъ, гдѣ все, начиная отъ кустика до грота съ нимфами, отъ живописнаго каскада до гигантскаго крестообразнаго пруда, было созданіемъ рукъ человѣческихъ, — работала въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ цѣлая армія рабочихъ — отъ 20.000 до 30.000. Не смотря на то, что рабочія руки были даровыя — это были частью солдаты, частью согнанные на „королевскую барщину“ (corvée royale) окрестные крестьяне, — сооруженіе это обошлось въ полтораста милліоновъ ливровъ — сумма, превышавшая средній годовой доходъ государства, не говоря уже о той сторонѣ дѣла, о которой говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ г-жа Севинье: „смертность между рабочими (на версальскихъ постройкахъ) ужасная: каждую ночь увозятъ телѣги, нагруженныя трупами“. Версаль не былъ единственною строительною затѣей „короля-солнца“. Одновременно съ работами въ Версалѣ цѣлая армія архитекторовъ, скульпторовъ, живописцевъ, каменщиковъ и проч. работали надъ постройкой и украшеніемъ многочисленныхъ другихъ резиденцій короля и королевы въ Тріанонѣ, въ Клани, въ Сенъ-Жерменѣ, въ Марли, наконецъ — въ самомъ Парижѣ.

Когда святилище было готово, оставалось его лишь наполнить жрецами и поклонниками. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ Людовикомъ XIV довольно успѣшно. Мы видѣли, какъ уже Францискъ I старался придать внѣшняго блеска трону, создавая вокругъ

себя блестящую и подобострастную толпу придворной знати. То же самое дѣлаетъ и Людовикъ XIV, только въ несравненно большемъ масштабѣ. Важность „особы“ измѣрялась въ тѣ времена прежде всего численностью окружающей и всюду ему сопутствующей „свиты“. У короля, естественно, была самая многочисленная и блестящая „свита“, которая и составляла его „дворъ“. Людовикъ XIV задался цѣлью затмить, въ этомъ отношеніи, не только всѣхъ своихъ предшественниковъ, но и всѣхъ современныхъ ему государей. Для этого ему нужно было прежде всего привлечь ко двору какъ можно больше самой блестящей знати со всего королевства, а для этого нужно было, чтобы дворъ Версаль, сталъ центромъ всякаго благополучія для ея представителей. Послѣднее условіе не трудно было выполнить съ тѣхъ поръ, какъ королевская власть сдѣлалась всесильной и въ то же время стала располагать небывалыми прежде матеріальными средствами. Отнынѣ королевскія милости могли течь широкою рѣкой, и Людовикъ, дѣйствительно, не скупится на „милости“ ко всякому, кто можетъ служить своею персоной къ умноженію и украшенію королевской „свиты“. Для болѣе громкихъ именъ, для людей, чающихъ отъ близости ко двору прежде всего „чести“,—различныя почетныя должности съ болѣе или менѣе звучными титулами, болѣе или менѣе роскошными „привилегіями“ и болѣе или менѣе мизерными функціями; для лицъ, прежде всего чающихъ матеріальныхъ благъ—болѣе или менѣе щедрыя „пенсіи“ или единовременныя болѣе или менѣе крупныя подачки въ формѣ „чека на предъявителя“ (acquits au comptant): наконецъ, для всѣхъ—счастіе лицезрѣть „короля-солнце“ (le Roi-Soleil, какъ любили величать Людовика XIV придворные льстецы) и участвовать въ томъ непрерывномъ празднествѣ въ честь его, въ которое обратилась при немъ придворная жизнь. Со всѣхъ концовъ королевства стекается въ Версаль феодальная знать, чтобы, забывъ про свою былую гордую и угрюмую независимость, вступить во все болѣе и болѣе густѣющіе ряды раззолоченной и раболѣпной придворной аристократіи, и принять участіе въ той блестящей и непрерывной фееріи, которою была жизнь въ Версалѣ.

Другой вопросъ, во что обходилась странѣ эта непрерывная

блестящая феерія. По приблизительнымъ вычисленіямъ, королевскій дворъ, съ его почти десятитысячнымъ штатомъ, со всѣми связанными съ нимъ „милостями“ въ пользу окружавшей его знати, поглощалъ при Людовикѣ XIV не менѣе одной десятой всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Но интересно остановиться нѣсколько на другой сторонѣ дѣла именно—на символическомъ значеніи созданной Людовикомъ XIV придворной жизни, какъ на *организованномъ культѣ королевской власти, или вѣрнѣе—королевской особы.* Придворная *феерія* эта представляла собою вмѣстѣ съ тѣмъ и *мистерію;* участники вѣчнаго праздника версальской жизни были вмѣстѣ съ тѣмъ жрецами и поклонниками новаго культа. Вся эта раззолоченная, напудренная и праздная знать, собравшаяся въ Версаль со всѣхъ концовъ страны, въ сущности очень занята: она не только веселится, но и священнодѣйствуетъ вокругъ своего кумира. Каждый актъ повседневной жизни короля является поводомъ для священнодѣйствія. Пробужденье отъ сна и отходъ ко сну, это—почти религіозныя церемоніи. Когда король встаетъ съ постели, въ спальню впускаются придворные. Съ ранняго утра передняя наполняется придворными высшихъ ранговъ, ожидающими королевскаго пробужденія. Наконецъ, двери королевской спальни отворяются: король проснулся. „Впускаются прежде всего принцы и принцессы королевскаго дома, а также лейбъ-медикъ, лейбъ-хирургъ и другія нужныя лица. Это такъ называемый *семейный выходъ* (*l'entrée familière*). Затѣмъ слѣдуетъ *большой выходъ* (*la grande entrée*): впускаются—оберъ-каммергеръ, оберъ-гардеробмейстеръ, старшіе камеръ-юнкеры, герцоги и нѣкоторые другіе особенно привилегированные вельможи, статсъ-дамы и фрейлины королевы, принцессы, не считая парикмахеровъ, портныхъ и всякаго рода слугъ. Въ это время королю поливаютъ на руки виннаго спирта надъ позолоченнымъ блюдомъ и подаютъ кропильницу: онъ дѣлаетъ крестное знаменіе и прочитываетъ молитву. Затѣмъ, передъ всѣмъ этимъ обществомъ, король встаетъ съ постели и одѣваетъ туфли. Оберъ-каммергеръ и оберъ-камеръ-юнкеръ подаютъ ему халатъ. Надѣвъ его король идетъ къ креслу, гдѣ должно совер-

шиться его одѣяніе. Въ эту минуту двери снова отворяются, и третья людская волна вливается въ спальню: это—*входъ пожалованныхъ* (*l'entrée des brevets*). Вельможи, впускаемые на этотъ разъ пользуются, кромѣ того, драгоцѣнною привилегіей присутствовать при „малой церемоніи отхода ко сну“ (le petit coucher). Вмѣстѣ съ ними входитъ цѣлая вереница служителей, докторовъ и хирурговъ, управляющихъ статьею развлеченій, чтецовъ и др., въ томъ числѣ служитель, завѣдующій королевскимъ стуломъ (chaise percée): публичность жизни короля такова, что ни одно изъ его отправленій не совершается безъ свидѣтелей. Въ тотъ моментъ, какъ чины королевскаго гардероба подходятъ къ королю, чтобы приступить къ его одѣванію, оберъ-камеръ-юнкеръ, извѣщенный привратникомъ, докладываетъ королю имена сеньеровъ, ожидающихъ у дверей. Это четвертый, такъ называемый *комнатный выходъ* (*l'entrée de la chambre*), болѣе многолюдный, чѣмъ предыдущіе. Не считая плащеносцевъ, оруженосцевъ, драпировщиковъ и другихъ служителей, онъ заключаетъ въ себѣ большую часть высшихъ придворныхъ чиновъ... Между тѣмъ король умываетъ руки и начинается его одѣванье. Два пажа снимаютъ съ него туфли; оберъ-гардеробмейстеръ стягиваетъ съ него ночную сорочку за правый рукавъ, а старшій гардеробный служитель за лѣвый, и оба вмѣстѣ передаютъ ее одному изъ гардеробныхъ чиновъ, въ то время какъ одинъ изъ гардеробныхъ камердинеровъ приноситъ свѣжую сорочку, обернутую въ бѣлую тафту. Здѣсь наступаетъ торжественная минута, кульминаціонный пунктъ всей церемоніи. Въ спальню впускается пятый выходъ и нѣсколько минутъ спустя, когда король возьметъ сорочку, послѣдняя людская вольна приведетъ въ королевскую спальню остальныхъ придворныхъ, ожидающихъ въ галлереѣ. Относительно сорочки существовалъ особый регламентъ. Честь подавать ее королю составляла привилегію „дѣтей и внуковъ Франціи“ (*les enfants de France*—дѣти, внуки, братья и сестры короля); въ случаѣ ихъ отсутствія—принцамъ королевскаго дома, за отсутствіемъ же ихъ—оберъ-каммергеру или оберъ-камеръ-юнкеру... Таково королевское вставанье—пьеса въ пяти дѣйствіяхъ“ (Taine). Приведенное здѣсь описаніе представляетъ собою не болѣе, какъ бѣглый

эскизъ; для того чтобы имѣть передъ собой полную картину, нужно читать подробное изложеніе церемоніала королевскаго „вставанья и отхода ко сну“, въ оффиціальномъ ежегодникѣ того времени, называемомъ *Etat de la France*: тамъ *l'ordre du lever et du coucher du roi* излагается на пятидесяти страницахъ. Въ томъ же оффиціальномъ изданіи имѣется полный списокъ придворныхъ чиновъ, который занимаетъ около семисотъ страницъ. Если, по случаю нездоровья, королю прописано лекарство, то королевскій камердинеръ немедленно идетъ оповѣщать „большой выходъ“, въ присутствіи котораго и совершается церемонія пріема лекарства королемъ Королевская ѣда была обставлена не менѣе сложными церемоніями. „Есть *малый куверть* (*petit couvert*), когда король кушаетъ одинъ въ своей спальнѣ и *большой куверть* (*grand couvert*), когда онъ кушаетъ въ передней съ „сыновьями и дочерьми Франціи“; что касается принцевъ и принцессъ королевскаго дома, то они допускались къ королевскому столу лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ... Говядина его величества (la viande de sa majesté) имѣла право еще на большее почтеніе, чѣмъ сорочка его величества. Это была цѣлая процессія, которая, отправляясь изъ буфетной, шествовала къ королевской комнатѣ по цѣлому лабиринту лѣстницъ и корридоровъ. Во главѣ этой процессіи шли два королевскихъ гвардейца съ метръ-д'отелемъ посерединѣ, одинъ дежурный дворянинъ и нѣсколько придворныхъ чиновъ, которые несли говядину. Процессія заключалась двумя другими гвардейцами, „которые не должны были никого подпускать къ говядинѣ“. Для того чтобы подать королю стаканъ воды или вина, требуется не менѣе пяти человѣкъ и четырехъ поклоновъ“ (Lacour-Gayet). Культъ королевской личности отражался даже и на неодушевленныхъ предметахъ, осчастливленныхъ болѣе постояннымъ соприкосновеніемъ съ ней; такъ, проходя черезъ королевскую спальню, всѣ дамы, не исключая и принцессъ королевскаго дома, обязаны были дѣлать реверансъ передъ королевской постелью.

Всѣ эти церемоніи не были пустою формою. „Грубо ошибаются тѣ, читаемъ мы въ *Мемуарахъ* самого Людовика XIV,—

которые думаютъ, что это простыя церемоніи. Народы, надъ которыми мы царствуемъ, не умѣя проникнуть въ суть дѣла, судятъ по внѣшности и большею частью соразмѣряютъ свое уваженіе и послушаніе съ мѣстомъ и чиномъ. Такъ какъ для общества важно быть управляемымъ однимъ, то важно также, чтобы тотъ, кто исполняетъ эту должность, былъ такъ возвышенъ надъ остальными, чтобы не было никого другого, съ кѣмъ его могли бы смѣшивать или сравнивать" (Карѣевъ). Во всякомъ случаѣ, придворный культъ королевской личности не былъ лишь обязательнымъ *жанжествомъ*,—онъ былъ настоящею *религіей*, въ которую одинаково вѣрили и поклонники и предметъ поклоненія. Скептики, во всякомъ случаѣ, составляли незначительное меньшинство, въ родѣ Сенъ-Симона, который не безъ ехидства замѣчаетъ въ своихъ *Мемуарахъ* о Людовикѣ XIV, что „не бойся онъ дьявола (страха передъ которымъ онъ, по милости Божіей, никогда не терялъ), онъ заставилъ бы себѣ идолопоклонствовать, и нашелъ бы себѣ поклонниковъ". Дѣйствительность, какъ мы видѣли, была недалека отъ этого предположительнаго идолопоклонства. По словамъ того же Сенъ-Симона, „Людовикъ XIV почти обоготворилъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, вслѣдствіе постояннаго пользованія безграничнымъ деспотизмомъ, идолопоклонствуя передъ своею властью, на обоготвореніе которой онъ потратилъ все свое царствованіе". „Есть нѣкоторые случаи—разсуждаетъ самъ Людовикъ XIV,—когда мы (т. е. короли), такъ сказать, заступаетъ мѣсто Бога, какъ бы раздѣляемъ съ нимъ всевѣдѣніе и всемогущество, какъ, напримѣръ, въ распознаваніи умовъ, въ распредѣленіи должностей и въ раздачѣ милостей" (Карѣевъ). Про Людовика XIV можно сказать, что онъ былъ вмѣстѣ и творцомъ своего собственнаго культа и своимъ первымъ поклонникомъ. Самъ же онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретикомъ того крайняго абсолютизма, который впервые въ его лицѣ нашелъ себѣ свое полное практическое осуществленіе. Никогда еще, быть можетъ, не находила себѣ теорія чистаго абсолютизма болѣе категорической и рѣзкой формулировки, какъ подъ перомъ самого Людовика XIV. „Франція, писалъ онъ, есть монархія; король представляетъ въ ней всю націю, и передъ королемъ каждый—

только отдѣльная личность. Поэтому вся власть, вся сила сосредоточена въ рукахъ короля, и въ королевствѣ не можетъ существовать иной власти, кромѣ той, которую онъ установляетъ". „Въ государствѣ, къ которомъ вамъ предстоитъ послѣ меня царствовать — писалъ онъ въ своихъ наставленіяхъ наслѣдному принцу — вы не найдете власти, которая бы не гордилась тѣмъ, что она отъ васъ истекаетъ и лишь потому имѣетъ значеніе... *Нація во Франціи не составляетъ самостоятельнаго тѣла, она цѣликомъ заключается въ особѣ короля*". Далѣе, въ *Мемуарахъ* Людовика XIV читаемъ: „Короли суть полновластные господа (seigneurs absolus) и естественно имѣютъ полное право свободно распоряжаться всѣми имуществами, находящимися во владѣніяхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, для того чтобы употреблять ихъ во всякое время, какъ это дѣлаютъ умные хозяева, т. е. сообразно съ общими нуждами ихъ государства. Все, что находится въ предѣлахъ ихъ государствъ, къ какому бы разряду предметовъ это ни относилось, принадлежитъ имъ на этомъ основаніи — и деньги, находящіяся въ ихъ казнѣ, и тѣ, какія имѣются въ рукахъ ихъ казначеевъ, и тѣ, которыя они оставляютъ въ оборотѣ своихъ подданныхъ" (Карѣевъ). „Тотъ, кто далъ королей людямъ, пишетъ Людовикъ въ другомъ мѣстѣ,—хотѣлъ, чтобы ихъ почитали, какъ Его намѣстниковъ, Себѣ Одному предоставляя право судить объ ихъ поведеніи".

Эта теорія королевскаго абсолютизма, построенная на божественномъ правѣ государей, нашла себѣ наиболѣе полное развитіе въ знаменитомъ богословско-политическомъ трактатѣ епископа Боссюэта „Политическое ученіе, извлеченное изъ священнаго писанія" (*La Politique tirée de l'Ecriture sainte*). „Богъ поставилъ—читаемъ мы между прочимъ у Боссюэта—королей, какъ своихъ министровъ и царствуетъ черезъ нихъ надъ народами... *Государи дѣйствуютъ въ качествѣ министровъ Бога и его намѣстниковъ на землѣ*... Государь есть лицо общественное: *все государство содержится въ немъ; въ его волѣ заключается воля всего народа... Это*—

подобіе Бога на землѣ... Вы (государи)—Боги, т. е. вы имѣете въ вашей власти и носите на челѣ божественный характеръ".

Изъ этой теоріи вытекало нѣсколько важныхъ послѣдствій, имѣвшихъ самое серьезное значеніе не только для теоріи, но и для практики королевскаго абсолютизма во Франціи.

„*Въ королевствѣ не можетъ существовать иной власти, кромѣ той, которую установляетъ король*". Стало быть—не остается мѣста для политической роли ни генеральныхъ штатовъ, ни парламентовъ, однимъ словомъ—не остается никакого мѣста для того взаимодѣйствія между этими политическими корпораціями и короной, которое оставляло, такъ сказать, душу „традиціонной монархіи" во Франціи.

„*Нація цѣликомъ заключается въ особѣ короля*", или: „*Въ волѣ короля содержится воля всего народа*". Это положеніе, заключающее въ себѣ ту мысль, которая нашла себѣ лапидарное выраженіе въ извѣстномъ, приписываемомъ Людовику XIV легендарномъ изреченіи (*государство это—я, l' Etat, c' est moi*), отмѣчаетъ собою важный принципіальный поворотъ въ эволюціи абсолютной монархіи во Франціи. Это уже не благодушный абсолютизмъ Генриха IV, это даже не абсолютизмъ—болѣе категорическій—Ришелье, потому что и тотъ и другой во главу угла полагали *государство* и *государственный интересъ*: на мѣсто этого Людовикъ XIV подставляетъ—*особу короля* и *интересъ короля*. Сенъ-Симонъ вполнѣ правъ, замѣчая, что со времени Людовика XIV „не было болѣе рѣчи о *благѣ государства*, объ *интересѣ государства*, о *чести государства*: рѣчь шла о *благѣ короля*, объ *интересѣ короля*, о *чести короля*". Съ этой поры „курсъ" французскаго абсолютизма можно считать окончательно опредѣлившимся. Съ этихъ поръ уже можно было сказать заранѣе, что курсъ этотъ не совпадаетъ съ курсомъ „просвѣщеннаго абсолютизма", который, устами Фридриха II Прусскаго, провозгласитъ совершенно иной принципъ-девизъ: „*Государь есть первый слуга государства*".

Особенной бѣды отъ подстановки короля и его интересовъ на мѣсто государства и государственнаго интереса, разумѣется, не послѣдовало бы, еслибы интересъ короля всегда совпадалъ съ инте-

ресомъ государственнымъ: къ несчастью, въ дѣйствительности такое совпаденіе далеко не было правиломъ. Достаточно указать на тотъ фактъ, что, напримѣръ, интересъ короля—со времени Людовика и впредь до конца старой монархіи—полагался въ томъ, чтобы сохранять соціально-экономическія привилегіи духовенства и дворянства, тогда какъ государственный интересъ, въ чемъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, требовалъ какъ разъ противоположнаго.

Далѣе: „*Передъ королемъ каждый — только отдѣльная личность*“. Отсюда слѣдствіе: такъ какъ личность эта, послѣ того, что не оставалось болѣе мѣста никакимъ политическимъ силамъ въ государствѣ на-ряду съ короной, была лишена какихъ бы то ни было гарантій своей неприкосновенности, то она оказывалась совершенно беззащитною отъ произвола тѣхъ людей, которые имѣли возможность дѣйствовать отъ имени абсолютной власти. Отсюда, какъ практическое послѣдствіе, злоупотребленіе такъ называемыми *закрытыми письмами* (*lettres de cachet*): такого „письма“ за подписью короля было вполнѣ достаточно для того, чтобы любой человѣкъ, безъ всякаго суда и слѣдствія, и даже самъ незная за что, могъ очутиться въ Бастиліи или одномъ изъ многочисленныхъ мѣстъ заключенія подобнаго рода. „До Людовика XIV, говоритъ Сенъ-Симонъ, *закрытыя письма* были мало въ ходу; подъ конецъ (царствованія Людовика XIV) они сыпались градомъ“. При его преемникѣ, какъ извѣстно, было еще хуже: тогда *закрытыя письма* сплошь да рядомъ служили орудіемъ личной мести въ рукахъ безсовѣстныхъ фаворитокъ распутнаго короля.

Далѣе: „*Король имѣетъ полное право располагать имуществомъ своихъ подданныхъ*“. Практическимъ комментаріемъ къ этому теоретическому положенію можетъ служить та гнетущая фискальность, которая со времени Людовика XIV не переставъ высасывать жизненные соки страны и подтачивать народное благосостояніе.

Наконецъ, *логическимъ слѣдствіемъ ученія о божественности королевской власти было проникновеніе послѣдней католико-вѣроисповѣдными тенденціями, въ смыслѣ католической нетерпимости.* Со времени Людовика XIV,

именно — со второй половины его царствованія, французская монархія порываетъ съ традиціями, завѣщанными Генрихомъ IV и Ришелье, въ глазахъ которыхъ „хорошій французъ былъ важнѣе хорошаго католика“, и дѣлаетъ рѣшительный шагъ назадъ, возвращаясь къ отжившимъ и чужимъ традиціямъ, традиціямъ Филиппа II Испанскаго. Людовикъ XIV не даромъ былъ его правнукомъ (его мать была внучкой Филиппа II), и вліяніе испанскихъ традицій было не совсѣмъ чуждо его испытанію. Въ 1695 г. вышелъ королевскій эдиктъ, которымъ отмѣнялся Нантскій эдиктъ (предоставлявшій протестантамъ свободу вѣроисповѣданія). Король, въ качествѣ „старшаго сына католической церкви“, не хотѣлъ болѣе терпѣть еретиковъ на территоріи своего государства. Протестанскіе пасторы должны были выбирать одно изъ двухъ: либо отречься отъ протестантства и примириться съ католическою церковью, либо на всегда покинуть Францію. Протестантское богослуженіе было запрещено, дѣти тѣхъ изъ протестантовъ, которые не пожелали бы перейти въ католичество, должны были быть отобраны у родителей и помѣщены въ католическіе монастыри. Началась настоящая травля протестантовъ. Не смотря на запрещеніе, послѣдніе цѣлыми толпами бѣжали изъ Франціи По приблизительнымъ вычисленіямъ, за 65 лѣтъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта Франція потеряла до 400.000 своего населенія, въ томъ числѣ не мало капиталистовъ, фабрикантовъ, коммерсантовъ, матросовъ, наконецъ — фабричныхъ рабочихъ. Нѣкоторыя области потеряли отъ десяти до двадцати процентовъ своего населенія. Многіе промышленные центры, расцвѣтшіе благодаря заботамъ Кольбера, запустѣли; въ деревняхъ множество пашенъ было запущено и цѣлыя поля превратились въ пустыри. Однимъ словомъ, политика которой было положено начало отмѣной нантскаго эдикта, повлекла за собою такія же послѣдствія для Франціи, какія столѣтіемъ раньше пришлось испытать Испаніи благодаря политикѣ нетерпимости Филиппа II. *Политика нетерпимости довершила то, что было начато политикою мегаломаніи: экономическое и соціальное угнетеніе народныхъ массъ и упадокъ благосостоянія страны.* Въ своихъ донесеніяхъ правительству въ

1698 - 1699 г. провинціальные интенданты единодушно констатируютъ повсюдное уменьшеніе народонаселенія, вмѣстѣ съ крайнимъ обнищаніемъ народной массы; всюду заброшенные поля, прежде цвѣтущіе промышленные центры влачатъ жалкое существованіе. Съ неменьшимъ единодушіемъ указываютъ провинціальные администраторы, какъ на главныя причины такого всеобщаго упадка: на непосильное для населенія податное бремя, на рекрутчину, на массовыя выселенія протестантовъ за-границу. Послѣдующіе годы не только не принесли съ собою улучшенія, а напротивъ, начавшаяся въ началѣ XVIII в. продолжительная и тяжелая война за испанское наслѣдство (1701—1713) нанесла новый тяжелый ударъ и безъ того уже измученной и истощенной странѣ. Маршалъ Вобанъ, которому, по его собственнымъ словамъ, „его бродячая жизнь въ теченіе сорока лѣтъ дала возможность побывать по нѣскольку разъ въ большей части областей королевства“, въ предоставленномъ въ 1707 г. королю (*Проектъ королевской десятины* (*Projet d'une dixme royale*) между прочимъ писалъ: „По сдѣланнымъ мною изысканіямъ оказывается, что въ послѣднее время *около одной десятой части всего народа доведено до нищеты и нищенствуетъ самымъ дѣломъ; что касается остальныхъ девяти частей, то изъ нихъ пять не въ состояніи давать милостыни, потому что сами находятся почти въ томъ же злополучномъ положеніи*“. Три года спустя Фенелонъ писалъ герцогу Шеврезу: „Земледѣліе въ забросѣ, города и деревни безлюдѣютъ, промышленность влачитъ жалкое существованіе и не въ состояніи болѣе кормить своихъ работниковъ“. Все, что можно было выжать изъ народа, было выжато. Въ 1689—1690 г. монархъ богатѣйшей въ мірѣ державы принужденъ былъ приступить къ реализаціи дорогой обстановки своего жилища: массивная серебряная мебель, вазы, балюстрады изъ королевской спальни, наконецъ — массивный серебряный тронъ короля, сидя на которомъ онъ давалъ торжественныя аудіенціи,—все это пришлось сдать на монетный дворъ для обращенія въ монету, которой негдѣ было болѣе достать для содержанія войскъ и для веденія войны... Двадцать лѣтъ спустя, въ 1709 г., въ разгаръ войны за испанское

наслѣдство, пришлось перечеканить въ монету золотую столовую посуду изъ королевскаго буфета и „сѣсть за фаянсъ“. А дефицитъ не переставалъ расти, какъ движущая лавина... Какъ это напоминаетъ послѣдніе года царствованія Филиппа II Испанскаго! Одинаковыя причины—одинаковыя слѣдствія...

Людовикъ XIV оставилъ, умирая, своему наслѣднику разоренную страну, до основъ расшатанное благосостояніе народа и такую брешь въ государственныхъ финансахъ, которую трудно, едва ли даже возможно было задѣлать: общаго сумма оставленнаго имъ государственнаго долга превышала разъ въ двадцать валовой и разъ въ двадцать пять чистый годовой доходъ государства.

Блестящее по видимости царствованіе Людовика „Великаго“ было, быть можетъ, самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ пережитыхъ Франціей. Ослѣпленному его внѣшнимъ блескомъ потомству оно долго представлялось какимъ-то волшебнымъ и чуднымъ миражемъ; для его современниковъ, для огромнаго большинства націи оно было долгимъ и тяжелымъ кошмаромъ...

Не смотря на нѣкоторое облегченіе, наступившее для страны послѣ Людовика XIV, старая Франція не могла уже вполнѣ оправиться отъ ранъ, нанесенныхъ странѣ этимъ царствованіемъ, „столь долгимъ и столь тяжкимъ“, по выраженію одного изъ современниковъ (Сенъ-Симона). Но и оставляя въ сторонѣ эту сторону дѣла, можно сказать вообще, что *за это долгое, но отнюдь не „великое“ царствованіе окончательно сложился въ своихъ главныхъ чертахъ „стараго порядка“ (l'ancien regime) во Франціи, при чемъ окончательно установились и тѣ отрицательныя стороны послѣдняго, которыя роковымъ образомъ привели къ великому перевороту, начавшемуся въ 1789 г. Въ исторіи царствованія Людовика XIV — ключъ къ историческому уразумѣнію великой французской революціи.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Сочиненія общаго характера.

Во „Всеобщей Исторіи“ Лависса и Рамбо (первые семь томовъ вышли въ русскомъ переводѣ) ближайшее отношеніе къ предмету настоящей книжки имѣютъ слѣдующія главы, принадлежащія различнымъ авторамъ: Gebhardt, l'Italie et la Renaissance (t. 4); Mariéjol, l'Espagne de l'avènement d'Isabelle la Catholique jusqu'à l'abdication de Charles-Quint (t. 4); Mariéjol, l'oeuvre de Philippe II (t. 5); Boissonnade, les deux premiers successeurs de Philippe II (t. 5); Boissonnade, le dernier Habsbourg en Espagne (t. 6); Pingaud, Henri IV, pacification de la France (t. 5); Levasseur, Henri IV et Sully (t. 5); Avenel, Louis XIII et Richelieu (t. 5); Lacour-Gayet, Louis XIV, la monarchie absolue (t. 6); Levasseur, La France économique, Colbert et ses successeurs (t. 6); Puaux, Les protestants sous Louis XIV (t. 6). Въ болѣе обширной „Всеобщей Исторіи“ Вебера (переведена цѣликомъ по-русски) соотвѣтствующіе отдѣлы можно найти въ 9 т. и слѣд. Изъ переводныхъ общеисторическихъ курсовъ назовемъ еще „Исторію новаго времени Зеворта (Кіевъ, 1882 и слѣд.; переводъ съ франц. подъ ред. проф. Лучицкаго) и не законченное еще „Всемірную Исторію“ Гельмольта, выходящую одновременно въ нѣм. оригиналѣ и рус. перев., гдѣ также можно найти главы, относящіяся къ предмету настоящей книжки. Что касается оригинальныхъ русскихъ сочиненій общеисторическаго характера, то оставляя въ сторонѣ краткіе курсы проф. Бауэра („Лекціи по новой исторіи“, Спб., 1886) и Петрова („Лекціи по всемірной исторіи“, Харьковъ, 1888), имѣется только одинъ обширный курсъ: „Исторія Западной Европы въ новое время“ проф. Карѣева (относящіеся къ нашему предмету отдѣлы можно найти въ первыхъ трехъ томахъ). Сверхъ

того, нужно назвать слѣдующія монографіи: Виппоръ, Общество, государство и культура Запада въ XVI в. (Міръ Божій, 1897); Koser, Die Epochen der absoluten Monarchie in der neueren Geschichte (Hist. Zeitschr., t. 61 [1889]); Ferrari, Histoire de la raison d'Etat, Paris, 1860; Ranke, Geschichte der romanischen und germanischen Völker, 1494—1545, Leipzig 1824; Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, Jena, 1896, 2 Bde, а также Laurent, Etudes sur l'histoire de l'Humanité, t. IX: la Politique royale; а въ частности—для исторіи политическихъ идей: Janet, Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale, 3 éd., Paris, 1887, 2 vol.; Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, Москва, 1869—1877, 4 т.; Bluntschli, Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik, 2 Aufl., 1867, и по-русски: Блунчли, Исторія общаго государственнаго права и политики съ XVI в. по настоящее время, Спб., 1874; Stahl Geschichte der Rechtsphilosophie, 4 Aufl., 1870.

II. Ранній абсолютизмъ (Итальянскій принципатъ).

Zeller, l'Italie et la Renaissance, Paris, 1893; Burckhardt, Die Kultur der Renaissance in Italien, 3 Aufl., 1877—1878, 2 B-de, и по-русски: Буркгардтъ, Культура Италіи въ эпоху возрожденія, Спб., 1876; Geiger, Renaissance und Humanismus, Berlin, 1882 (въ собраніи Онкена; Gébhardt, Origines de la Renaissance en Italie, Paris, 1879, и по-русски: Жебаръ, Начала возрожденія въ Италіи, Спб., 1900; Voigt, Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, 3 Aufl., Berlin, 1893, 2 B-de, и по-русски: Фойгтъ, Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма, Москва, 1884—1885, 2 т.; Кореллинъ, Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, Москва, 1892, 2 т.; Кореллинъ, Очерки итальянскаго возрожденія, Москва, 1896; Perrens, la Civilisation florentine du XIII au XVI siècle, Paris, 1884; Reumont, Geschichte Tosca-

niens seit dem Ende des florentinischen Freistaates, Gotha. 1876; Reumont, Lorenzo il Magnifico, Leipzig, 1874; Покровскій, Господство Медичи во Флоренціи (въ 3 томѣ „Книги для чтенія по исторіи Среднихъ Вѣковъ", подъ ред. проф. Виноградова); Yriarte, César Borgia, Paris, 1889; Gébhardt, les Borgia (Revue des deux Mondes, 1887—1888); Macchiavelli, Il Principe, Discorsi sopra la prima deca di Livio, Delle storie Fiorentine, и по-русски: Макіавелли, Государь и Разсужденія на первыя три книги Тита Ливія, Спб., 1869; Алексѣевъ, Макіавелли, какъ политическій мыслитель, Москва, 1880; кн. Е. Трубецкой, Политическое міросозерцаніе эпохи возрожденія.

III. Испанско-Габсбургскій абсолютизмъ.

Morel-Fatio, l'Espagne an XVI et au XVII siècle, Heilbronn 1878; Havemann, Darstellungen ans der inneren Geschichte Spaniens während des XV, XVI und XVII Jahrhund., Göttingen 1850; (Baumgarten), Spanien unter den Habsburgen (Preussische Jahrb., III, (1859); Llorente, Histoire de l'inquisition d'Espagne, Paris, 1818, 4 vol (сочиненіе это есть и въ нѣмецкомъ переводѣ, 4 т., 1819); Пискорскій, Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, Кіевъ 1897; Mariéjol, l'Espagne sous Ferdinand et Isabelle, Paris, 1892; Robertson, Histoire de l'Empereur Charles-Quint, Paris, 1843; Baumgarten, Geschichte Karls V, Stuttgart, 1885—1892, 3 B-de; Lanz, Correspondenz des Kaisers Karls V, Leipzig, 1844—1846, 3 B-de; Forneron, Histoire de Philippe II, Paris, 1881—1882, 4 vol.; Prescott, History of the reign of Philipp II King of Spain, London, 1869, (есть русскій перев.); Philippson, Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV, Berlin, 1882 (въ собраніи Онкена); Philippson, la Contre-révolution religieuse au XVI siècle, Paris, 1884; Gachard, Relations des ambassadeurs vénitiens sur

Charles-Quint et Philippe II, Bruxelles, 1856; Gachard, Correspondance de Philippe II, Bruxelles, 1848—1861, 4 vol.; Weiss, l'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'à l'avènement des Bourbons, Bruxelles, 1845, 2 vol.; Häbler, Die wirthschaftliche Blüthe Spaniens im XVI Jahrh. und ihr Verfall, Berlin, 1888.

IV. Абсолютная монархія во Франціи.

Recueil général des anciennes lois françaises, par Jourdan, Decrusy et Isambert, Paris, 1824—1827, 29 vol.; Rambaud, Histoire de la civilisation française, 6 éd., Paris, 1895—1897, 2 vol.; Glasson, Histoire du droit et des institutions de la France, Paris, 1887—1896, 7 vol; Warnkönig unt Stein, Französische Staats—und Rechtsgeschichte, 2 Aufl., Basel, 1875, 3 B-de; Chéruel, Histoire de l'administration monarchique en France depuis l'avènement de Philippe-Auguste jusqu'à la mort de Louis XIV Paris, 1855, 2 vol.; Dareste de la Chavanne, Histoire de l'adminstration et des progrès du pouvoir royal en France depuis le règne de Philippe-Auguste jusqu'a la mort de Louis XIV, Paris, 1848, 2 vol.; Aucoc, le Conseil d'Etat avant et depuis 1789, Paris, 1876; Picot, Histoire des Etats généraux, 2 éd., Paris, 1888, 5 vol.: Luçay, Des origines du pouvoir ministériel en France, les Secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV, Paris, 1881; Hanotaux, Origines de l'institution des Intendants des provinces, Paris, 1884; Mas Latrie, De la formule „Car tel est notre plaisir" (Biblioth. de l'Ecole des chartes, t. 42 (1881); Bardoux, les Légistes, Paris, 1876; Weill, Les théories du pouvoir royal en France, Paris, 1891; Paris, Etudes sur le règne de François I, 2 vol.: Hanotaux, Etudes sur le XVI et le XVII siècle, Paris, 1886; Rauke, Französische Geschichte XVI—XVII Jahrh.,

Stuttgart, 1852—1761, 5 B-de; Bodin, De la République, 1576 (первое изд.); Baudrillart, Bodin et son temps, Paris, 1853; Barthelemy, Etude sur J. Bodin, Paris, 1876; Avenel, Richelieu et la monarchie absolue, Paris, 1884—1890, 4 vol.; Hanotaux, Histoire du cardinal de Richelieu, Paris, 1898; Dussieux, le Cardinal de Richelieu, Paris, 1885; Zeller, Richelieu et les ministres de Louis XIII. Paris, 1880; Caillet, l'Administration en France sous le ministère du cardinal de Richelieu, nouv. éd., Paris, 1863, 2 vol.; Richelieu, Mémoires, Amsterdam, 1730 (позднѣйшія изданія въ собраніяхъ мемуаровъ Petitot и Michaud et Poujoulat); Richelieu, Testament politique, Amsterdam, 1688 (позднѣйшія изд.: Paris, 1764 и у Michaud et Poujoulat; есть также старый русскій переводъ Москва, 1766); Le Bret, Traité de la souveraineté du roi, Paris, 1632; Gaillardin, Histoire de règne de Louis XIV, Paris, 1871—1879, 6 vol,; Philippson, Das Zeitelter Ludwigs XIV, Berlin, 1879 (въ собраніи Онкена); Koch, Das unumschränkte Königthum Ludwigs XIV, Berlin, 1885; Lacour-Gayet, l'Education politique de Louis XIV, Paris, 1898; Clément, la Police sous Louis XIV, Paris, 1866; Vast, les tentatives de Louis XIV pour arriver à l'empire (Revue hist., t. 65, (1897); Spanheim, Relation de le cour de France en 1690, Paris, 1882; Clément, Histoire de Colbert et de son administration, Paris, 1874, 2 vol.; Colbert, Lettres, Instructions et Mémoires, publiés par Clement, Paris, 1861—1882, 10 vol., Haag, la France protestante, 2 éd., Paris, 1877 suiv., 10 vol.; Saint-Simon, Mémoires, nouvelle édition par M. de Boislisle, Paris, 1879—1899, 14 vol.; Louis XIV, Mémoires pour l'instruction du Dauphin, publiés par Dreyss, Paris, 1860, 2 vol.; Depping, Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV, Paris, 1850—1855, 4 vol.; Boislisle, Correspondance des Contrôleurs généraux, Paris, 1874 sulv. 4 voi.; Boislisle, Mémoires des intendants sur l'état des

généralités en 1698—1699, Paris, 1881 (до сихъ поръ вышелъ лишь первый томъ, содержащій въ себѣ „мемуаръ“ о парижскомъ генеральствѣ); Vauban, Frojet d'une dîme royale, 1707; Bossuet, Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture sainte, 1709; Taine, les origines de la France contemporaine, t. I: l'Ancien régime, Paris, 1875 (первое изд., съ тѣхъ поръ вышло нѣск. послѣдовательныхъ изд.); есть русскій пер.: Тэнъ, Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи, СПБ., 1880); Tocqueville, l'Ancien régime et la Révolution, Paris, 1856 (первое изд., за которымъ слѣдовало нѣск. новыхъ; по-русски было переведено нѣск. разъ; новѣйшій и лучшій перев. подъ ред. проф. Виноградова; Токвиль, Старый порядокъ и революція, Москва, 1896, и второе изд. 1898); Sorel, l'Europe et la Révolution française, Paris, 1887 (t. 1, Introduction) и рус. перев.: Сорель, Европа и французская революція, СПБ., 1892 (введеніе).

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СОЧИНЕНІЯ Н. И. КАРѢЕВА:

Исторія западной Европы въ новое время. (Первые 4 тома во второмъ изданіи). Цѣна т. I—2 р.; т. II, III и IV—по 3 р. 50 к., т V—5 р. Т. I—Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени; т. II—Исторія XVI и XVII вѣковъ; т. III—Исторія XVIII вѣка; т. IV—Исторія первой трети XIX вѣка (1799—1830), т. V—Исторія середины XIX вѣка (1830—1870).

Учебныя книги древней, средней и новой исторіи. (Съ картами). Ц. 1 р. 20 к., 1 р. 10 к., 1 р. 30 к.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Ц. 4 р.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Ц. 1 р.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Ц. 2 р.

Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Ц. 1 р.

Польскія реформы XVIII в. Ц. 1 р. 25 к.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 7-е. Ц 50 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

Идеалы общаго образованія. Ц. 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Ц. 50 к.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. (Печатается второе изданіе).

НОВЫЕ ТРУДЫ И. В. ЛУЧИЦКАГО:

Крестьянскія поземельная собственность во Франціи и продажа національныхъ имуществъ. 2 выпуска по 50 к.

Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. Ц. по 50 к.

Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи. Ц. 1 р. 50 к.

По поводу одного научнаго открытія. Ц. 15 к.

Того-же автора:

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (1774—1789). Провинціальные интенданты. Томъ I. С.-Петербургъ, 1900. (Удостоено полной преміи имени С. М. Соловьева). Цѣна **2** р. **50** к. Главный складъ у М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, № 28.

2007056121